

ISSN 2079-9160

Российская
ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
◆
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
◆
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 2(11)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва)

Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кароол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк), Али Осман Шенол (Турция).

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 2(11)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2014

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)

G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik),
E.A. Grunina (Moscow), S.G. Klyashtorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), Zh.S. Syzdykova (Moscow), E.A. Oganova (Moscow),
N.N. Telitsyn (St. Petersburg), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevsk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), Ali Osman Shenol (Turkey).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 2(11)

MOSCOW-KAZAN 2014

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ЧЕРТ В ЯЗЫКАХ ДРЕВНЕ- И СРЕДНЕТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

И.В. Кормушин, г. Москва

Резюме. В статье обсуждается сложная проблема отражения в древнем литературном койне элементов иной диалектной основы, прежде всего, в большой группе памятников рунического письма – орхонских и енисейских.

Ключевые слова: древнетюркская эпоха, древние диалекты, койне, диалектное членение, письменная традиция

Древнетюркская письменная эпоха по меркам всемирной истории относится к эпохе раннего средневековья, продолжавшейся с V по XI вв. н.э. Правда, первые письменные памятники тюркской речи относятся к VII–VIII вв., тогда как концом древнетюркской письменной эпохи российская тюркологическая наука считает XII–XIII вв. [ДТС: VI], когда в результате мощного монгольского завоевательного движения значительной перестройке подверглось культурное и политическое пространство тех частей Центральной и Средней Азии и Восточной Европы, где наряду с другими народами обитали многочисленные тюркоязычные племена.

Важнейшей чертой древнетюркской письменной эпохи является использование единого в своей основе древнетюркского литературного языка. Из соотношения множества изученных древнетюркских памятников предистория становления древнетюркского литературного языка реконструируется приблизительно так.

Первое диалектное членение общесемейного (прототюркского) языка на два ствола – ротацирующий протобулгарский и зетацирующий протоуйгуротюркский, произошло не позднее (а по-моему, гораздо ранее) III в. до н.э.

Через 500–800 лет после этого небулгарский ствол делится на две большие ветви – западную (прототюркско-кыпчакскую) и восточную (протоуйгурскую).

Дальнейшее членение каждой из ветвей на северную и южную подгруппы происходило в пределах второй половины первого тысячелетия н.э.

Иными словами, на момент создания первых тюркоязычных письменных памятников диалектное размежевание на основные группы в языках тюркской семьи уже существовало не менее 3–4 столетий. И только в одной из этих групп – в восточной (протоуйгурской), еще в дописьменную эпоху начинают складываться нормированные формы речи, которые со временем используются другими диалектами в качестве койне, или общего (наддиалектного) литературного языка. Наречия других групп вносят в койне свои лексические и грамматические элементы, устойчивые речения, усиливая его наддиалектный характер.

Некоторую запутанность в историю древнетюркского литературного языка, особенно на ранних этапах его изучения, вносит то обстоятельство, что первые из дошедших до нас письменных памятников, так называемые орхонские, создавались не коренными носителями основ койне – представителями восточной диалектной группы, а напротив, представителями западной диалектной группы, господствующими кланами Второго Восточнотюркского каганата – тюрками (в узком этническом смысле). Как стало понятно позднее, в языке орхонских текстов отразились некоторые фонетические, морфологические и синтаксические особенности именно тюркской (прототурецко-туркменской) речи, спаянной с речью уйгурского диалектного типа.

Такие строевые черты языка орхоники, как начальный *b-*, редкие слова со срединным *-j-* на фоне тотального присутствия его уйгурского соответствия *-d-*, будущее на *-daŋi*, отражают немногочисленные тюркские особенности.

Тогда как срединный *-d-*, начальный *m-* в тех словах, что не заместились тюркским *b-*, будущее на *-ŋaj* демонстрируют господствующий в койне уйгурский лингвотип.

Представляется, что в гораздо большей степени, чем строевыми чертами, язык орхонских памятников наполнен специфически тюркскими лексемами, выявление которых, впрочем, требует скрупулезного лексико-семантического компаративного анализа.

Орхонскими нередко расширительно называют все рунические тюркоязычные памятники с территории Монголии, объединяя вместе памятники II Восточнотюркского каганата (конец VII – пер. пол. VIII вв.) с памятниками уже иной эпохи – Уйгурского каганата (втор. пол. VIII – пер. пол. IX вв.). Иногда можно называть эти две группы памятников отюкено-тюркскими и отюкено-уйгурскими, с тем лишь добавлением, что нахождение памятников обеих групп не ограничивалось древним Отюкеном (совр. Хангай), но распространялось на ближние и дальние подступы к центру этих, сменивших друг друга государственных образований. Главное же, что из этих двух немного различающихся литературных языков только уйгурская языковая традиция имела полнокровное продолжение в древнеуйгурских памятниках Восточного Туркестана, а затем и в произведениях караханидской эпохи.

Значительный интерес с точки зрения отражения в древнем литературном койне элементов иной диалектной основы имеет большая группа памятников рунического письма, называемых енисейскими. По политической привязке они относятся к государству древних (енисейских) кыркызов (кыргызов), существовавшему с VI по X/XI вв. на территории Минусинской котловины, а в период экспансии этого государства – в более широких границах с выходом на территории Тувы и прилегающих к Туве регионов Монголии.

В соответствии с общепринятым в лингвистике подходом к койне как постоянно обновляющемуся сплаву разнодиалектных языковых составляющих, мы можем предугадать (а в последнее время действительно удостоверяем) наличие в енисейских текстах

- 1) киргизских элементов, т.е. элементов южно-алтайского и северо-киргизского лингвотипа, напластовавшихся на историческую уйгурскую основу койне (это единичные формы с инлаутным *-j-*, отдельные лексемы);
- 2) тувинских элементов, – только отдельные лексемы (в отношении инлаутного *-j-* тувинский совпадает с древнетюркским);
- 3) отдельных специфических лексических элементов.

Анализ на «чужеродность» или, лучше сказать, на инодиалектность отдельных лексем – вещь довольно сложная сама по себе, может еще осложняться пе-

рекрестными заимствованиями из диалекта в диалект, причем как через посредство литературного языка, так и без такового посредства.

Например. Слово *qin'ciij* заимствовано из китайского языка, где оно значило 'принцесса, младшая родственница императорского дома'. Оно вошло в язык и уйгуров, и тюрков, но, видимо, в тюркском оно стало принимать значение 'супруги (правителя)' в связи с особой политикой китайского правительства одаривать тюркских правителей женами-принцессами, все считавшимися дочерьми китайского императора, что ставило тюркского правителя в положение зятя-сына императора, т.е. заведомо на ступень ниже. Затем это слово, скорее всего, из тюркского входит в древнекыргызский литературный язык уже к началу VIII в., – мы удостоверяем это по тексту надписи в честь Кюль-тегина. Следующий этап – слово *кунчуй* входит в древнетувинский язык, что мы удостоверяем показаниями современных тувинского и тофаларского языков, где оно имеет своеобразное значение 'свекровь' и выступает в паре с *бег* 'свекор'. Семантика обоих этих слов показывает особое их развитие в топаских диалектах, каким-то образом связанное с более высоким социальным статусом родителей мужа по отношению к тувинской родне жены.

Но вот еще одно слово енисейских надписей – хронологически более поздний синоним *кунчуй* – слово *эбчи*, по внутренней форме означающее 'хозяйка дома'. По происхождению мотивирующее слово *эб* может быть как уйгурским, так и тюркским. Только производное *эбчи* перешло в древнекыргызский литературный язык (поскольку слово 'дом' в киргизском – *үй*, связано с другой линией развития этого же слова), а из древнекыргызского оно попало и в хакасский, и в тувинский (где по тем же причинам, что и в киргизском, не может считаться автохтонным). Из соотношения коннотаций этого слова: в хакасском – положительная, в тувинском – отрицательная, можно думать, что это отражает какие-то социальные межэтнические отношения федератов древнекыргызского государства.

Приведенные примеры только в малой, можно сказать, ничтожной степени приоткрывают завесу формирования диалектов современных языков. Всегда нужно помнить, что это процесс многовекторный и разнонаправленный. С другой стороны, это процесс нескончаемого, постоянного обновления и взаимообогащения как диалектов внутри данного языка, так и в целом данного национального языка в его различных ипостасях системы диалектов, общенародного разговорного и литературного языков – как с родственными, так и неродственными языками. Каждая из указанных форм языка в каждый отдельный момент истории и устойчива, и несет в себе следы былой неустойчивости, движения, т.е. следы своей, не всегда простой и однозначной истории.

Kormushin I.V., Problems to distinguish dialectal features in the language of Old and Middle Turkic written monuments

Summary. The article discusses a very complicated problem of reflection of dialectal elements in the language of the ancient literary *koine*, first of all, in the big group of written monuments in the Old Turkic runic writing – the Orkhon and Yenisei ones.

Key words: Old Turkic époque, ancient dialects, *koine*, dialectal stratification, written tradition

**О ПОНЯТИЯХ «ВНЕШНЯЯ» И «ВНУТРЕННЯЯ» ФОРМА ЯЗЫКА
(На материале языка ДТРП как представителя языков
агглютинативного типа)**

М.Э. Дубровина, г. Санкт-Петербург

Резюме. Как известно, у грамматологов при изучении письменностей принято различать внешнюю и внутреннюю формы письма. Этот подход применим и при исследовании языков как знаковых систем, приспособленных для обмена информацией. С позиций морфологической типологии важнейшим критерием для выделения агглютинативных языков является особый способ соединения морфем – агглютинация. Агглютинативную технику следует относить к «внешней» форме языка. Тогда как интерес типолога должен сосредоточиться на поисках особенностей «внутренней» формы агглютинативных языков.

Ключевые слова: морфологическая классификация языков, агглютинативные языки, тюркские языки, языковая техника

В качестве базисного языка для нашего исследования взят язык древнетюркских рунических памятников (далее – язык ДТРП) как первый, письменно зафиксированный тюркский язык. Тексты на этом языке создавались в период с VII по IX вв. Таким образом, можно утверждать, что в диахроническом отношении исследуемый язык является языком, наиболее ранним из имеющихся на сегодняшний момент тюркских языков. Именно это обстоятельство привлекает к нему внимание исследователей. Ведь гипотетически можно предположить, что особенности языка ДТРП, как наиболее архаичного, отражают некие общие закономерности, свойственные в той или иной мере большей части тюркских языков. Однако несмотря на то, что этот тезис пока не может быть принят в качестве общепринятого, автор настоящей работы постарается выявить именно те черты исследуемого языка, которые могли бы быть названы общетюркскими и, своего рода, показательными в типологическом отношении.

Язык ДТРП, как и все тюркские языки, относится к группе агглютинативных языков суффиксального вида. Агглютинативным языкам присущи некоторые характерные свойства, отличающие их от языков иного типа. С позиций морфологической типологии важнейшим критерием для выделения этого типа языков является особый способ соединения морфем – агглютинация [Ахманова 1966: 530; ЛЭС: 17]. Агглютинация же обычно трактуется как способ слово- и формообразования, при котором к основе или корню, в преобладающем количестве случаев сохраняющим свой стабильный звуковой состав, присоединяются однозначные стандартные аффиксы [ЛЭС: 17].

Однако применение в качестве ведущего основания для деления языков типа морфем и способа их соединения, на наш взгляд, не дает возможности обнаружить саму суть языкового различия, оно не объясняет глубинных причин этого различия, в частности причину наличия в языке морфем именно такого типа.

Действительно, почему в агглютинативных языках употребляются именно такие морфемы, границы между которыми в большинстве случаев достаточно легко провести, а во флективных языках распространены флексии, сопровождаемые такими явлениями, как фузия и сандхи, зачастую не позволяющими отделить один показатель от другого.

Точно так же дело обстоит и с другими типологическими признаками: 1) наличие единого типа склонения и спряжения в агглютинативных и большого количества типов склонения и спряжения во флективных языках; 2) отсутствие фонетически не обусловленных изменений корня в агглютинативных и наличие такового во флективных языках; 3) однозначность морфем в агглютинативных и их многозначность во флективных и т. д. [ЛЭС: 511].

Как известно, у грамматологов при изучении письменностей принято различать внешнюю и внутреннюю формы письма [Фридрих 1979: 47]. На наш взгляд, этот подход применим и при исследовании самих языков как одной из разновидностей знаковых систем, приспособленных для обмена информацией. Здесь так же оправданно различать внешнюю и внутреннюю форму языка. Например, В. фон Гумбольдт нередко писал именно о «внутренней форме» языка, о его содержательной стороне. В своих поисках он исходил из того, что «внутренняя форма» языка складывается из духовных свойств нации и из преобладающей направленности ее сознания, в зависимости от чего, язык по-разному осваивает и воспроизводит окружающий мир [Гумбольдт 1984: 173]. Так, по его мнению, в соответствии с духовными задатками народа складывается форма каждого языка, и в частности его внутренняя форма, понимаемая ученым в качестве присущего конкретному языку способа организации мысли, «способа представления», «осмысления», «модификации» ее элементов [Гумбольдт 1984: 103, 149, 317; Гумбольдт 1985: 396].

В результате многолетних исследований автор настоящей статьи хочет предложить следующие определения понятий «внешняя» и «внутренняя» форма языка. Внешняя форма языка, на наш взгляд, представляет собой набор фонологических, морфологических, лексических и синтаксических элементов, из которых состоит «материя» языка, т.е. вся совокупность фонем, морфем, лексем и синтаксем, а также способов соединения этих инвентарных единиц в единицы более высокого уровня.

Под внутренней формой языка можно понимать совокупность всех функциональных свойств единиц всех системных уровней языка, которые могут быть последовательно сводимы от более частных к более общим строевым закономерностям, позволяющим данному языку максимально эффективно (исходя из определенных заданных условий) выполнять свою первичную функцию – обеспечивать коммуникацию.

Таким образом, перечисленные в начале статьи типологические признаки разумно отнести к внешним, материальным признакам языков агглютинативного типа. Морфологические отличия языков, в свою очередь, являются следствием более глубоких причин, которые необходимо искать во всей целостной системе.

Многие лингвисты стремились проникнуть в глубь языковой системы и найти ответы на многие вопросы типологического свойства. Так, Б.А. Серебряников в качестве решающих факторов, под влиянием которых формируются особенности урало-алтайских языков как представителей языков агглютинативного типа, выделил две тенденции: во-первых, «отсутствие классных показате

лей» и, во-вторых, строго установленный порядок следования компонентов синтаксических конструкций, при котором «определение предшествует определяемому» [Серебренников 1965: 21] Примеров, подтверждающих истинность сформулированных Б.А. Серебренниковым характеристик, можно в достаточном количестве обнаружить в древних и современных тюркских языках. Ни родовых показателей, функция которых во флективных языках сводится к тому, чтобы быть атрибутом, прежде всего, класса существительных, ни различных согласовательных показателей класса прилагательных в тюркских языках нет. Отсюда вытекает и отсутствие различных типов склонения, влекущих к неустойчивости парадигмы и к постоянным внутренним изменениям основы.

Посредством же определенного порядка следования зависимых и главных компонентов высказывания, который также представлен во всех тюркских языках практически в неизменном виде, создается удобная возможность передачи атрибутивных отношений без привлечения морфологии. Однако если попытаться выявить причину и первого свойства и второго, то окажется, что они направлены на одно и то же, служат единой цели, а именно, стремятся сохранить основу слова неизменной, одинаковой в различных ее проявлениях в высказывании и легко отделяемой от морфем. Здесь необходимо найти ответ на два вопроса: во-первых, почему языковая система стремится сохранить основу слова стабильной в фонетическом отношении; во-вторых, в силу какого фактора все морфемы этих языков продолжают оставаться легко отделяемыми от друг от друга.

Прежде всего, необходимо осознавать, что язык это система с определенной функцией. Известно, что этот тезис разделяется практически всеми лингвистами и является как бы уже общим местом в языкознании, но, принимая это положение, важно принимать и тот тезис, согласно которому и язык, в свою очередь, входит в некую надсистему и является лишь ее частью. Очевидно, в качестве такой надсистемы языка можно обозначить весь спектр человеческой жизнедеятельности: уровень цивилизации, размер сообщества, степень спаянности между членами коммуникативной общности, практическая деятельность носителей языка и т.д. В последнее время, например, многие языки малочисленных народов севера России выходят из употребления, в том числе, и потому что сокращается исконно присущая этим народам практическая деятельность (оленоводство, рыболовство)

Признавая язык частью (элементом) системы более высокого уровня, в настоящей работе мы также считаем правомерным тезис о том, что язык — это адаптивная (т.е. приспособливающаяся, самонастраивающаяся) система, имеющая вполне определенную функцию — быть средством обмена мыслями между людьми [Мельников 1969: 46–47]. Будучи адаптивной системой, любой язык подстраивается под некоторые внешние требования (т.е. запросы надсистемы, в которую входит язык как его часть) для того, чтобы наиболее эффективно передавать необходимые для коммуникантов смыслы. Под влиянием этих внешних требований в языке и формируется детерминанта, или общий закон, который организует и всю структуру языка вообще и каждый отдельный ее уровень. Г.П. Мельникову, основоположнику детерминантного подхода в лингвистике [Мельников 2003], удалось нащупать свойство, под влиянием которого формируются многие (если не сказать все) ведущие строевые признаки тюркских языков. Основываясь на его многолетних наблюдениях над языками различных типов, основным внешним требованием по отношению к тюркским языкам можно считать стремление говорящего при кодировании мысли в языковые и речевые

средства опираться на степень осведомленности слушающего об этой мысли. Если слушающий полностью «в курсе» получаемой информации, то говорящий будет использовать в речи меньшее число служебных (морфологических) средств, если же степень его осведомленности недостаточная, тогда говорящий прибегнет к большему их количеству. Этот основополагающий принцип был сформулирован как «тенденция к экономии служебных морфем» в словоформах агглютинативных языков [Мельников 1965: 130].

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от других языков, носители которых также стремятся к экономии, в тюркских языках экономное использование распространяется прежде всего на морфологические показатели. Именно под влиянием этого принципа происходит отбор тех или иных аффиксов для участия в словоформе. Говоря иначе, говорящий на таком языке в речи с легкостью может не употреблять, например, аффикс множественного числа, даже если дело касается нескольких предметов, или аффикс падежа, если связь действия и предмета ясна из контекста. Эту особенность подмечали многие исследователи тюркских и других урало-алтайских языков. Так, В. Котвич пишет: «... там, где порядок слов, а также содержание гарантируют правильное понимание, такие грамматические элементы, как падежные окончания... показатели множественного числа и принадлежности, не обязательны – говорящий может ими пользоваться п р о з в о л ь н о... В то же время, если такой гарантии нет, употребление вышеназванных элементов обязательно...(разрядка наша. – МД)» [Котвич 1962: 341]. По замечанию И.А. Бодуэна де Куртене, во флективных индоевропейских языках наблюдается «слитие всех слогов, как суффиксов и т.д., в одно слово в строгом смысле», тогда как в «туранских языках» – «сохранение отчетливости, обособленности суффиксов, сочетающихся, так сказать, только временно с известным главным корнем» [Бодуэн де Куртене 1963: 104].

Таким образом, как отмечают В.Г. Гузев и А.А. Бурькин: «В языке агглютинативного строя принципиально отсутствует набор готовых словоформ» [Гузев–Бурькин 2007: 112], что влечет за собой непривычное для исследователей иных языков свойство, а именно то, что и лексические, и морфологические единицы «существуют в языковой системе отдельно» [Гузев–Бурькин 2007: 113]. Именно стремление к относительной функциональной автономности служебных морфем обусловлено тем, что в любой момент говорящий может изъять их из словоформы в речи, и является причиной такого чисто внешнего признака агглютинативных языков, как наличие четких границ между морфемами и отсутствие фузии.

Определив, что основные особенности языков разных типов заключены в их внутренней форме, и для агглютинативных языков тюркского типа такой особенностью является стремление к экономному употреблению аффиксов, перейдем к иллюстрации сформулированного тезиса.

В ходе анализа текстов памятников рунического письма мы пришли к следующему заключению. В этом языке в зону экономного использования попадает большее число форм, чем в современном турецком языке. Так, судя по имеющимся данным, меньшей облигаторностью в языке памятников обладают показатель множественности *-lar*, показатель 3-его лица при втором компоненте изафетной конструкции (3 типа), аффиксы родительного, винительного, местноисходного падежей, показатель вторичной репрезентации *-ki*.

В текстах рунических памятников прослеживается употребление основы имени без показателя множественного числа для выражения множества:

1. *Atyğ(1) yka(2) bajur ärtimiz* (Тк, 27) *‘Мы привязали лошадей(1) к деревьям(2)’*. Несмотря на отсутствие показателя множественности -lar интерпретация словоформ *atyğ* и *yca* как ‘лошадь’ ‘к дереву’, то есть в качестве единичных предметов, явно противоречила бы контексту.

2. *Kejik(1) jiju, tabyşgan(2) jiju olurur ärtimiz.* (Тк, 7) *‘Мы жили, поедая оленей(1), поедая зайцев(2)’*.

3. *Altun(1), kümüş(2), isigti(3), kutaj(4) buşsyz anča birür...*(Ktm, 5) *‘... дающий так, без стеснения золото(1), серебро(2), спиртные напитки(3), шелк(4)’*.

4. *... türk bodun üläsikig anta aňyğ kisi anča boşğurur ärmis* (Ktm, 7) *‘Тогда злые люди так наставляли часть тюркского народа’*.

5. *tokuz är ölürtim* (E 44, 3) *‘Я убил девять воинов’*.

Аффиксы принадлежности также могут не употребляться, исходя исключительно из стремления к экономии:

Siziñ är at (E 26) *‘Ваше героическое имя...’*.

Biziñ sü aty (Ktb, 39) *‘Кони нашего войска...’*.

Тем не менее, существует синтаксическая модель, в соответствии с которой после слов *är* и *sü* необходимо было бы употребить соответствующие аффиксы лица, типа: ‘*är*+ваш’ и ‘*sü*+наш’.

В текстах также возможны неупотребления аффикса родительного падежа и аффикса принадлежности 3 л. ед.ч. в изафетных конструкциях, построенных по моделям:

1. существительное + существительное+аффикс 3 л.ед.ч.

2. существительное+афф.род.падежа + существительное+аффикс 3 л.ед.ч.

Anta kisrä Jir Bajırku(1) uluğ Irkin(2) jağy bolty (Kt, 34) *‘После этого великий Иркин(2) (племени) Йир Байирку(1) стал врагом’*.

В этом примере отношение принадлежности объекта обладания, обозначающего соответственно словом *Irkin* ‘Иркин’, к обладателю, обозначаемому именем собственным *Jir Bajırku* ‘(племя) Йир Байирку’, как видно, не имеет эксплицитного выражения.

Baz kagan tokuz oguz(1) bodun(2) jağy ärmis (Ktb, 14) *‘Народ(2) тогуз-огузов(1) во главе с Баз-каганом был врагом’*.

Вопреки утверждениям некоторых тюркологов в текстах памятников многочисленны примеры конструкций, в которых второй компонент снабжен аффиксом принадлежности, при том, что первый, представляет собой какой-либо этноним:

Üzä türk(1) täñri+si(2) türk yduk jiri suby anča timis... (Ktb, 11) *‘Вверху небо(2) тюрков(1) (божество тюрков) и священная земля и вода тюрков так сказали...’*

Этот пример демонстрирует, что в отличие от устойчивых, однозначно интерпретируемых словосочетаний типа *türk bodun*, в которых второй компонент притяжательной конструкции *bodun* остается без морфологического оформления, в словосочетании *türk täñrisi* отношение между первым и вторым компонентами закреплено с помощью грамматического показателя.

1. *Tabğaç kağanuñ* (род. падеж) *içräki bedizçig ydy* (Ktm, 12) *‘Табгач послал художника кагана’*. В этом примере первый компонент атрибутивной конструкции *kağanuñ* ‘кагана’ оформлен аффиксом родительного падежа, тогда как второй ее компонент *bedizçi* ‘художник’ не имеет показателя принадлежности. Подобное наблюдается и в следующем примере:

2. ... Jägin Silig begiñ (1) (род. падеж) kädimlik toryğ at (2) (без показателя) binip tägdı (Kt, 33) 'Он выступил в бой, сев на коня(2), принадлежащего Ягын Силиг беку(1)'.

Точно так же весьма распространены конструкции, в которых слово, называющее обладателя, не получает показателя родительного падежа, как это преобладает в ряде современных литературных тюркских языках:

1. Oğly (без показателя род. падежа.) aty (E 26, 2) 'имя его сына'.

2. Ögüm(1) ötin alajyn qañum(2) sabyn tuñlajın tir (IB, 90) 'Говоря: «Да получу я наставления моей матери(1), да услышу я речи моего отца(2)»...'

3. Bodunyg äçüm apam törüsinča jaratmis bosgurmıs (Ktb, 13) 'Народ он устроил и направил в соответствии с законом моих предков'.

4. Äki šad(1) ulaju inijigünim(2) oğlanym(3) beglärim(4) bodunym(5) közi kaşy jablak boltaçy tip saqyntym (Ktb, 51) 'Я горевал из-за того, что оба шада(1), а за ними мои младшие родичи(2), мои потомки(3), мои беки(4), мой народ(5) окажутся в беде'.

В рунических текстах можно обнаружить многочисленные случаи, когда аффиксы разных падежей, необходимых по нормам современных языков, не употребляются.

Винительный падеж:

1. Yrak ärsär jablak ağı birür jağyk ärsär ädgü ağı birür tip anča boşğurur ärmış. (Ktm, 7) 'Если будешь далеко, будут давать плохие драгоценности, если будешь близко, будут давать хорошие драгоценности. Вот так он наставлял'.

2. Maryma jüz är turuğ b(ir)tim. (S, 8) 'Моему наставнику я дал сто воинов (мужчин), стоянку (для кочевья)'. Также, полагаясь на традицию путем соположения передавать всевозможные атрибутивные отношения, можно предположить и несколько иной перевод: "Моему наставнику я дал стоянку (для кочевья) на сто воинов (т.е. «ствоиновою», «сточеловеческую» стоянку)".

3. Anta kisrä täñri bilig bärtük üçün özüm ök kağan kysdym. (Tk, 6) 'После этого, так как небо дало знания, я сам сделал кагана'.

4. Apa tarqanğaru içrä sab ydmys (Tk, 34) 'Апа-таркану он послал секретные слова'.

5. Kültigin Başgu boz at binip tägdı (Kt, 37) 'Кюльтегин, сев на серого коня Башгу, пошел в атаку'.

6. Üçünç Jağyn Silig bägiñ kädimlig toryğ at binip tägdı. (Kt, 33) 'В третий раз он пошел в атаку, сев на оседланного гнедого коня Ягын Силиг бека'.

7. Käm kăčä çyk tара sülädim (Mh, 26) 'Я пошел с войском против чиков, перейдя через Кем'. В тексте зарегистрированы случаи, когда kăč- при глагольном управлении требует форму с показателем -уп или -уğ, что позволяет предположить, что предмет при этом действии истолковывается в качестве объекта прямого воздействия. Ol jylka türgis tара Altun jyşyk aša Ärtis ügüzüg kăčä jory(dym) (Mh, 27) 'В тот год я ходил с войском на тюргешей, перейдя через Алтунскую чернь и переправившись через реку Иртыш'. Однако несмотря на то, что Käm является именем собственным, названием реки, представляя тем самым конкретный определенный предмет, оно не получает аффикса винительного падежа.

8. Mağy Kurğan kysladukda jut bolty (Mh, 31) 'Во время зимовки в Магы Кургане случился падеж скота'. В языке ДТРИ, как и во многих других тюркских языках, как известно, глагол *kuşla-* сочетается с формой винительного падежа.

Местно-исходный падеж:

1. Ötükän jış olurup arqış tirkiş ysar neñ buñuğ joq (Ktm, 8) 'Если будешь сидеть в Отюкенской черни, посылая караваны, беды и горя нет'.
2. Ötükän jış olursar bengü il tuta olurtaçysän (Ktm, 8) 'Если будешь сидеть в Отюкенской черни, можешь стать тем, кто правит, держа «вечный иль»'.
3. ...otuz oğlan (1) asuğ (2) açuğ (3) aduyılmıs (Tal) 'Он лишился тридцати огланов (1) (сыновей), доходов (2) и даров (3) (мира)'.
4. Altun kâş aduyıldım (E 25, 3) 'Я расстался(лишился) с золотым поясом'.

Инструментальный падеж:

1. Alty otuz jaşuma çyk bodun kyrkyz birle jağy bolty (Mh, 26) 'Когда мне исполнилось 26 лет, народ чик с кыргызами стали врагами'. Как видно из примера, послелог *birle* способен сочетаться с основной формой имени, что уже во времена создания рунических текстов было не единственным способом употребления этого послелога. Зарегистрированы случаи использования *birle* с формой -уп. Беспадёжная форма глагольного имени встречается и при взаимодействии с послелогом üçün:

2. İçikdük üçün teñri öl temis ärinç (Tk, 3) 'Из-за того, что (ты) подчинился (букв. из-за подчинения) Небо сказала: «Умри!»'

3. Teñri bilig bertük üçün özüm ök kağan kysdım. (Tk, 5) 'Из-за того, что Небо дало (букв. из-за давания) знание (мудрость) я сам сделал кагана'.

Возможно, однако, употребление этого же послелога и со словоформой, имеющей падежный аффикс -уп.

Литература

Ахманова 1966 – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

Бодуэн де Куртенэ 1963 – Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. Т. I.

Гузев–Бурькин 2007 – Гузев В.Г., Бурькин А.А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т.3. Ч. 1. Общее и германское языкознание: К 50-летию научной деятельности проф. В.М. Павлова / Отв. ред. Н.Л. Сухачев. – СПб., 2007.

Гумбольдт 1984 – Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.

Гумбольдт 1985 – Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.

Котвич 1962 – Котвич В. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.

Мельников 1965 – Мельников Г.П. [Рецензия] // Вопросы языкознания. 1966. № 5. – С.130. – Рец. на кн.: Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм: (Опыт историко-типологического исследования) – М.: Наука, 1965. 142 с.

Мельников 2003 – Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л.Г. Зубкова. – М., 2003.

Мельников 1969 – Мельников Г.П. Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969. – С. 45–73.

Серебренников 1965 – *Серебренников Б.А.* Об устойчивости агглютинативного строя // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М., 1965. – С. 7–26.

Фридрих 1979 – *Фридрих И.* История письма / Пер. с нем. – М., 1979.

Dubrovina M.E., The concepts of "external" and "internal" form of the language (based on the language of the Old Turkic runic inscriptions)

Summary. As we know from the study of grammatology, scientists distinguish between external and internal forms of writing. In our view, this approach is applicable in the study of language as a symbolic sign system that is designed for information exchange. Hence, it is also justified to distinguish between external and internal forms of a language. The language of Old Turkic runic written monuments, as well as all Turkic languages, belongs to an agglutinative language system. From the standpoint of morphological typology, an important criterion for this type is a special way of connecting morphemes – agglutination. However, agglutination and other typological features of agglutinative languages are external, "material", signs. These features are included in the concept of the external form of a language whereas interest of linguistic typology should obviously focus on finding features of the internal form of agglutinative languages.

Key words: morphological classification of languages, agglutinative languages, Turkic languages

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
ФОРМ ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(К истории образования и эволюции аналитических конструкций)

А.А.Бурыкин, г. Санкт-Петербург

Резюме. Автор показывает, что происхождение показателя тюркского глагольного отрицания напрямую связано с вариацией форм запретительности (форм прохибитива) в тунгусо-маньчжурских языках, среди которых отмечаются элементы, материально близкие и почти тождественные тюркским формам на *-ma-/ -mä-*.

Ключевые слова: алтайские языки, отрицание, отрицательный глагол, аналитическая конструкция, императив, прохибитив

Контраст между выражением значений отрицания в глаголе между тюркскими языками, с одной стороны, и монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, с другой стороны, – хотя и две последние группы языков имеют тут немало различий, – представляет собой одну из сложнейших проблем алтаистики как в плане объяснения материала, так и в плане постановки методологических и методических задач исследования. С точки зрения «контралтаистов», не признающих генетического родства алтайских языков и по существу наложивших мораторий на всякий поиск отдаленного родства алтайских языков, имеющий хоть какие-то перспективы (вне алтайской общности таких перспектив нет, и это ясно), такой особый способ выражения отрицания в глаголе, как наличие специального показателя, способного встречаться если не во всех формах глагола, то во всяком случае в большинстве их, должен быть ярким признаком отсутствия генетического родства тюркских языков с какими бы то ни было языками. С позиций ортодоксальных алтаистов, подобные различия в морфологии требуют объяснения, причем такого объяснения, которое должно как-либо обогатить морфологическую реконструкцию алтайских языков и быть согласованным с известными нам групповыми реконструкциями, то есть общетюркской, общемонгольской и общетунгусо-маньчжурской, или хотя бы с двумя из трех таких реконструкций.

Факты, служащие предметом внимания в настоящей работе, хорошо известны. Это формы с суффиксом *-ma-/ -mä-* типа др.-тюрк. *qılma* ‘не делай’, *öltürmä* ‘не убивай’ [ДТС 1969: 657], *alma* ‘не бери’, *kelme* ‘не приходи’ [Кононов 1980: 171]. Этот суффикс при его единообразии в архаических формах тюркских языков, в огузских и в кыпчакских языках (башк. *бар* ‘иди’ – *барма* ‘не ходи’), [Грамматика башкирского языка 1981: 236], демонстрирует большое разнообразие позиционных вариантов-алломорфов в тюркских языках Средней Азии и Сибири, ср.: ккалп. *кьыл-* ‘делать’ – *кьылма-* ‘не делать’, *кел-* ‘приходить’ – *кел-*

ме- ‘не приходиться’, *джаз-* ‘писать’ *джазба-* ‘не писать’, *диз-* ‘нанизывать’ – *дизбе-* ‘не нанизывать’, *тарт-* ‘тащить’ – *тартпа-* ‘не тащить’; *кес-* ‘резать’ – *кеспе-* ‘не резать’ [Баскаков 1952: 357], шор. *чатпа-* ‘не лежать’, *четпе-* ‘не доходить’, *сарнаба-* ‘не петь’, *иштебе-* ‘не работать’, *ашпа-* ‘не переваливать через гору’, *туште-* ‘не падать’, *конма-* ‘не ночевать’, *мунме-* ‘не ездить верхом’ [Дыренкова 1940: 151–152], тофалар. *санава-* ‘не читать’, *барба-* ‘не уходить’, *бербе-* ‘не давать’, *алыспа-* ‘не поддаваться’, *иширтпе-* ‘не поить’, *иштенбе* ~ *иштенме* ‘не работать’ [Рассадин 1978: 170]. Комментируя эти формы, В.И. Рассадин писал: «Между прочим, именно в способе выражения отрицательного аспекта алтайские языки в настоящее время резко отличаются друг от друга. Вместо отрицательного аффикса *-ма-* тюркских языков в монгольских языках представлены отрицательные частицы *эсэ*, *үүл*, *үгүй*, в тунгусо-маньчжурских – спрягаемый отрицательный глагол *э-*» [Рассадин 1978: 170]. Там же автором отмечено, что Г. Рамстедт производил показатель тюркского глагольного отрицания «из стяжения имени на *-м* с древним глаголом *э-* «быть» в значении «отсутствовать» [Рамстедт 1957: 101].

Объяснение генезиса рассматриваемых тюркских форм, предложенное Г. Рамстедтом, было вполне логичным. Несколько иное решение данного вопроса, основанное на тех же механизмах происхождения глагольных суффиксов в тюркских языках из сочетаний основ с вспомогательными глаголами, было найдено А.Н. Кононовым, по мнению которого этот показатель восходит к основе отрицательного глагола *а-* ~ *э-* с деепричастным показателем *-па-/-ба-/-ма(н)* [Кононов 1967: 106–108]. В этом построении, ориентированном на внешнее сравнение на общеалтайском уровне, есть одно слабое место, т.к. формы *аба* ‘нет’, реально наличествующие в нанайском и маньчжурском языках, имеют иной вид грамматического оформителя, нежели деепричастие с суффиксом (нан.) *-пи/-пари*, (ма.) *-фи*, которое имеет в виду А.Н. Кононов. Есть и иные спорные моменты в этом предположении; см. [Кузнецов 1986: 38].

Проблеме происхождения форм глагольного отрицания в тюркских языках посвящена специальная работа П.И. Кузнецова. Автор, рассмотрев все формы, которые принимает данный показатель в разных морфонологических условиях во всех тюркских языках, и обратив особое внимание на варианты с согласными *б* и *м* в этих вариантах, счел возможным возвести формы на *-та-/-mä-* ~ *-ба-/-bä-*, *-мас-/-mäs-* ~ *-бат-/-bät-* к тюркскому глаголу *бат-* ‘погружаться’, ‘тонуть’, ‘падать’ (ср.: др.-тюрк. *bat-* ‘погружаться, нырять’, ‘заходить (о светилах)’) (ДТС 1969: 89), полагая сходство значения данной глагольной основы с грамматическим значением отрицания [Кузнецов 1986: 39–40, 41].

Эта этимология тюркского суффикса глагольного отрицания оригинальна и любопытна, однако у нее есть несколько слабых мест. Во-первых, не совсем понятно, почему финальный согласный основы *-т-* то исчезает, то переходит в *-с-* в нетривиальных вариантах этого показателя в тех языках, для которых колебания *с* ~ *т* нехарактерны – собственно, форма *-бат-* для этого показателя прослеживается лишь в якутском языке, для которого согласный *-т-* на месте ожидаемого *-с-* явно вторичен или незакономерен, как в як. *тыал* ‘ветер’. Формативы отрицательных форм глагола в якутском языке *-баппын*, *-баккын*, *-бат*, *-баппыт*, *-баккыт*, *-баттар*, где согласный *т* ассимилируется с начальным согласным суффиксов, закономерно соответствуют формам *-ма-с-* других тюркских языков, но не являются абсолютно древними и не возводятся к общетюркскому состоянию. Во-вторых, сам тюркский глагол *bat-* точно соответствует

монгольским глагольным же формам с ожидаемыми фонетическими соответствиями, ср.: п.-мо. *bayta-*, монг. *багтах* ‘помещаться, вмещаться, входить, влезать’ (точно также как монг. *ayta morin* и тюрк. *at* ‘конь, лошадь’). Это сильно уменьшает возможности его превращения в какой-либо аффикс.

Д.Г. Гамидова, рассмотревшая все основные точки зрения на происхождение тюркского глагольного отрицания и отметившая, что возведение этого показателя к глаголу с отрицательным значением предлагалось еще В. Бангом, была вынуждена признать, что «История отрицательного аффикса *-ма* таит в себе много загадочного, и все сделанное для ее пояснения не идет дальше случайных и очень поверхностных сопоставлений. Трудно даже решить, какой вариант является более древним *-ма* или *ба(-на)*. Все это свидетельствует о большой древности отрицательного маркера и длительном пути его развития» [Гамидова 2010: 65]. С этим, однако, можно согласиться лишь отчасти, ибо вторичность алломорфов с согласным *b-* по сравнению с алломорфами с согласным *m-* очевидна исходя из распределения по языкам, по месту внутри парадигмы спряжения отрицательных форм глагола и не в последнюю очередь по хронологии отражения на письме. П.И. Кузнецов, посчитавший формы с согласным *b-* более древними, чем формы с *m-*, отчасти именно по этой причине предложил довольно странное решение проблемы этимологии данного показателя. Довольно категоричное утверждение Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой о том, что первоначально показатель глагольного отрицания имел вид **-ба-* и лишь позднее в интервокальной позиции согласный *-б-* перешел в *-м-* [Серебренников–Гаджиева 1986: 218] уязвимо в двух отношениях: во-первых, оно требует доказательств на материале других суффиксов с начальным *b-*, которые должны будут иметь сходную историю в тех же тюркских языках, в каких наблюдается вариативность показателя глагольного отрицания, и во-вторых, его авторы не дали объяснения, к чему именно может восходить этот показатель.

Поскольку объяснение происхождения показателя глагольного отрицания в тюркских языках зиждется исключительно на предположении об аффицировании отрицательного глагола в глагольную форму, где бы ни проводилась потом морфологическая граница между историческими компонентами итоговой конструкции, мы не можем отступить от того построения, согласно которому в основе отрицательных форм тюркского глагола лежит архаический, возможно, урало-алтайский отрицательный глагол *э-* с каким-то морфологическим оформлением. Поиски парадигмы былого общеалтайского отрицательного глагола *э-* (его основа сохранена в монгольской отрицательной частице *ese*, а для тунгусо-маньчжурских языков она является живой, сохраняющей парадигматику во всех тунгусских языках), заставляют обратить внимание на отрицательные формы императива, или формы прохибитива (запретительные формы) в отдельных тунгусо-маньчжурских языках. В эвенском языке имеется форма прохибитива (отрицательная форма императива) будущего времени, образующаяся от отрицательного глагола *э-* «не делать чего-л (того, что обозначается знаменательным глаголом); изолированная форма *эди* имеет значение «Не надо... (делать то, что делает адресат речи)». В наиболее распространенных грамматиках эвенского языка эти формы, как и формы будущего 2 времени и формы повелительного наклонения будущего времени не отмечены. Однако они в этом языке существуют: так, отрицательная форма повелительного II наклонения (обозначающего отдаленное во времени или необязательное действие) выражается формами 2 лица ед. и мн. числа *эмэкэн гад* ‘не бери’, *эмэкэсэл гад* ‘не берите’ [Новикова 1997: 296]. Интересующая нас часть прохибитивной конструкции *эмэкэн ~ эмэ-*

кэсэл состоит из уменьшительного суффикса, обслуживающего как именные, так и глагольные формы (*эмэкэ-сэл* – распространенная форма мн. числа от имен с основой на *-н*, обозначающих людей), суффикса *-ма-/-мэ-* в переднерядной огласовке и основы отрицательного глагола *э-*. Вероятнее всего, суффикс *-ма-/-мэ-* в этой конструкции исторически тождественен суффиксу условно-временного деепричастия *-ми*, который в маньчжурском языке имеет вид *-мэ* (вне гармонии гласных), а исторически восходит к общетунгусо-маньчжурской праформе **-ма-к // -мэ-к* [Бурыкин 2000], в которой конечное **-к* является каким-то мертвым падежным показателем (ср. чукотский локатив на *-к*, хотя такие показатели восстанавливаются и для алтайских языков). То, что в этой форме прохибитива существуют только формы 2 лица, и то, что соответствующее деепричастие на *ми- / -мэ* является моносубъектным, связывает эти формы по признаку суженности парадигмы, возможно, в прошлом форма **эмэ-*, **эмэ-кэн* «не надо (делать что-л.)» относилась ко всем трем лицам.

Сходные формы имеет форма прохибитива или отрицательная форма повелительного наклонения в нанайском языке, ср. нанайск. *эм дёбоа тагита* ‘не буду-ка я работать’, *эм гада тагиту* ‘не будем-ка мы брать’, *эм ниэрэ тагини* ‘пусть он не выходит’, *эм дидэ тагичи* ‘пусть они не приходят’, состоящие из деепричастной неизменяемой формы отрицательного глагола *э-* «не делать чего-л.», знаменательной части и спрягаемой формы вспомогательного глагола *-та*, при том, что форма 2 лица *эди бурэ* ‘не давай’ выглядит точно как в некоторых диалектах эвенского языка (ср. эвен. диал. *эди бө:p* ‘не давай’), хотя форма 2 лица мн. числа имеет вид *эди дёбоасу* ‘не работайте’ - с изменяемой знаменательной частью [Аврорин 1961: 130].

Близкими к этим формам, но, очевидно, не тождественными им исторически являются эвенкийские формы побудительно-предостерегательного наклонения типа *энэ сурурэ* ‘не уходи’, *энэл сурурэ* ‘не уходите’ [Константинова 1964: 185], с той лишь разницей, что в их образовании принимают участие причастные формы с суффиксом *-на* – трудно назвать случайным сходство этого показателя с показателем форм настоящего времени в монгольских языках.

Обращает на себя внимание и якутский глагольный суффикс *-ыма-/-имэ-/-ума-/-умэ-*, в котором присутствует инициальный гласный и который П.И. Кузнецов квалифицировал как показатель запретительного наклонения (Кузнецов 1986:39). Безусловно, оформление отрицания в императиве и морфологическая индикация отрицания в большинстве внеимперативных форм, располагающаяся внутри словоформы – явления разные, одно универсально, второе почти уникально для тюркских языков, но то, что в якутском языке гомогенные показатели могут сосуществовать, при том, что по логике формы глагольного отрицания генетически связаны с формами прохибитива, весьма примечательно.

Рассмотрение форм со значением прохибитива неактуального настоящего времени (отдаленного будущего времени, необязательного будущего, возможного действия и т.п.): в спектре грамматических значений будущего 2 времени на материале тунгусо-маньчжурских языков показывает, что такие формы могли образовываться и образовывались только от основы отрицательного глагола *э-*, сместившегося в постпозицию к основе знаменательного глагола – тут были правы все исследователи начиная с В.Банга, кто связывал происхождение тюркских отрицательных форм с архаическим вспомогательным отрицательным глаголом *э-*, хотя бы и утраченным в тюркских языках.

Особенность нашей трактовки происхождения показателей тюркских отрицательных форм состоит в том, что мы считаем, что его сохранившаяся материальная часть *-ма//мэ-* восходит к морфеме, грамматически оформляющей отрицательный глагол. Казалось бы, отличие нашей трактовки от позиции А.Н. Кононова заключается только в идентификации того деепричастного показателя, к которому восходит элемент *-ма//мэ-*. Однако на самом деле здесь есть еще одно отличие – нам удалось обнаружить в функции предполагаемого этимона показателя тюркского глагольного отрицания не просто постулируемую для отрицательного глагола деепричастную форму, но сегмент прохибитивной конструкции, состоящий из двух морфем, специфичных именно для таких конструкций. Элизия отрицательного глагола *э-* при размещении комплекса *-э-мэ-* в постпозиции привела к реграмматикализации элемента *-мэ-*, который при утрате формообразующей функции и связанной с ней семантики принял на себя значение отрицания, а в морфонологическом отношении подпал под действие законов сингармонизма, что и привело к образованию вариантов *-ма/-мэ-*.

Показательно, что распределение разных по структуре отрицательных форм глагола по глагольным парадигмам в различных тюркских и тунгусо-маньчжурских языках оказывается в равной мере одинаковым. Для тунгусо-маньчжурских языков мы видим единичные примеры форм прохибитива, заметно различающиеся по языкам; придется признать и посетовать на то, что эти формы в тунгусо-маньчжурских языках недостаточно полно описаны, а в отдельных тюркских языках и в отдельных формах формы на *-ма//мэ-* имеют осложнение и выглядят как *-мас/-мэс-* с закономерными фонетическими вариантами по языкам. По предположению Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой, первоначально эти формы относились к будущему времени [Серебренников–Гаджиева 1986: 218], что не лишено оснований. Такие формы также связываются с показателями нефинитных форм глагола, в частности с причастием на *-асы* [Серебренников–Гаджиева 1986: 217, 226], которое, вероятно, содержит формант условности **-s*, присутствующий и в формах желательности на **-sa-*, и в формах обусловленности ~ уступительности **-sa-*, имеющих аналогичный показатель.

Итак, происхождение показателя тюркского глагольного отрицания напрямую связано с вариацией форм запретительности (форм прохибитива) в тунгусо-маньчжурских языках, среди которых отмечаются элементы, материально близкие и почти тождественные тюркским формам на *-ма/-мэ-*. Появление этих форм для тюркских языков является ожидаемым в связи с многочисленностью появления в этой группе языков разнообразных форм, возникающих на основе конструкций с различными вспомогательными глаголами; см.: [Насилов 1989]. Многие из этих глаголов имеют несомненные общеалтайские основы и корни. Крайняя неустойчивость форм отрицательного императива (прохибитива) в тунгусо-маньчжурских языках, вероятнее всего, связана с активным развитием системы причастных и деепричастных форм в отдельных языках при сохранности системы форм отрицательного глагола и его препозитивного положения по отношению к знаменательным глаголам. Напротив, стабильность и редкая единообразность глагольного отрицания в тюркских языках связана с относительно «левым», то есть удаленным от финальной позиции положением его в глагольной словоформе, благодаря чему в истории тюркских языков образование новых финитных и нефинитных форм глагола, способных различаться по отдельным языкам в плане содержания, не затрагивало правил образования отрицательных форм глагола.

Литература

- Аврорин В.А.* 1961 – Грамматика нанайского языка. Т.2. – М.; Л., 1961.
- Баскаков Н.А.* 1952 – Каракалпакский язык. Ч. II. – М., 1952.
- Бурькин А.А.* 2000 – О месте тунгусо-маньчжурских языков в алтаистических исследованиях. // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции. – М., 2000. – С.12–16.
- Гамидова Д.Г.* 2010 – Семантика глагольного отрицания в тюркских языках // Семантика языковых единиц разных уровней. Вып. 14. Ежегодный сб. научн. трудов лингвистов. – Махачкала, 2010. – С.64–69.
- Грамматика башкирского языка. – М., 1981.
- ДТС 1969 – Л., 1969.
- Дырленкова Н.П.* 1940 – Грамматика шорского языка. – Л., 1940.
- Кононов А.Н.* 1967 – Тюркологические этюды // Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н.И. Конрада. – М., 1967. – С. 106–108.
- Кононов А.Н.* 1980. Грамматика языка тюркских рунических памятников. – Л., 1980.
- Константинова О.А.* 1964 – Эвенкийский язык. – М.; Л., 1964.
- Кузнецов П. И.* 1986 – О происхождении глагольного отрицания -ba/-bä, -pa/-rä, -ma/-mä- // Советская тюркология. 1986, № 5. – С. 37–43.
- Насилов Д.М.* 1989 – Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. – Л., 1989.
- Новикова К.А.* 1997 – Эвенкийский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. – М., 1997. – С. 184–204.
- Рамстедт Г.* 1957 – Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М., 1957.
- Рассадин В.И.* 1978 – Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М., 1978.
- Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* 1986 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М., 1986.

Burykin A.A., On the origin of verbal negation in Turkic languages: On formation and development of analytical constructions

Summary. The author shows that the origin of Turkic verbal negation is directly connected with variations of prohibitive forms in Tungusic-Manchu languages; these forms show elements materially close or equal to the Turkic forms *-ma/-me*.

Key words: the Altai languages, negation, negative verb, analytical construction, imperative, prohibitive

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БУЛГАРИЗМОВ ЯЗЫКОВ
ВЕНГЕРСКОГО, СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА
В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ И АРЕАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ***Г.-Р.А.-К. Гусейнов, г. Махачкала*

Резюме: В статье на основе сравнительного анализа генезиса, ареальных и хронологических характеристик болгаризмов в языках венгерском, Северо-Восточного Кавказа, Дагестана и в некоторых славянских языках высказывается предположение о возможности первичной локализации древних болгарских диалектов в северокавказском регионе.

Ключевые слова: сравнительный, историко-этимологический анализ, венгерский язык, языки народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана, первичная локализация древних болгарских диалектов.

Обозначенная проблема еще не становилась предметом специального рассмотрения. При этом к числу основных изоглосс, отражающих выделение болгарской группы из пратюркского языка, относятся (наряду с палатализацией **s*>*š* в прабулгарском в позиции перед пратюрк. **i*, **y* **iā* и отсутствующим в прабулгарских венгерских заимствованиях озвончением пратюрк. **t*->**d*- перед звонкими смычными, *λ*, *ř* и *r* [см.: Дыбо 2007: 65]) ротацизм и ламбдаизм.

Первый тип ротацизма, обусловленный развитием пратюрк. **ř* в прабулг. **r*, дунайско- и волжскобулг. **r* в соответствии с общетюрк. **z* [см.: Дыбо 2007:65], и вышеупомянутая палатализация, известная и другим болгаризмам языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана (см. ниже), наблюдаются в др.-русс. *ШАРОУКАНЬ//ШАРОКАНЬ* < пратюрк. **siāřu-kan* 'дракон' > венг. *sárkány* [šārkān'] «дракон», возможно, связано с названием сазана пратюрк. **siāř-an* [Дыбо 2010: 81]/**siāřyan* 'сазан, рыба-змея (выд. наше. – Г. Г.-Р.), червь') > слав. **šaranь* 'молодой сазан, карп' (+ русск. *жерех* 'вид рыбы' [Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 217]) [Дыбо 2007:60; Дыбо 2009: 71]. Ср.: пранах. **č'arV(n* – с учетом основы косвенных падежей), авар., ахв., год. *č'č'u?a*, тинд. *č'č'wa?a*, хварш. *č'č'wā*, удин. *čāli* 'рыба', где ? – абруптивная ларингальная (глоттальная) смычка [см. Климов, Халилов 2003: 243], так как развитие *š'>č'*-(нах.) / даг. *č'č'*- могло быть обусловлено мягкостью *š'*, не присущего данным языкам и полученного (см. выше) из **s*, подобно передаче (*čakar*) в тех же языках персизма *šakar* 'сахар' [см. Климов, Халилов 2003: 186], при неясности отношения сюда же чеч.-инг. *sārmak/sārmik/sarmak* 'дракон' [см.: Алироев 1975:279]. Сюда же примыкает (с уже отмеченными выше переходом **s*>*š'* в прабулгарском в позиции перед пратюркским дифтонгом **iā* [см.: Ср.-ист. гр. ТЯ 2006:217]) в связи с закономерностями освоения ойконим (Уллу-)чара (кум., к.-балк., кар., сал. уллу 'большой' [ЭСТЯ 1974: 593] > лак. *Уручул*) в Акушинском районе Дагестана < (ранне)булг.

> венг. *sár* [šāř] ‘болото’ с полногласными алтайскими параллелями [Ср.-ист. ТЯ 2006:217] < пратюрк. **siār* ‘болото, грязь, камыш’ [Дыбо 2010: 81]¹.

В рассматриваемых языках известны иные ротационные болгаризмы, находящиеся в различном отношении к глухости-звонкости своего губного анлаута. Так, регулярное звонкое *b-* венгерских болгаризмов поддерживается лак. *b'urni/b'urun* ‘олень’ (сужение *o>u* на собственной языковой почве в силу отсутствия *-o-* [см.: Кибрик, Кодзасов 1990: 333]) < булг. > венг. *bornyj, borjúk, borjú* ‘оленок, теленок оленя, теленок’ [Джидалаев 1990: 24], но чув. *páru ~ poru* (*pъ'ru* [Ср.-ис. гр. ТЯ 2006: 180]) при пратюрк. **biřayu* ‘теленек’ [Дыбо 2007: 26], а также, возможно, неротационной лексической формой того же типа из других языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана: венг. *béré* (нечередующаяся долгота) [*bērē*] (чув. *paru*) ‘плата’ < пратюрк. **bēr-ig* ‘то, что дают’ < **bēr* ‘давать’ [Дыбо 2007: 26; Дыбо 2010:108-109] ~ чеч. уст. *bera* ‘земельная рента’, где *-a* – следствие редукции *-e>-a* (см. выше). Вместе с тем к числу нерелевантных форм ввиду анлаутного *b-*, отвечающего праалт. **p-*, относится наряду с др.-русс. *bolvanъ* < булг. (< пратюрк. **balbal* ‘каменная колонна на могиле, истукан’, др.-тюрк. *balbal*) > венг. *bálványu* [Дыбо 2007: 27] и кум. *balbu* ‘молотильная доска (большой деревянный валеk из толстой пластины, в которую с нижней стороны вделаны осколки кремня, а в последующем железо, битый чугун и т.п.)’, непосредственно примыкающее к пратюрк., др.-тюрк. *balbal* (об его отражении в языках Северо-Восточного Кавказа и Дагестана см.: [Гусейнов 1985]).

В анализируемых болгаризмах имеет место и *ламбдаизм*, обусловленный развитием пратюрк. **λ, *lč* в прабулг. **l, *lč*, дунайско- и волжскобулг. *l, lč >č* в соответствии с общетюрк. **š* [Дыбо 2007:65]: кум. *kul-aj* ‘собачонка; собачка’ ~ венг. *kölyök* ‘щенок’ < общеалт. **köl-äk* > тур. *köş-äk* ‘звереныш, верблюжонок’ [Рорре 1960: 165]. Того же характера венг. *polgar* ‘гражданин’, ‘горожанин’, известный в самых ранних памятниках (1229/ 1550 ‘de villa *Pulgar*’, 1234/1243 *Palgar*, 1292 *Polgaar*, 1329 *Palagar*, 1332-7 *Polkar, Pulkar*, 1372/ 1448 *polgarok* и т.д., в т.ч. в 1574 *porgarokkal* с двумя *-r-*) и возводящийся к этнониму *булг-ар* [Мудрак 2005: 102–103]. В нем, а также в этнонимах *балк-ар, башк-ур, башк-ур-т* выделяются корневые *баш-* и *балк-* [Добродомов 1974: 7], отложившиеся в тюрк. (тур., чагат.) *Balqan* ‘горная цепь, хребет’ и в этнониме *булк-ан-лы(лар)/болк-ан-лы(лар)* ‘булканцы/болканцы’ с учетом особенностей арабской графики из кумыкского героического эпоса «Анжи-наме», посвященного осаде арабами в 714/714г. г. Анжи (район нынешней Махачкалы в Дагестане) (< пратюрк. **balk* ‘вершина, верхушка. макушка’), что указывает на их обобщающее значение ‘(высоко)горный человек’, ‘горец’ [см.: Гусейнов 2004: 87–90].

¹ На известную миграцию в поволжский регион указывает более позднее кум. *Шура* чувашского типа – составная часть названий болотистых рек в зоне диалектов, в которых имеет место сужение [o]>[y] [см.: Ольмесов 1997: 62], т.е. **шора* ~ чув. верх. *šor(ъ)* >чув. низ. *šurá* ‘болото, грязь’ [Дыбо 2007: 60]. Кроме того, если в венгерских болгаризмах известны случаи, когда пратюркский долгий дифтонг **iā* отражается либо в болгарской палатализации пратюрк. **s-*, либо в упереднении гласного [Дыбо 2010: 81], то в кумыкском (*шере* ‘1) лужа; пруд; 2) жидкая глина (которой мажут земляные полы)’ и чеченском (*šēre* [см.: Алироев 1975: 116] ‘мокрица’ (> *šēra* [см.: Русск.-чеч. сл. 1978: 267] ввиду редукции *-e>-a*, характерной для ауслатной позиции вайнахских языков [см.: Имнайшвили 1977: 17-20]) представлена специфическая форма, обладающая обоими качествами.

Древнейшим письменным упоминанием этого этнонима, анлаутному *b-* которого отвечают регулярные [см. Дыбо 2007: 26] алтайские формы на **m-* [см.: СИГТЯ 2001:194], является сообщение сирийского ученого Мар-Аббаса Котини. Согласно ему, в 149–127гг. до н. э. «произошли большие смуты в цепи Кавказских гор, в земле болгар» [см.: Лайпанов, Мизиев 1993:93] (ср. этноним *балкъ-ар* на Центральном Кавказе и ойконим *Balqar* в Акушинском районе Дагестана). Причем, в принципе, данное время отвечает хронологии отделения «булгарского» (чувацкого) от «общетюркского» языка: в 100/-30-0 гг. до н. э. по данным лексикостатистики [Дыбо 2007: 60; Ср.-ист. гр. ТЯ 2006:773], в 120 г. до н. э. – морфологической лингвостатистики [Ср.-ист. гр. ТЯ 2002: 734 рис.5].

Кроме того, наряду с отражением в булгаризмах с ламбдаизмом, известных кумыкскому (см. выше *кул-ай* ‘собачонка; собачка’) и нахско-дагестанским языкам (лак. *k'i* ‘зима’ (аналогичная утрата ауслота этимона имеет место и в ламбдоидном лак. *č'i* - в связи с дагестанскими соответствиями для болг. шиле ‘годовалый ягненок’ [Гусейнов 2010а: 23]) < пратюрк. **qyl* то же [Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 26], и отчасти в сопряженных с ними ротационных славянских и цезских формах (др.-русс. КОВЬРЬ (XII в.) < пратюрк. **gebiř* или **gebür* (**käbiř* [Дыбо 2010 :125 табл.2] ~ гуыз.-бежт. *q'ir* ‘войлок’ [Гусейнов 2010 в: 20]) глухого (сильного) гуттурального анлаута, чеч. *güjruē*, инг. *gujra* ‘осень’ (но чув. *kě'r* то же < пратюрк. **gür* [см.: СИГТЯ 2001:75] или **küř* ‘осень’ [Ср.-ист. гр. ТЯ 2006:185]) обнаруживают близость к отдельным венгерским булгаризмам, но с еще не объясненным развитием **k->g-* [см.: Дыбо 2007: 24]. Вместе с тем ввиду инокорневого бацб. *st'abo* ‘осень’ [Кадагидзе Д., Кадагидзе Н. 1984: 550], поддерживаемого формами андийских и цезских языков [см.: Климов, Халилов 2003: 285], не представляется возможным установить первичный анлаут данных вайнахских форм на собственной языковой почве.

С другой стороны, рассмотренное в предшествующем изложении пратюркское противопоставление **p- – *b-* [Дыбо 2007: 26, 27] наблюдается в бацб. *p'al* ‘пятый день (с сегодняшнего)’, отвечающем в отношении анлаута не столько волж.-булг. *bél* (~ общетюрк. *beš*), относящемся к числу проявлений ламбдаизма [Хакимзянов 1997: 49], сколько чув. *pilěk* ‘пять’ при допущении первичности анлаутного *p-²*. Ср.: чеч. *t'ul-g* ‘камень’ ~ чув. *čul/ čol* < пратюрк. **diäl* ‘камень’, но *t > č* в волжско-булгарском состоялся не ранее XIV в. и не характерен для булгаризмов древнейшего периода, в т. ч. дунайско-булгарских заимствований в славянском и венгерском [см. Дыбо 2007:47, 59-60]. Однако данный переход мог иметь место еще в древнечувацком (булгарском) языке до VIII в., до прихода предков чувашей на Волгу [см.: Ср.-ист. гр. ТЯ 2002: 680,703], что может указывать на большую древность рассматриваемого явления в регионе Северо-Восточного Кавказа и Дагестана.

Такого же, видимо, характера и отсутствующее в булгаризмах венгерского языка вторичное «общетюркское» (огузо-саянское) озвончение дентальных в позиции перед срединным звонким взрывным, *r* и **ř*, которое считается в силу этого имевшим место «уже после отпадения булгарской ветви» [см.: Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 67–68; Дыбо 2007: 23]. Оно известно булгаризмам не только языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана (пранах. **dur-in* ‘солёный’, дарг. *dirq/dirqa* ‘равнина’), включая топонимику высокогорной части последнего, но и названи-

² Этот звук в нахско-дагестанских языках отличается очень незначительной фонологической нагрузкой [Климов 1986: 88], что затрудняет, в частности, его постулирование для общедагестанского языка-основы [Гигинейшвили 1977: 81,80].

ям племен дулебов и тиверцев, локализуемых в VI–IX вв. к востоку от будущей исторической Венгрии [см.: Гусейнов 2010а: 20–21, 33].

Третье (вслед за рассмотренными) в хронологическом отношении правило, отразившееся в рассматриваемых языках, за исключением болгаризмов в венгерском языке, – процесс, обусловленный действием *второго* типа ротацизма – развитие в булг. **-δ- > j* в основах, содержащих *r*, и **-δ- > -r-* в других контекстах [Дыбо 2007: 65]. Ср.: др.-русск.(волж.-булг.) ТРУНЬ ‘знатный человек у волжских булгар’ (1230г.), *оқурут* «я читал» в хазарском письме (X в.) – хазарский титул *Тоубоубоус* (VII в.) в соответствии с др.-тюрк., крх.-уйг. *tuđun* [см. Дыбо 2007: 33], *tidun* в «Истории Алван» (VII в.) [Гукасян 1977: 36] ~ лак. *Turan-či*, авар. *T'urar-aw / T'urur-aw / T'urul-aw*, (кум.-) чеч. *Turl-ow*, но каб., адыг., абаз., осет. *T(y)ram* в антропонимах и патронимах нахско-дагестанских, абхазо-адыгских и осетинского языков (ср.: чув. верх. *тырът*, чув. низ. *тырѣп* ‘князь (в топонимах)’ (<пратюрк. **t(‘)идун* [Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 45]) [см.: Абдуллаев 1989: 46–50].

В последнем случае имеет место пратюркский переход **-n>-m* в позиции конца слова (при известных разногласиях, связанных с интерпретацией данного явления [см.: Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 44–48]), отразившийся в болгаризмах рассматриваемых, а также старославянского и болгарского языков. Ср.: ст.-слав., русск.-цслав. болгаризм САМЪ-ЧИИ ‘управляющий хозяйством’ [см.: Фасмер 1971: 554] < др.-булг. **sām-čy* < пратюрк. **sām* – имя от пратюрк. **sā(j)-* ‘считать’, в рефлексиве **sā-n-* (**sā-* ‘считать’) > венг. *szán-* ‘жалеть’ > венг. *szám (szátok)* ‘число, цифра’ (с 1086 г.) (чув. *som* ‘число, счет; почет’), но совр. болг. *самсур* ‘грубый, невоспитанный, неуклюжий человек’, где *-сур* – аффикс негативной привативности [см.: Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 48; Дыбо 2010: 81; Гусейнов 2004: 86] при совр. болг. *тумак* ‘штаны’, чув. *том* ‘одежда, наряд’ < пратюрк. **tōn* ‘верхняя одежда’ [см.: Гусейнов 2004: 86–87; Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 48] ~ старый кумыкский антропоним *Сам-бий*.

Аналогично двусложным основам чувашского языка, где в тюркских языках второй узкий гласный не выпадает при словоизменении, **-n>-m* в известном с VII н.э. в пределах Дагестана эндоэтнониме кумыков *qut-uq* < *qom-uq* < **qon-uq* ‘оседлый’ [см.: Гусейнов 2006: 61–62; Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 45]. Его праформа (**qoniuq*) отложилась в старовенгерском (до 1201 г.) наименовании куман (*jász)-kup-ok* – равнинных *qon*’ов [см.: Гусейнов 2010 б: 104, 104 прим. 2] (ср. вариант **qom-/qut-* в «половецких» этнонимах *коман/куман*, **комат/*кумат*, где *-at* и *-en* – омертвевшие непродуктивные тюркские показатели мн.ч.) > праслав. **къметь* и **къмень*, обозначававшие лиц мужского пола, занимавших по преимуществу высокое социальное положение (см.: [Гусейнов 2010 в: 129–130]).

В рассматриваемом регионе болгароязычные команы/куманы были известны с древнейших времен, как и горцы-булгары (см. в предшествующем изложении). На куманов, в частности, указывает название *Кумания* – укрепление, локализуемое, по данным «Естественной истории» Плиния Старшего (77 г. н.э.), в Кавказском (Дарьяльском) горном проходе³. Не случайно после завоевания Северного Кавказа и Дагестана татара-монголами здесь еще было известно в 1254 г. Куманское царство, а до этого, в 1245–1246 гг., Плано Карпини называет там же *комуков* (*qom-uq* < др.-булг. **qon-* > *qom-an*) [Гусейнов 2010 а: 61].

³См.: *Плиний Старший*. Естественная история. Оно обычно интерпретируется либо как недостоверное, либо кыпчакское, что в последнем случае является явным анахронизмом.

О глубокой древности бытования болгарских языков в рассматриваемом регионе и возможности продвижения их носителей в области, смежные ареалу исторической Венгрии [см.: Гусейнов 2010а: 17–18], могут свидетельствовать и другие явления того же порядка, в т.ч. отражение некоторых из рассмотренных болгаризмов в ареале соседних славянских языков. Так, в аффрикатном ряду об этом же говорят соответствия раннебулг. *d'*-, которые обнаруживаются в анлауте исходных форм болгаризмов венгерского языка, азербайджанских (*d*-) и удинских диалектов (*d*-/*dž*-), в последних из которых ввиду возможности савиро-хазарского происхождения данных явлений они могут иметь более раннее, чем в других, происхождение. Ср.: венг. *giapjű* [d'arjű] 'шерсть' < пратюрк. **japaγu* [Дыбо 2007: 29] ~ удин., азерб. диал. (савир.-хазар. – V–VII вв.) *dar/džar* 'яр, овраг' [см.: Гукасян 1973: 7,10–11,14–15,17], что поддерживается явлениями аналогичного порядка в других, ареально смежных языках – старославянском и вайнахских [см.: Гусейнов 2010в: 36].

Видимо, не случайно в большинстве болгаризмов языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана реализации пратюркских гласных фонем также обнаруживают близость к болгаризмам, в основном, венгерского языка (главным образом ранним/древним). К ним относятся:

- среди рефлексов краткого пратюрк. **ö*- – чеч.-инг. **borzuq* [см.: Алироев 1975:91; Имнайшвили 1977: 19–20,105, 241] (< пратюрк. **borsuq*) – к раннему венгерскому болгаризму *borz* 'барсук' [см. Дыбо 2010: 82] в условиях, когда инлаутное озвончение *-s->-z-* допустимо наряду с тувинским и тофаларским для чувашского языка [Дыбо 2007: 16, табл. 2а] и могло найти отражение в том болгарском диалекте (языке), из которого была усвоена анализируемая лексема;

- долгого **ō*- – авар. *t'orax* (ср.: чеч.-инг. **t'āw* [см. Имнайшвили 1977: 254–255,92,111,147–148,185]) 'сметана' расходится со слав. **tvarogъ* (ран.-булг. **tvāraq* < пратюрк. **dōrak* 'сыр' > дун.-булг. **tvāraq*) и обнаруживает большую близость к раннему венгерскому болгаризму *túró* 'творог' [см.: Дыбо, 2009: 18; Дыбо, 2010: 84], где *-ó* = *-oh* < **-oq*; см.: [Ср.-ист. гр. ТЯ 2002: 693];

- краткого **ö* - венг. *törvény* 'закон', с 1300 г., *turuen*, где *-vény* – венгерский deverбальный суффикс < пратюрк. **törü* 'закон, обычай' (чув. *türe* 'судья') – ранний болгаризм [Дыбо 2010: 86] ~ более раннее ввиду *ö* в кум. *mēpe* уст. 'суд' (*mēp* 'почетное место в комнате, красный угол'); чеч.-инг. **varti*, дарг. *warti*, таб. *verč* 'бурка', арч. *warti* 'бурка, войлок', традиционно, но неубедительно интерпретируемые как иранизмы [см.: Гусейнов 2001: 67–69], в т.ч. ввиду близости к осет. *wart* 'щит', венг. *vért* 'щит', 'кольчуга' [см.: Абаев 1989: 51] ~ чув. *vit* < **virt* < (пра)тюрк. **ör't-* 'покрывать' [см.: Севортян 1974: 551; Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 175]), что, однако, присуще рефлексации не краткого, но долгого пратюрк. **ö* в поздних болгаризмах венгерского, а также южнославянских языков [см.: Дыбо 2010: 86–87, 88, 114];

- краткого **ǫ* – венг. *bövény* 'зубр' (< пратюрк. **būlan* 'лось') с неясным развитием переднего ряда и аналогичным семантическим переходом в чеч. *bula(n)* 'зубр' ([см.: Алироев 1985: 90]), «так что, возможно, ранний болгаризм» [Дыбо 2010: 91].

Литература

- Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Л.: Наука, 1989. Т. IV.
- Абдуллаев И.Х.* «Турун» (К истории одного хазарского социального термина в Дагестане) // Социальная терминология в языках Дагестана. – Махачкала, 1989. – С.34–51.
- Алироев И.Ю.* Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. – Махачкала: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1975.
- Гигинейшвили Б.К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. – Тбилиси, 1977.
- Гукасян В.Л.* Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков / Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Баку, 1973.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Об одном земледельческом термине («молотильная доска») в языках Северного Кавказа // Этимология 1983. – М.: Наука, 1985. – С.179–181.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К.* О нескольких изолексах тюркского происхождения в истории восточнокавказских и древнерусского языков // Вестник Дагестанского гос. ун-та. – Махачкала, 2001. Вып. 6. – С.66–70.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Протобулгарские тюркизмы русского языка и Северо-Восточный Кавказ. Еще раз о языке Испериховых болгар и ареале их первичного распространения по лингвистическим даны // Кавказ–Балканы–Передняя Азия. – Махачкала, 2004. Вып.2(9) – С.83–92.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К.* К локализации Чунгарса и Вабандара, или еще раз о северо-западных и некоторых иных пределах «страны гуннов» (гонов) // Дагестанский этнографический сборник. – Махачкала, 2006. №2. – С.51–62.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношении языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – Махачкала, 2010 (а).
- Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Ал-Ал(Алал?)-ва-Гумик восточных и ясы древнерусских и венгерских источников в контексте истории и лингвоэтногенеза кумыкского и других куманских народов Северного Кавказа, Дагестана и Восточной Европы // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии». – Карачаевск, 2010. – С.98–107 (б).
- Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Славянско-аланское лексическое взаимодействие с языками народов Северо-Восточного Кавказа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2010. №1(155). – С.127–130 (в).
- Джидалаев Н.С.* Тюркизмы в дагестанских языках. – М.: Наука, 1990.
- Добродомов И.Г.* Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1974.
- Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. – М.: Восточная литература, 2007.
- Дыбо А.В.* Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях // К 60-летию А.Ф.Журавлева. – М.: Индрик, 2009. – С.56–84.
- Дыбо А.В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2010. Band 32/33. – S.71–120.
- Имнайшвили Д.С.* Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. – Тбилиси, 1977.

- Кадагидзе Давид, Кадигидзе Нико.* Цова-тушинско-грузинско-русский словарь. – Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. – М.: Наука, 1986.
- Климов Г.А., Халилов М.Ш.* Словарь кавказских языков. – М.: Восточная литература, 2003.
- Лайпанов К.Т., Мизиев И.М.* О происхождении тюркских народов. – Черкесск, 1993.
- Мудрак О.А.* Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош // *Orientalia et Classica. Аспекты компаративистики* – М.: Изд. РГГУ, 2005. Вып. VI. – С. 81–103.
- Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое изучение диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфонология. – Махачкала, 1997.
- Русско-чеченский словарь.* – М.: Русский язык, 1978.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика.* 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции.* – М.: Наука, 2002.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка.* – М., 2006.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1971. Т.IV.
- Хакимзянов Ф.С.* Булгарский язык // *Языки мира. Тюркские языки.* – М., 1997.
- Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. – Л.: Наука, 1977.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Г», «Д». – М.: Наука, 1980
- Roppe N.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil 1. Vergleichende Lautlehre. – Wiesbaden. 1960. – S. 98–112.
- Гай Плиний Секунд Старший.* Естественная история // [Электр. ресурс]URL: http://www.annales.info/ant_lit/plinius/index (дата обращения: 30.01.14).

Gusejnov G.-R. A.-K., A comparative analysis of Bulgarisms in Hungarian and in the languages of Northeastern Caucasus and Dagestan in historical, etymological and areal context

Summary. On the basis of comparative analysis of genesis, areal and chronological characteristics of Bulgarisms in Hungarian, in the languages of Northeastern Caucasus, Daghestan, as well as in some Slavic languages, this article argues that that the primary localization of ancient Bulgar dialects is likely to be the area of Northern Caucasus.

Key words: comparative and historic-etymological analysis, Hungarian, languages of Northeastern Caucasus and Daghestan, primary localization of ancient Bulgar dialects.

**СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В МЛАДОПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ АБОРИГЕНОВ СИБИРИ
– ШОРСКОМ**

А.В. Есипова, г. Новокузнецк

Резюме: В статье дана характеристика основным способам словообразования в шорском языке. Статья вносит вклад в изучение шорского языка в области его словообразования, что является особенно актуальным в условиях, когда шорской общественностью предпринимаются активные попытки возрождения шорского языка.

Ключевые слова: шорский язык, словообразование, конверсия, базовый способ, частный способ, модель, словообразовательный приём

Шорский язык относится к тем тюркским языкам Сибири, которые находятся под угрозой исчезновения. Подавляющее большинство шорцев, одного из коренных народов, проживающих на территории Кемеровской области, не знает родного языка. Катастрофически снижается не только количество людей, владеющих родным языком, но и количество носителей языка. Шорцы вошли в число народов Российской Федерации с отрицательным приростом населения (таких народов всего два). По данным переписи населения 2010 г. общая численность шорцев составляет 12 888 человек. Число владеющих шорским языком – 2839. К сожалению, в последней переписи не отражен уровень владения родным языком. По данным 1989 г., когда ситуация была намного благоприятнее, число шорцев, свободно владеющих родным языком, составляло 998 человек, всего 6 % шорского населения. Сейчас их намного меньше.

Сложившаяся ситуация отрицательно влияет и на состояние функционирования шорского языка. Изменениям подвергается его диалектная система, состоящая из двух диалектов, кондомского и мрасского, и ряда говоров. Это происходит не только из-за того, что сокращается число носителей диалектов и говоров, но и из-за распространения нормативного шорского языка, разрабатываемого на основе мрасского диалекта. Этот язык изучается в нескольких школах Кемеровской области и преподается на шорском отделении факультета русского языка и литературы в Кузбасской государственной педагогической академии (КузГПА). Ему приписывается шорской молодежью более высокий статус по сравнению с родным диалектом, и люди с высшим образованием отказываются от него, а им подражают и другие носители диалекта. Настойчивые и абсолютно справедливые предложения некоторых представителей кондомского диалекта о написании грамматики шорского языка на базе этого диалекта и преподавания его в школах, расположенных на территории проживания его носителей, вряд ли можно считать выполнимыми по материальным и экономическим причинам. Быстро сокращается количество поселков с преимущественно шорским населе-

нием и число людей, проживающих в сельской местности, а следовательно, и детей школьного возраста. В последнее время промышленное освоение территорий традиционного проживания шорцев связано и с переселением их жителей в места со смешанным населением, где шорцы составляют малый процент. Кроме того, сами дети и их родители часто не считают необходимым изучать родной язык как учебный предмет в школе, так как не видят перспектив его применения в реальной жизни и опасаются, что введение нового предмета затруднит обучение их детей в школе. В таких условиях создание учебников по грамматике кондомского диалекта шорского языка вряд ли возможно, существуют еще и трудности с наличием массива кондомских текстов.

Следует учитывать и тот факт, что шорский язык испытывает сильное влияние русского, поскольку они дисперсно расселены в среде русскоязычного населения. Тем не менее, шорский язык пока еще можно отнести, на наш взгляд, к группе «хронически больных языков» [ККЯНР 1994: 7], т. е. языков, сохраняющих определенную сопротивляемость и стремление их носителей к культивированию своего родного языка.

Данная статья вносит вклад в изучение шорского языка в области его словообразования, что является особенно актуальным в условиях, когда шорской общественностью предпринимаются активные попытки возрождения шорского языка.

Вопросы образования новых слов давно привлекали внимание исследователей шорского языка. Однако монографические работы, посвященные изучению способов словообразования, отсутствуют. О них имеются сведения лишь в общих трудах по грамматике [Дыренкова 1941] и словообразованию [Шенцова 2000; Есипова 2011а; 2011б], а также в ряде статей.

В грамматике шорского языка [Дыренкова 1941] содержатся довольно подробные сведения об образовании некоторых частей речи. Автор, хотя и не использует термины¹ «аффиксация» и «основосложение», освещает ряд вопросов, касающихся образования имен существительных, прилагательных и глаголов именно этими способами. Она касается образования сложных глаголов и рассматривает некоторые группы сложных имен существительных: композиты, парные слова и сложные слова с атрибутивным отношением основ. Н.П. Дыренкова отмечает также случаи конверсии и лексикализация грамматических форм, однако рассматривает их не как словообразовательные явления, а как морфологическую недифференцированность грамматических категорий (конверсия) и отсутствие четкой разницы между знаменательными и служебными словами в шорском предложении (лексикализация грамматических форм) [Там же: 25].

Исследования Н.П. Дыренковой в области аффиксального способа словообразования и словосложения продолжили С. П. Тимонина, Э.Ф. Чиспияков, Ф.Г. Чиспиякова, Г.В. Косточаков.

Систематическое изучение образования новых слов в шорском языке, в том числе и способов словообразования, началось с 1996 г., когда А.В. Есипова поставила своей целью сначала описание аффиксального способа словообразования в шорском языке, а затем и всей системы словообразования шорского языка.

¹ В данном исследовании в обозначении способов словообразования и групп производных слов, а также их компонентов используется современная терминология, которая не противоречит сути описываемых словообразовательных явлений в ранних тюркологических работах.

Однако первая классификация способов словообразования в шорском языке была предложена И.В. Шенцовой [Шенцова 2000: 17]. Ею выделено четыре способа словообразования: 1) лексико-синтаксический; 2) морфолого-синтаксический; 3) морфологический и 4) лексико-семантический. Лексико-синтаксический способ словообразования заключается в сращении самостоятельных слов (*ал-‘брать’ + кел- ‘приходить’ > алкел- ‘приносить’*) и в лексикализации непредикативных сочетаний (*тижи ‘женщина’ + қозан ‘заяц’ > тижси қозан ‘зайчиха’*). Морфолого-синтаксический способ или транспозиция, например: *нашта- ‘возглавлять’ > наштап ‘возглавляя’* (деепричастие) *> наштап ‘сначала’* (наречие). Морфологический способ включает аффиксацию (*наш ‘голова’ > нашта- ‘возглавлять’*) и сложение: а) полных основ (*қызыл ‘красный’ + қат ‘ягода’ > қызылгат ‘красная смородина’*); б) сокращенных основ (*сарат ‘рыжий конь’ < сарыг + ат*); в) частично повторяющихся, синонимичных основ и основ с суммарным значением (*сап-сарыг ‘ярко-желтый’, қоол-қаал ‘ветхий’, аба-эне ‘родители’*); а также г) сложение основ с использованием конструктивных элементов (*ушта-п нашта- ‘командовать’*). Лексико-семантический способ словообразования состоит в возникновении семантических неологизмов. Как видно, И.В. Шенцовой только названы способы словообразования и их разновидности, а также приведено по одному-два примера на них.

Теоретическая база для классификации способов словообразования в шорском языке была разработана А.В. Есиповой путем обобщения и переосмысления предыдущего опыта изучения данной проблемы в тюркологии [Есипова, 2011а; 2011б; 2011в]. Согласно этой концепции в классификации способов словообразования целесообразно последовательно соблюдать иерархический принцип. Главным дифференциальным признаком является лингвистический метод. Как лингвистический метод способ словообразования представляет собой обобщенные совокупности теоретических установок, приемов, методик исследования лексики, связанные со словообразовательной теорией, и общей методологией. Он включает базовые способы словообразования (фонетический, морфологический, синтаксический и семантический), каждый из которых есть совокупность отдельных операций, приемов, методик, опирающихся на теоретические установки и конкретный инструментарий.

Базовые способы словообразования имеют свои разновидности или частные способы словообразования. Например, морфологический способ включает такие частные способы словообразования, как суффиксация, префиксация и т. д. Частные способы словообразования или виды базовых способов словообразования целесообразно различать на основе средства или (и) приема словообразования. Словообразовательное средство – это наименьший в формальном и семантическом отношении словообразовательный элемент (элементы) из числа тех, которыми данное мотивированное слово отличается от мотивирующих. Словообразовательный прием – это действие, производимое со словообразовательным средством, способствующее возникновению нового производного слова.

По количеству словообразовательных средств и языковых приемов, используемых в акте словообразования, выделяются *простые* (один дифференциальный признак) или *комбинированные* (несколько дифференциальных признаков) способы словообразования. Например, лексико-грамматический; лексико-синтаксический, аффиксально-префиксальный и другие способы словообразования. По признаку интенсивности использования способы словообразования бывают *продуктивными*, *малопродуктивными* и *непродуктивными*. Продуктивность одного и того же способа словообразования может быть различной в раз-

ные периоды истории языка. По характеру словообразовательного средства и (или) словообразовательного приема в шорском языке можно выделить пять способов словообразования разной продуктивности.

Аффиксация – это образование новых слов по существующим в языке словообразовательным моделям при помощи словообразовательных аффиксов. Средствами словообразования здесь служат аффиксальные и корневые морфемы, а именно первичные и вторичные корни, которые являются полными словами. Словообразовательный прием – агглютинация. Например: шор. *соқ* ‘бить, ударять’ > *соқ-на* ‘ступа’; *түр* ‘свить как бумагу с одного конца’ > *түр-гек* ‘клубок ниток’; *сарыг* ‘желтый’ > *сарыг-аш* ‘рыжик (гриб)’; *куда* ‘сват’ > *куда-гай* ‘сватья, сваха’; *уйа* ‘гнездо’ > *уйа-гаиш* ‘гнездышко’; *қарын* ‘живот, желудок’ > *қарын-даиш* ‘ролственник’, *пашта-* (< *паш* ‘голова’-*та*) ‘возглавлять’ > *пашта-ачы* ‘руководитель’.

Конверсия – образование лексико-грамматических омонимов в результате расщепления значения слова путем изменения части речи производного. Явления конверсии охватывают большую группу тождественных по форме и близких по значению слов разных частей речи: шор. *сооқ* ‘холод’, ‘мороз’ и *сооқ* ‘холодный’, ‘морозный’, а также *сооқ* ‘холодно’, ‘прохладно’, ‘морозно’; *алыг* ‘глупый’ и *алыг* ‘дурак’; *ор-* ‘жать’ и *ор* ‘покос’; *пош* ‘свободный’, ‘вольный’, ‘пустой’ и *пош* ‘свобода’, ‘воля’, а также *пош-* ‘отпускать’.

Словообразовательное средство – нулевой словообразовательный аффикс [подробнее см.: Есипова 2000а; 2000б]. Словообразовательный прием – изменение категориальной принадлежности производного. Конверсия относится к самостоятельным способам словообразования, так как конверсированное слово образовано комбинированным способом, а именно морфолого-синтаксическим (аффиксация + локализация, т. е. синтаксическое место определенного члена предложения), в то время как для образования производных посредством материально выраженного словообразовательного аффикса достаточно простого способа словообразования: аффиксации.

Основосложение – это «соединение двух и более лексико-грамматических или формообразовательных основ вещественных слов, а также частей слов в одну сложную основу с относительным сохранением фонетической самостоятельности соединяемых основ» [Наделяев 1988: 34–35]. Словообразовательные средства основосложения – лексико-грамматические или формообразовательные основы вещественных слов, словообразовательный прием – сложение с относительно сочинительным или подчинительным отношением основ.

Виды основосложения: 1) парное (*пала-партқа* ‘детвора’, *ай-күн* ‘солнце и луна’; *улуғ-кичиг* ‘большой и малый’; *аара-пери* ‘туда-сюда’; *аңна-қушта-* ‘охотиться’) и непарное (*ийги муң тоғус чўс одус неш* ‘две тысячи девятьсот тридцать пять’); 2) сложение с атрибутивным (шор. *қат* ‘складка’ и *қомус* ‘струнный музыкальный инструмент’ > *қат қомус* ‘гармонь’; *қараңат* (< *қара қат*) ‘смородина’ (черный + ягода), а также *сас қобурғаны* ‘дягиль’ (*болото* + дудка-его); *орғақ айы* ‘сентябрь’ (серп + месяц-его), объектным (*қол сал-* ‘расписываться’, ‘подписывать’, досл.: ‘руку положить’; *чек көр-* ‘ненавидеть’, досл.: ‘вред видеть’ или обстоятельством (шор. *артық көр-* ‘завидовать’ < *артық* ‘излишне’ + *көр-* ‘смотреть’; *алында чөр-* ‘прислуживать’ < *алында* ‘перед’, ‘впереди’ + *чөр-* ‘ходить’; *көннүге кир-* ‘нравиться’, ‘понравиться’ < *көннү-ге* ‘в желание, настроение’ + *кир-* ‘войти’) отношением исходных основ; 3) сложение с конверсией (*алатас* ‘дятел’ < *ала* ‘пестрый’ + *тас* ‘голый’; ‘безволосый’); *қарығ-қуруг* ‘старое-ненужное’, т. е. ‘старье’ < *қарығ* ‘старый’ и *қуруг* ‘сухой’).

Лексико-семантическое словообразование – создание омонимов вследствие утраты единого обобщающего признака и образования нескольких организующих центров в системе многозначного слова, а также на основе метафорического или метонимического переноса путем замены одной классифицирующей семы слова другой без изменения его звуковой оболочки и категориальной принадлежности. Результатом лексико-семантического способа становится образование двух и более тождественных по форме слов с разным вещественным значением корня, что влечет за собой выход новообразования из прежней семасиологической системы и закрепление в качестве стабильной лексической единицы. Образование омонимов происходит в пределах одной и той же части речи, и в этом – отличие данного способа производства новых слов от конверсии. Например: шор. *тӧс* ‘основание’, ‘основа’ и *тӧс* ‘горизонт’; аш ‘ячмень (зерно)’ и *аш* ‘ячменный хмельной напиток (в эпосе)’;

Словообразовательным средством лексико-семантического способа словообразования служит классифицирующая сема, а именно сема-выразитель принадлежности слова к определенному лексико-семантическому классу; словообразовательным приемом – замещение одной семы другой. Например, замена семы «орган тела» на сему «элемент ландшафта»: шор. *ақсы* ‘рот; пасть’ > *ақсы* ‘вход (в пещеру)’, *қол* ‘рука’ > *қол* ‘лог’, ‘долина’.

Аббревиация – это способ образования новых слов путем сокращения основы или сложения сокращенных основ, например, башк. *XX б.* ‘XX в.’, т. е. *XX быуат* ‘XX век’; *БХУ* ‘БНУ’, т. е. *Башкорт халык узэге* ‘Башкирский народный центр’ [подробнее см.: Ишбаев 2000]. Своеобразие аббревиации состоит в том, что по фоно-морфологической структуре производное слово является новой лингвистической единицей, а в лексико-семантическом плане оно не получает нового лексического значения, а лишь повторяет значение исходного слова или сочетания слов.

Словообразовательное средство – полнзначное слово или словосочетание. Словообразовательные приемы – сокращение основ и сложение. По приему сокращения этот способ отличается от других, и на этом основании относится нами к самостоятельным способам образования слов.

В шорском языке – языке с неглубокой письменной традицией, в истории которого, к тому же, было несколько длительных периодов бесписьменности, и находящегося в настоящее время на грани исчезновения этот способ словообразования не получил своего развития. В фольклорных текстах аббревиатуры отсутствуют. В прессе 30-х годов широко используются аббревиатуры, заимствованные из русского языка, например: *СССР*, *АПН*, *АТС*, *ГЭС*, *ГРП* (геолого-разведочная партия), *РК комсомол* (районный комитет комсомола), *промколхоз* (промысловое коллективное хозяйство) и т. п.

Аббревиатуры, созданные на шорском языковом материале, нам не встретились, однако в некоторых словах, кальках с русского языка, первая сокращенная основа заимствована из русского языка, а вторая является переводом русского слова на шорский язык, например, *аэрошанақ* ‘аэросани’, т. е. аэродинамические сани. Данный пласт лексики, как и способ ее образования, в шорском языке еще ждет своего изучения.

Формирование этого способа образования новых слов связано с созданием Горно-Шорцевского национального района, изданием учебников с текстами советского содержания, появлением прессы на шорском языке, переводом на шорский язык партийных документов. Он стал активно развиваться в связи с изменением образа жизни шорского народа, обусловленного установлением совет-

ской власти, но, не успев сформироваться, потерял свою актуальность после упразднения национального района, прекращения издания национальной газеты и обучения на шорском языке в период с 1939 по 1941 гг.

Фонетический способ словообразования – образование новых слов путем фонетического изменения слова. Результат словообразования – *разделение* одного слова на два. Оба слова (с прежним и измененным фонетическим обликом) существуют в языке самостоятельно. Сравните, например, башк. *академик* (сущ.) – ученое звание, с ударением на *e*, как в языке-доноре, *академик* – (прилаг.) «академический», с ударением на первом слоге. Сравните также: башк. существительное *барлык* ‘наличие’ с ударением на последнем слоге и местоимение *барлык* ‘все’ с ударением на первом слове.

Не все исследователи выделяют этот способ словообразования. Мы присоединяемся к мнению тех ученых, которые признают его существование (Н.А. Баскаков, А.Г. Гулямов, А.Н. Кононов, Э.В. Севортян, К.Г. Ишбаев и др.). Как отмечает М.И. Черемисина, в современном хакасском языке наблюдаются процессы, способствующие все более последовательному размежеванию частей речи. К ним относится, например, «огласованность» наречий по сравнению с производными прилагательными. Сравните, например: *tirig* ‘живой’ и *tirige* ‘живьем’, *xurug* ‘сухой’ и *xuruga* ‘сухо’ [Черемисина 1988: 23]. Подобные тенденции наблюдаются в настоящее время и в шорском языке, например, *чақшы* ‘хороший’ > *чақша* ‘хорошо’ (информант Л.Н. Арбачакова). Изменение категориальной принадлежности производного *чақша* маркируется изменением произношения и изменением правописания слова, заменой гласного *ы* на *а*.

В шорском языке фонетический способ словообразования пока еще не изучен, поэтому в качестве иллюстраций в основном были приведены примеры из других тюркских языков.

Таким образом, в статье дана характеристика основным способам словообразования в шорском языке. После подробного описания всех способов словообразования предполагается провести их систематизацию.

Литература

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Есипова А. В. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка) / Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.02, 10.02.19.. – М., 2011а.

Есипова А. В. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка) / Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.02, 10.02.19. – М., 2011б.

Есипова А. В. Тюркское словообразование как языковая система / А. В. Есипова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011в.

Есипова А. В. Адъективация причастий (на материале шорского языка) // Чтения памяти Э. Ф. Чиспиякова (к 70-летию со дня рождения) / Материалы науч. конф. – Новокузнецк, 2000а. – Ч. 1. – С. 61–67.

Есипова А. В. О статусе причастных субстантивов // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур / XXII Дульзонские чтения: Материалы Междунар. конф. – Томск, 2000б. – Ч. 3. Преподавание национальных языков. – С. 71–77.

Ишбаев К. Г. Башкирский язык. Морфология. Словообразование: Учебное пособие. – Уфа: Гилем, 2000. – 247 с.

ККЯНР – *Красная книга* языков-народов России: Энциклопедический словарь-справочник. – М., 1994. – 119 с.

Наделяев В. М. Современный монгольский язык: Морфология / отв. ред. Е. И. Убрятова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988.

Черемисина М.И. Программа специального курса «Алтайские языки Сибири». Вып. 1. – Новосибирск, 1988.

Шенцова И. В. Словообразование в шорском языке: учеб. пособие. Новокузнецк: Новокузн. гос. пед. ин-т, 2000. – 50 с.

Esipova A.V., Ways of word formation in a young literary language of Siberia's indigenous people – the Shors

Summary. The article characterizes main ways of building new words in Shor. The article contributes to research on the Shor derivation system which especially actual now, when the Shor people is trying to revive the Shor language.

Key words: the Shor language, Word formation, conversion, basic and particular way of derivation, pattern, derivational technique

**ВОПРОСЫ МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЯ И ХРОНОЛОГИИ
РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ АЛТАЯ***Е.П. Маточкин, И.А. Невская, г. Новосибирск*

Резюме. В статье вопросы месторасположения и принципов хронологии древнетюркских рунических надписей Горного Алтая рассматриваются в контексте подобных же проблем и для других феноменов культуры древних тюрков – каменных изваяний, погребальных памятников и резных рисунков – граффити.

Ключевые слова: рунические надписи, Горный Алтай, локализация, хронология, каменные изваяния, петроглифы, граффити

Статья является результатом кооперации между её авторами в рамках исследования эпиграфики Горного Алтая. Наше сотрудничество началось в 2005 г., когда мы впервые встретились и обсудили планы совместных экспедиций по Горному Алтаю. Эти экспедиции организовывались Л.Н. Тыбыковой сначала в рамках Республиканской программы по развитию и сохранению алтайского языка (2003–2006 г.г.), а затем в рамках проекта международного сотрудничества между ГАГУ и Франкфуртским университетом (2007–2009)¹, руководителем которого с российской стороны являлась Л. Н. Тыбыкова, а с немецкой М. Эрдал, координатором была И.А. Невская [10]. Интересы участников этих проектов и Евгения Палладиевича Маточкина во многом пересекались, так как рунические надписи часто наносились на поверхности, уже содержащие петроглифы и граффити различных временных пластов, поэтому их исследователи нередко открывали рунические надписи.

В феврале 2006 г. мы с Е. П. Маточкиным приняли участие в экспедиции в окрестностях села Нижний Инегень, где, по словам местных жителей, имелись «надписи», расположенные довольно высоко в горах. Это оказались петроглифы. Однако поездка была не напрасной и для нас. Там же, в местности под названием Кезек-Елань, Е. П. Маточкиным была обнаружена плита с целым рядом петроглифов и двумя руническими надписями, которые были позднее опубликованы в совместной статье, написанной руководителями и постоянными участниками проекта [7]. В 2007 г. Е. П. Маточкин вновь принял участие в нашей экспедиции и показал нам открытую им надпись в местности Теке-Туру [2], где надпись также сопровождалась рисунками, возможно, древнетюркского времени. Именно в Теке-Туру мы стали обсуждать возможность взаимосвязи древнетюркского текста и изображений, присутст-

¹ Проект продолжался в 2012–2013 гг. в Институте тюркологии Берлинского свободного университета под руководством Клауса Шёнига.

вующих на поверхностях скал в непосредственной близости от надписей. Эта проблематика стала темой выступления Е.П. Маточкина на руническом симпозиуме в Горно-Алтайске в 2009 г. [8]. В 2012 г. Евгений Палладиевич снова присоединился к нашей группе во время эпитафической экспедиции, организованной на средства Института тюркологии Франкфуртского университета Л. Н. Тыбыковой и И. А. Невской, которая в то время руководила этим Институтом.

Обсуждение проблематики датировки рунических надписей Алтая проходили между нами постоянно, когда мы собирались вместе. Сложность их датировки в том, что мы не находим в их текстах даты или иного указания на время их создания. Поэтому нужно искать другие пути и подходы, о некоторых из которых мы говорим в данной статье. Её первый вариант был представлен международной публике на организованном в ноябре 2012 г. в Берлине И. А. Невской, Марселем Ердalom и Клаусом Шёнигом симпозиуме по древнетюркской рунике. Е.П. принял в нем участие. Вскоре после того, как он вернулся из Германии, у него была обнаружена опухоль головного мозга, он был прооперирован, но, видимо, было уже поздно, он не смог перенести последствий операции и умер в начале 2013 г..

Его имя стоит первым в этой статье по праву: значительная часть текста была написана им, хотя бы как предварительный результат взаимного обмена идеями и возможными подходами к этой очень сложной теме, которая далеко не исчерпывается данной публикацией; скорее, это попытка в очередной раз к ней приблизиться. Я очень благодарна судьбе, что мне посчастливилось сотрудничать и дружить с таким необыкновенным Человеком!

Рунические надписи Алтая – это материальный и духовный феномен культуры раннесредневекового периода. Всё более пополняющийся в последние годы корпус древней алтайской эпитафической ставит перед исследователями проблемы обобщающего характера. Вопросы месторасположения и хронологии древнетюркских письменных памятников остаются достаточно сложными и дискуссионными. До настоящего времени нет прямых естественнонаучных методов датирования гравировок на скалах; патинизация определяется «на глаз». Большая вариативность используемых графем создаёт немало проблем для лингвистического подхода к временному анализу письменного наследия. В этой статье поставленные вопросы месторасположения и хронологии древнетюркских рунических надписей рассматриваются в контексте подобных же вопросов для других феноменов культуры древних тюрков – каменных изваяний, погребальных памятников и резных рисунков – граффити.

Априори можно было бы ожидать, что карта месторасположения рунических надписей Алтая [13] совпадает с картой петроглифов [4: 62–63], см. (Рис. 1 и 2). И хотя и те и другие имеют в большинстве своём одинаковую основу – скальную плоскость, тем не менее карты эти заметно отличаются друг от друга.

Основное отличие связано с тем, что карта петроглифов даёт суммарную картину по всем историческим периодам. Если же в ней выделить только древнетюркский пласт, то отличия заметно уменьшатся. Правда, это выделение нельзя считать абсолютным, поскольку рунические надписи нередко наносились на стелы с рисунками более раннего времени. И всё же, при таком подходе из карты петроглифов сразу же выпадет территория лесной зоны, где жили племена охотников. Это северные районы Республики Алтай: Турочакский, Чойский, Майминский, Чемальский, Шебалинский. Местообитание же тюрков-кочевников, – это в основном межгорные долины с бесснежной зимой, где скот может пастись круглый год на подножном корму. Однако и при таком определении района сосредоточения рунических надписей всё же имеются различия с картой петроглифов. Почему, например, среди самого крупного петроглифического комплекса Елангаша эпиграфические материалы отсутствуют?

Хорошо известно, что рунические знаки обычно не наносились ни на сами изваяния, ни на плиты поминальных оградок, ни на балбалы, идущие от них. Тем не менее сводная карта древнетюркских изваяний Алтая [3: 14], свидетельствующая о местах обитания раннесредневекового населения, казалось бы, должна была дать хороший ориентир для поиска рунической письменности на скалах (Рис. 3). Однако её нет ни на правом берегу Катуня, ни на левом берегу Аргута, ни в Улаганском районе, где в достаточном количестве представлены древнетюркские изваяния. Нельзя исключить, что и в этих местах в будущем будут найдены письменные памятники, однако сегодня этот вопрос требует особого внимания. В итоге остаются только четыре района Республики Алтай, где обнаружены рунические надписи: Онгудайский, Кош-Агачский, Усть-Канский, Усть-Коксинский.

Усть-Коксинский район, достаточно снежный, представлен лишь одним объектом – обнаруженной в катандинском захоронении серебряной чашей с рунической гравировкой (А 2).² Отсюда возникает мысль сравнить имеющуюся карту древнетюркских погребальных памятников [6, с. 9] с ареалом раннесредневековых надписей Алтая. Карты эти во многом совпадают, однако отличия всё же существуют, и они ставят те же вопросы об отсутствии рунических надписей на правом берегу Катуня, левом берегу Аргута и в Улаганском районе, хотя погребальные памятники и изваяния там присутствуют.

Рунические надписи встречаются на мобильных предметах, почитаемых природных объектах, на удобных для гравирования плоскостях скальных обнажений утёсов, на отдельных каменных плитах и камнях, на древних стелах. В большинстве случаев их обнаруживают рядом с петроглифами на святилищах, функционирующих с эпохи неолита или ранней бронзы (Калбак-Таш, Бичикту-Бом). В связи с этим интересно задаться вопросом: определяет ли месторасположение надписи её смысловое содержание. На мобильных предметах в основном наносились владельческие, дарственные и посвячительские надписи (А 2, А 3, А 4, А 5, А 22). В высокогорных степях на заметных каменных стелах оставались поминальные, эпитафийные тексты (А 18, А 20, А 21, А 79, А 80, А 82). На отдельных плитах и плоскостях надписи часто носят бытовой характер (А 70, А 85, А 86, А 34, А 35, А 53, А 10) или имеют прямую взаимосвязь с находящимся рядом гравированным изображением (А 52, А 88).

² Мы нумеруем надписи в соответствии с их нумерацией в *Каталоге ...*, см. [13].

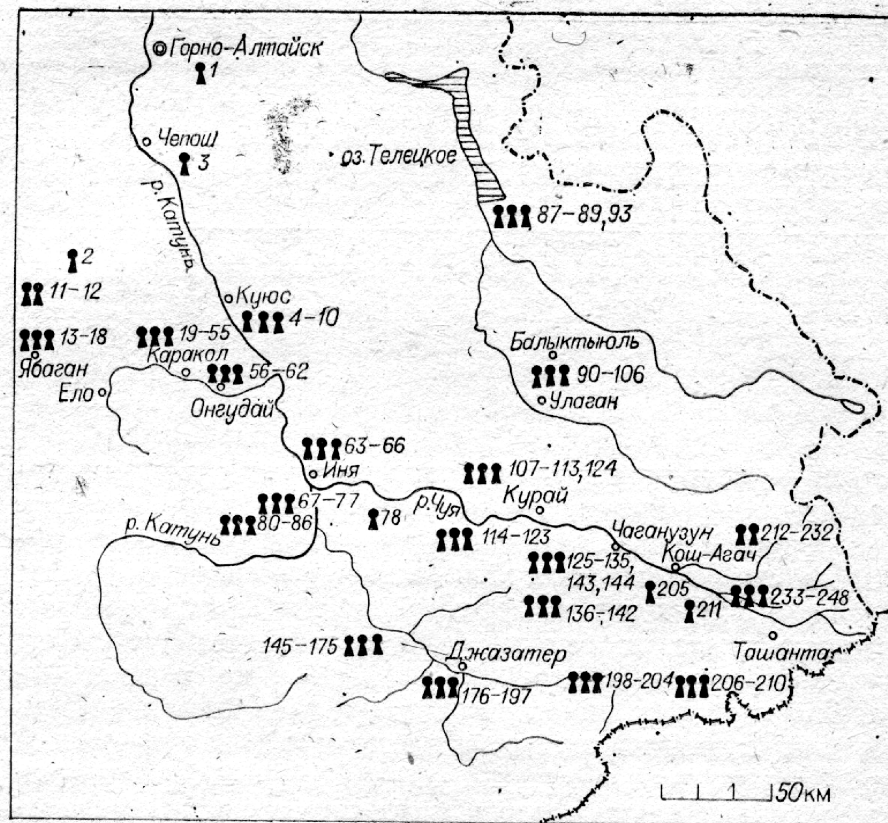

Рис. 3. Сводная карта древнетюркских изваяний Алтая

Известные посещаемые святилища, их ритуальное пространство в значительной мере определили смысловую наполненность рунических гравировок. Во всяком случае, в святилищах отсутствуют надписи, характерные для мобильных предметов и стел. Показательны в этом отношении в святилищах Бичикту-Бом и Калбак-Таш тексты воинской направленности (А 16, А 76, А 81, А 30, А 32) и общезначимые нравственно-философские воззвания (А 14, А 23, А 45, А 61, А 72, А 5, А 6, А 7, А 11, А 36, А 1). Отмеченные взаимосвязи месторасположения надписи и её содержательного смысла было бы интересно проверить на материале эпиграфических памятников других регионов древнетюркской ойкумены.

В Калбак-Таше – святилище с самым крупным массивом раннесредневековых надписей – рунические знаки всё же занимают скромное место среди нескольких тысяч выбитых изображений. Такую же картину можно наблюдать и в Монгольском Алтае на петроглифических комплексах, находящихся сравнительно неподалёку от Кош-Агачского района Республики Алтай. Среди сотен петроглифов Хар-Салаа IV выделен только один участок, где сосредоточено несколько вертикальных рунических надписей (Рис. 4) [5, участок 444]. Надо полагать, святилища привлекали тюрков своей культовой значимостью; в то же время надписи вырезались там, как правило, на периферии, тактично, чтобы не вторгнуться в сакральную зону древних петроглифов. Подобные заключения, несомненно, нуждаются в проверке.

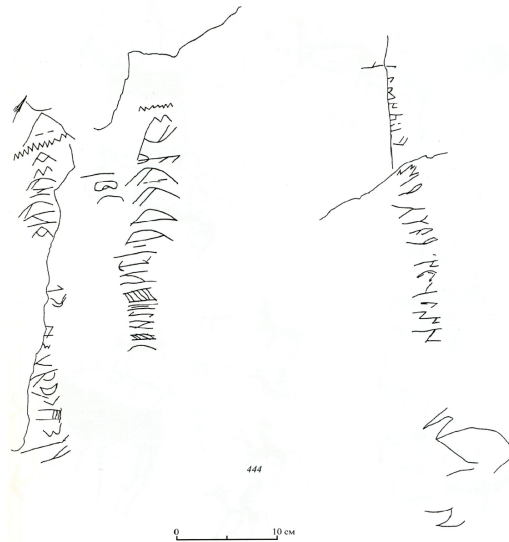

Рис. 4. Надписи Хар-Салаа IV в Монгольском Алтае

Рис. 5. Изображение оленя и надпись на памятнике Цаган-Салаа IV в Монгольском Алтае

Определённый интерес представляет вопрос о скоплении рунических надписей на одном участке святилища, например, плоскости I, II и III в Калбак-Таше, см. [13], а также [14] (Рис. 6 и 7). Чем же обусловлена подобная концентрация? Вероятно, раннесредневековым резчикам было удобно иметь выделенное место среди тысяч более древних и более заметных выбитых изображений,

где можно было бы сразу обнаружить плохо различимые на расстоянии тонкие гравировки рунических знаков. Однако для скопления надписей могли быть и более высокие причины. Так известно, что алтайские изваяния иногда устанавливались группами. В этом «поселении», как считают исследователи, какое-то время могли обитать души умерших сородичей [3: 83]. Надо полагать, что и в концентрации надписей также могло быть выражено стремление к духовному единению.

Привлекает внимание ещё одно обстоятельство. В Калбак-Таше на плоскости II рядом с надписями вырезано изображение марала, а плоскость III испещрена как надписями, так и изображениями маралов [4], см. (Рис. 6). Рисунки благородных оленей присутствуют и в некоторых других местах, например, на скале Адыр-Кайа (А 19). Вероятно, такие примеры можно было бы продолжить, если бы в Каталоге помимо рунических знаков были приведены расположенные рядом петроглифы [13]. В Монгольском Алтае, на памятнике Цаган-Салаа IV имеющаяся руническая надпись также выполнена над изображением марала [14, fig. 350], см. (Рис. 5).

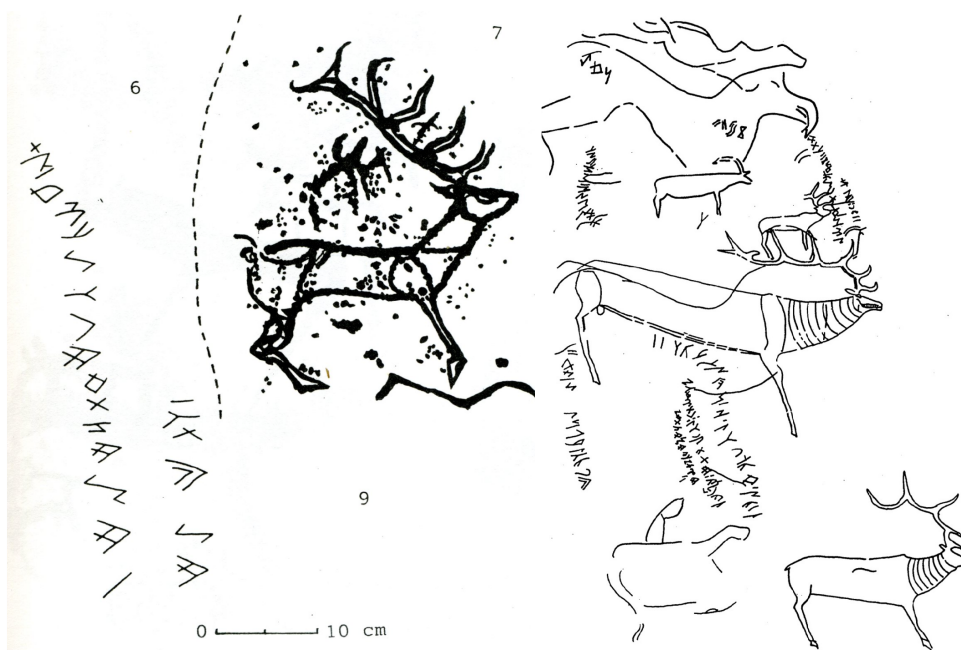

Рис. 6. Плоскость II на скале Калбак-Таш.

Рис. 7. Плоскость III на скале Калбак-Таш.

Частое изображение марала рядом с надписями поднимает вопрос, не является ли его рисунок своеобразным маркером для участка с надписями или неким сопроводительным символом Алтая, духом-помощником при совершении таинства написания рун, оставляемых для вечности?

Вопросы датировки рунических надписей, как и древнетюркских рисунков, остаются слабо разработанными, что затрудняет анализ временных и смысловых взаимосвязей петроглифов с надписями. Более информативными оказываются материалы погребальных памятников и древнетюркских изваяний, изучение которых ставит вопросы, которые могут стать задачей лингвистических исследований.

В Каталоге время зафиксированных рунических надписей на Алтае определено примерно периодом VIII–XI вв. нашей эры [13]. Между тем единственная на сегодняшний день с достаточно узкой датировкой надпись А 22 на серебряном сосуде из кургана 9 Барбургазы II относится к 680–750 гг. [6: 139]. В таком случае период VII–XI вв. был бы близок времени создания значительного числа древнетюркских изваяний [3: 45]. К тому же, такой период более соответствовал бы хронологии древнетюркских погребальных памятников, поскольку наиболее представительная группа исследованных погребений, а именно 66,6% от их числа, относится к катандинскому этапу, т.е. к VII–VIII вв. [6: 140].

Не исключено, что нижняя временная граница для надписей по аналогии с изваяниями и погребальными памятниками могла бы быть отнесена даже к VI в. Ведь известно, что изваяния начали возводиться уже в период Первого тюркского каганата [11: 59; 1: 107]. Прототюркские изваяния, подобные лицевому изваянию-валуну из Кудыргэ, как считает В.Д. Кубарев, появились на Алтае ещё в дотюркский период [3: 46]. Наиболее убедительный аргумент в пользу VI в. – нижней временной границы – связан с датировкой древнетюркского погребения в кургане 10 могильника Уландрык I периодом 542–653 гг. [6: 139].

Верхняя граница создания рунических надписей на Алтае также могла бы быть увеличена по крайней мере до XII в. На это указывают немногочисленные пока погребения с концом XI–XII вв., которые, как оказалось, являются погребениями именно потомков древних тюрков [6: 144]. Об этом же свидетельствует и датировка находящихся в отдалённых уголках Кош-Агачского района достаточно примитивных по исполнению изваяний, которых В.Д. Кубарев относит к X–XII вв., не исключая при этом даже ещё более позднего времени их создания вплоть до XIV в. [3: 46].

Стилистический анализ древнетюркских граффити, выделяющихся среди петроглифов других эпох своеобразной манерой исполнения, также может поставить ряд вопросов по хронологии рунических надписей. Повод к такому осмыслению датировки даёт руническая надпись в Карбане (А 50) и находящиеся рядом с ней граффити на северной плоскости одной из каменных глыб [2: 65–67]. Эти резные изображения выделяются довольно примитивным рисунком и использованием знаковых форм. Не случайно поначалу они были отнесены Е.А. Окладниковой к этнографическому времени [10: 58]. Однако обнаруженная на этом же участке руническая надпись, фактически слитая с рисунками, позволяет отнести их также к периоду раннего средневековья. На южной плоскости, самой удобной для гравирования, вырезана сцена гона маралов. Отточенная красота линий, динамика образов – всё характерно для лучших образцов древнетюркского искусства. Подобный контраст в исполнении граффити древнетюркского периода можно также обнаружить, сопоставляя надписи и великолепные рисунки на плоскости III в Калбак-Таше [15, fig. 384] (Рис. 7), с петроглифами на участке 997 из комплекса Бага-Ойгур III в Монгольском Алтае (Рис. 8). Там вертикальная руническая надпись окружена лишь тамгообразными знаками и непонятными гравированными линиями [14, fig. 997].

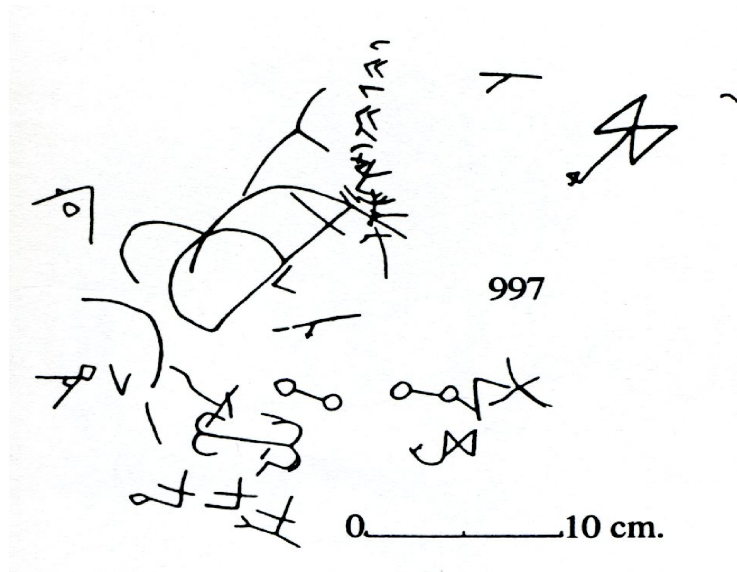

Рис. 8. Петроглифы на участке 997 из комплекса Бага-Ойгур III в Монгольском Алтае

Нельзя не отметить, что и рисунок гона маралов, и фигуры благородных оленей в Калбак-Таше с ветвящимися вдоль спины рогами явно наследуют декоративизм скифского искусства. Контрастные же им гравировки действительно приближаются к изображениям этнографического времени. Эти два стиля древнетюркского искусства со скифо-сакскими традициями и сугубо схематичного заставляют присоединиться к мысли А. П. Окладникова о соответствии двух подобных стилей двум волнам расселения тюрков в середине I тыс. н.э. и в IX–X вв. [9: 132–133]. Надо полагать, в соответствии с этими двумя стилями резных рисунков могут быть датированы и находящиеся рядом рунические надписи. Однако эти заключения, связанные со стилистикой граффити, должны быть ещё подтверждены палеографическим анализом используемых графем.

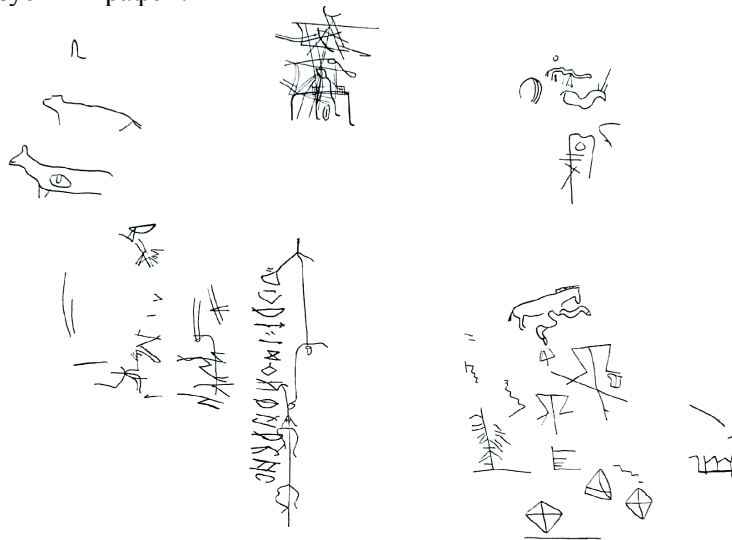

Рис. 9. Петроглифы и надпись Карбана.

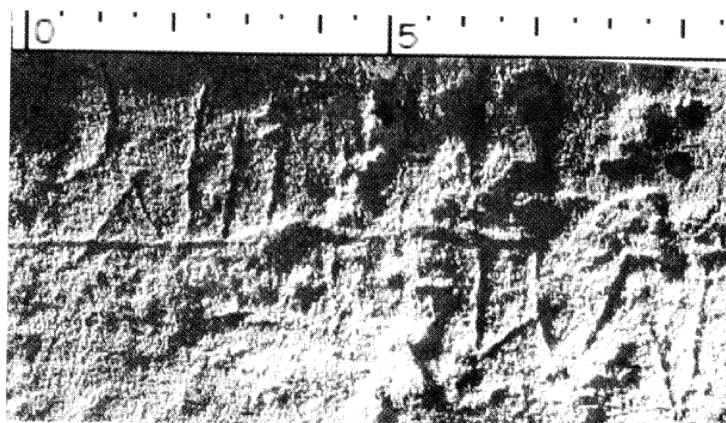

Рис. 10. Надпись Калбак-Таш XVI (повернута горизонтально)

Вероятно, следует обратить внимание ещё на одну деталь. Для рунической надписи Карбана (А 50) характерно наличие окаймляющей линии рядом с графемами. Подобная линия проведена и возле рунической надписи Калбак-Таш XVI (А 57), (Рис. 9, 10). Комбинация линий присутствует и подле упоминавшейся надписи на комплексе Бага-Ойгур III в Монгольском Алтае (Рис. 8). Не является ли эта деталь неким характерным признаком для надписей определённого временного периода?

Итак, рассматривая проблемы изучения рунических надписей Алтая на широком культурном фоне, авторы в данной статье лишь отчасти касались их смыслового содержания и заостряли внимание в основном на вопросах месторасположения и хронологии. Их решение, как нам представляется, поможет более глубокому исследованию проблем, связанных с раннесредневековыми письменными памятниками Алтая.

Литература

1. *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М., 1996. – 151 с.
2. *Кляшторный С.Г., Маточкин Е.П.* Руническая надпись Карбана // Изв. СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии, 1991. – Вып. 1. – С. 65–67.
3. *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984. – 232 с.
4. *Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.* Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 124 с.
5. *Кубарев В.Д.* Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.
6. *Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.
7. *Маточкин Е.П., Невская, И.А., Тыбыкова Л.Н., Эрдал М.* Петроглифы и рунические надписи на плитах из Кезек-Елани // Урало-алтайские исследования. – №1 (2), 2010. – С. 17–23.
8. *Matochkin, E.P.* Drawings and Runic inscriptions of the Altai Republic // Interpreting the Turkic Runiform Sources and the Position of the Altai Corpus.

Nevskaya, I. & Erdal, M. (Editors). [Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Türkvölker]. – Berlin: Klaus Schwarz Verlag. (In print).

9. *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Ленские писаницы. – М.; Л.: Наука, 1959. – 198 с.

10. *Окладникова Е.А.* Петроглифы Средней Катунь. – Новосибирск, 1984. – 111 с.

11. *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 176 с.

12. *Тыбыкова Л.Н., Невская И.А.* Проект «Документация, каталогизация, дешифровка и публикации древнетюркских рунических письменных памятников Республики Алтай (Российская Федерация)» // Российская тюркология. 2009. № 1. – С. 84.

13. *Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М.* Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Г.-А. кн. изд-во, 2012. – 149 с.

14. *Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D.* Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale. – Paris: De Boccard, 2001. – Т. 6. – 132 p., 346 taf., 399 photogr.

15. *Kubarev V.D., Jacobson E.* Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale. Fascicule № 3: Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de l'Altaï). Paris: De Boccard, 1996. – 256 p.

16. Сайт: altay.uni-frankfurt.de

Matochkin E.P., Nevskaya I.A., Location and chronology of Old Turkic runic inscriptions in the Altai Mountains

Summary. The article deals with the issues of location and chronology of Old Turkic runic inscriptions in the Altai Mountains. These issues are described in the context of similar phenomena of the Old Turkic culture: Old Turkic statues, graves, petroglyphs, and graffiti.

Key words: Old Turkic runic inscriptions, the Altai Mountains, localization, chronology, stone statues, petroglyphs, graffiti.

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ****К БИОГРАФИИ ЯШАРА КЕМАЛЯ**

С. Н. Утургаури, г. Москва

Резюме. Яшар Кемаль – крупнейший турецкий прозаик современности, известный не только в своей стране, но и далеко за ее пределами. В статье изложены до сих пор неизвестные факты биографии писателя, сыгравшие ключевую роль в формировании его художественного мышления, неотъемлемым свойством которого является фольклорность.

Ключевые слова: Яшар Кемаль, беженцы, туркмены, крестьяне Анатолии, народное творчество, особенности художественного мышления, фольклорная основа повестей и романов, современные турецкие писатели

При рождении ему дали имя Мустафа Кемаль в честь лидера национально-освободительного движения и первого президента Турции. Затем, согласно традиции, к этому имени прибавили имя отца – Садык. Под первыми публикациями его стихов (они печатались в аданских газетах) стояла подпись Кемаль Садык с добавлением названия места рождения — Гёкчели. Когда в 1934 г. вышел закон о фамилиях – в Турции их никогда не было – его семья взяла фамилию Яшар. Спустя годы он вошел в литературу и получил мировую известность как крупнейший турецкий прозаик Яшар Кемаль. (При этом фамилия трансформировалась в имя.)

Детство Яшара Кемалья прошло в селении Хамите (второе название – Гёкчели), куда семья его отца Садыка, прозванного за огромный рост Коджа (Громадный), попала во время Первой мировой войны, когда Турция (пока еще Османская империя) в союзе с австро-германским блоком вела войну с Антантой. Османы войну проигрывали, и жители местечка Эрнис (ныне касаба Унсели) Ванского района, спасаясь от наступающей русской армии, в спешке покидали свои дома.

Долгий, в несколько месяцев путь унес все сбережения семьи. Последнее, что осталось продать, это золотой пояс матери Коджа Садыка. Купивший пояс базарный комиссионер, выслушав драматическую историю беженцев, дал им письмо к председателю комиссии по расселению беженцев в Кадирли. Председатель комиссии «из уважения к автору письма», предложил Коджа Садыку лучший в городе дом и земли, принадлежавшие армянской семье, бежавшей от угрозы резни под опеку русской армии. Однако Коджа Садык отказался от столь щедрого дара, сославшись на свою матушку, сказавшую: «гнездо выброшенной из него птицы, другой птице добра не принесет». Разгневанный председатель

комиссии порвал письмо и приказал жандармам сопроводить «свалившихся на его голову паршивых курдов» в селение Хамите.

Селение, куда председатель комиссии направил «свалившихся на его голову курдов», находилось недалеко от Кадирли и в тридцати километрах от Аданы, главного города Чукуровы, бескрайней долины на юго-востоке Турции, с трех сторон окаймленной грядами суровых скалистых гор Тавра. Жили в селении туркмены, в недавнем прошлом кочевники. К оседлой жизни их принудили османы во второй половине XIX в., «дабы налоги с них брать, в армию забирать, да и вреда от них не терпеть». Туркмены долго и упорно сопротивлялись, объединившись под началом главы племени Казаноглу, но решающую битву проиграли. С кочевой жизнью и с «шатрами на семи опорах, которыми не переставали гордиться», пришлось расстаться. Власти наделили их землей и расселили в долине. На Чукурове появились туркменские села. Одним из таких сел было Хамите/Гёкчели, новое местожительство ванских беженцев. События, которые сопровождали их бегство и о которых годы спустя Яшар Кемаль узнает от членов своей семьи, станут сюжетной основой трех его романов: «Юсуфджук Юсуф» (1975), «Голос крови» (Kan Sesi, 1985) и «Врата крепости» (Kale Kapısı, 1986).

Обитатели села, туркмены, помогли ванским беженцам соорудить скромный дом под соломенной крышей и всячески их поддерживали, пока они не встали на ноги и не прослыли зажиточными крестьянами. Яшар Кемаль навсегда сохранит теплые чувства к турецким туркменам, которые будут героями многих его книг.

В пору полного достатка и семейного благополучия у Коджа Садыка и Нигяр-хатун родился мальчик Мустафа Кемаль. Как он сам теперь утверждает, это событие произошло в 1926 г., хотя до последнего времени годом рождения писателя Яшара Кемала принято было считать 1922 г.

Благополучное течение жизни семьи длилось недолго. Когда Кемалю не было пяти лет, случилась непоправимая беда: не стало Коджа Садыка. Он погиб от ножа своего земляка, ванского курда Юсуфа, считавшегося названным братом маленького Кемала. Убийство произошло в мечети во время намаза, что усугубляло преступление, и без того требовавшее кровной мести. (Причина злодеяния не раскрывается.) Отмстить за пролитую кровь не удалось. Убийца скрылся. Вскоре он совершил новое преступление и попал в тюрьму. Через подкупленных лиц его пытались убить в тюрьме, но только ранили. И лишь двадцать лет спустя, когда Юсуф вновь объявился в Хамите, его настигла пуля дальнего родственника Коджа Садыка. Кровная месть свершилась.

Маленький Кемаль, потрясенный убийством отца, начал заикаться. Избавиться от этого тяжелого недуга он сможет только в двенадцать лет. Утрата надежного главы семьи вскоре сказалась на ее социальном статусе. По существовавшим тогда правилам, Нигяр-хатун стала женой брата Коджа Садыка. Брат, «человек хотя и очень хороший, оказался хозяином хуже некуда – пустил на ветер все состояние». Семья обеднела, и Кемаль превратился в такого же босоногого деревенского мальчишку, какими были все дети в Хамите. Грамоте его не учили, правда, и школы в селении не было. В девять лет он не умел ни читать, ни писать, но ловко складывал стихи, за что получил прозвище Ашик Кемаль.

Однажды Кемаль узнал, что есть место, где детей учат грамоте, и что туда собирается пойти его друг, соседский мальчик Мехмед Шахин. Кемаль решил отправиться вместе с Мехмедом. Школа находилась в селе Баханлы. Чтобы добраться до нее, надо было пересечь на пароме реку Джейхан, а потом еще час ид-

ти пешком. Но дальний путь не остановил Кемалья: велико было желание записывать свои стихи.

Школьный учитель увидел босоногого, в застиранной длинной рубаше одноглазого мальчика (глаз Кемаль потерял по нерадивости одного из многочисленных родственников), который к тому же сильно заикался. Мальчик просил «записать его в школу», обещал за три месяца научиться читать и писать и клятвенно заверял, что «никому не доставит хлопот». Учитель дал мальчику 25 курушей и послал его за тетрадкой и карандашом. Так Кемаль начал учиться. Слово, данное учителю, он сдержал: через три месяца бойко читал и свободно писал.

Дядя, которому в голову не приходило отправить племянника в школу, узнав, что тот начал учиться, купил ему школьные принадлежности, одежду, включая панталоны, обувь и даже каскетку. Кто мог предвидеть тогда, что курдский мальчик из туркменского села Хамите станет одним из самых известных турецких писателей и что без его могучего таланта нельзя будет представить современную литературу этой страны.

Начальную школу Кемаль закончит в Кадирли, куда переехала семья. Средняя школа была только в Адене, но дойдя до последнего класса, Кемаль оставил ее – пришлось начать работать. Был он батраком на хлопковых полях, подмастерьем сапожника, секретарем помещика, библиотекарем, составителем прошений... Короче, сменил много мест работы, но при этом не оставлял своего главного дела – собирания фольклора. Ведомый страстью к этому занятию, Кемаль обошел чуть ли не все села Чукуровы. Результатом стала вышедшая в Адене в 1943 г. книга «Плачей» («Ađıtlar»), жанра, как оказалось, чрезвычайно разнообразного. Позже появятся книги: «Три анатолийские легенды» (Üç Anadolu Efsanesi), 1967), «Из пожелтевшей тетради. Фольклорные сюжеты» (Sarı Defterdekiler Folklor Denemeler), 1997) и др., свидетельствующие о неугасаемом интересе писателя к народному творчеству.

Глубокое знание фольклора, нравов, обычаев, психологии и мировосприятия крестьян юго-восточной Анатолии, детство, проведенное среди туркмен – бывших кочевников, таврские горы, скалистый край Анаварзы и Османие, бескрайняя Чукурова – все это станет животворным источником яшаровской прозы, придаст ей изобразительную силу, которая заставит читателя «воочию увидеть» голубое небо, высокие горы, цветы в расщелинах каменистых скал; «почувствовать» запах земли, травы, воздуха, «ощутить» палящее солнце Чукуровы.

Особую красоту яшаровской прозе предаст удивительная пластичность и музыкальность повествования. Проза достигнет раскованности, свойственной народным произведениям. На фольклорной основе будут строиться все произведения Яшара Кемалья, к какой бы исторической эпохе они ни относились, будь то далекое средневековье, как например, «Легенда о горе Арарат» («Ađrı Dađı Efsanesi»), 1970), или недавний двадцатый век, как «Если убить змею» («Yılanı öldürseler»), 1976), и при этом всегда сохранится высокая верность в изображении времени, быта, окружающей среды.

Начало литературного пути Яшара Кемалья ознаменовала книга рассказов «Зной» («Sarı Sıcak»), посвященная жизни крестьян родного края писателя. Она вышла в 1952 г. в Стамбуле, куда Кемаль переехал годом раньше и где, прежде чем приступить к журналистской деятельности в газете «Джумхуриет», вместе с Орханом Кемалем зарабатывал на жизнь тем, что продавал с тележки фрукты. В 1969 г. Яшар Кемаль издаст второй сборник рассказов, получивший название «Все рассказы» (Bütün Hikayeler), и навсегда расстанется с этим жанром.

Дальнейший творческий путь писателя определяют повести и романы (будут

и книги очерков, с которых он начал свои публикации еще в Алене). Первый же роман «Тоший Мемет» («İnce Memet», 1955) принесет писателю мировую известность. Роман будет переведен на 28 языков, в том числе и на русский (1959). Герой романа, крестьянский сын Мемет, вынужден уйти в горы и стать эшкйя – благородным разбойником. Но Мемет не стихийный бунтарь, каких в Турции еще в 30-е годы XX в. было немало. Он сознательный борец, действующий исключительно из социальных побуждений. Крестьяне Чукуровы видят в нем своего защитника и связывают с ним свои надежды.

Можно предположить, что образ Мемета навеян рассказами матери Яшара Кемаля о своем брате, знаменитом эшкйя Махиро, «имя которого гремело от границ с Ираном, где пустило корни курдское племя кизихан, до самых кавказских гор». Во всяком случае, Мемет Яшара Кемаля воспринимается как легендарная историческая личность, что подтверждает высеченное из камня его изваяние, которое в 1986 г. установлено на площади ставшего широко известным туркменского селения Хамите.

Яшар Кемаль, начавший свою литературную деятельность в середине прошлого столетия, не был одинок в создании художественных произведений на фольклорной основе. В этот период в художественной интерпретации фольклорных традиций наметилось две тенденции. Одну из них воплощали книги Кемаля Тахира, автора романа «Родина-мать» (*Devlet Ana*, 1968) и Кемаля Бильбашара, написавшего дилогию «Джемо» (1967) и «Мемо» (1970). Художественному мышлению этих писателей не свойственна фольклорность. Однако их обращение к народному творчеству не случайно. Оно обусловлено желанием усилить «национальный элемент» в литературе путем ее сближения с фольклором, продемонстрировать жизнестойкость и «художественную силу» национальных традиций и таким образом возвеличить национальную самобытность, утвердить социально-культурную исключительность турок.

В художественном претворении фольклорных традиций Яшар Кемаль представляет другую тенденцию. Фольклорность как неотъемлемое свойство его художественного мышления присуща всем его произведениям.

Однако, в отличие от Кемаля Тахира и Кемаля Бильбашара, внимание Яшара Кемаля сосредоточено на нравственных проблемах. Чаще всего он прослеживает и психологически мотивирует нравственное возвышение или падение личности. Поэтому в его произведениях творческое переосмысление народного искусства ориентировано прежде всего на раскрытие психологии поведения и национального характера личности. Именно этой задачей объясняется последовательная трансформация фольклорных ситуаций в повести «Если убить змею» («*Yılanı Öldürseler*», 1976).

Непривычная интерпретация устойчивых элементов народного эпоса побуждает читателя воспринять их в свете задачи и позиции писателя. Например, в эпосе счастливое воссоединение влюбленных венчает возвышенную любовь, в повести любовь Эсме и Аббаса приводит их к гибели. Вместо похищения красавицы возлюбленным – насильственное умыкание Эсме незнакомым ей человеком; вместо мудрого наставника, благородного старца или поэта – содержатель деревенской харчевни; вместо странствия героя в поисках своей избранницы – малодушный побег Хасана, который бросает мать одну в окружении врагов. В эпосе породистый конь и красивая одежда предназначены для ратных поисков, здесь же родня дарит Хасану дорогую одежду, надеясь подкупить его; старинное оружие – символ воинской чести – становится средством убийства сыном матери. Эпического героя-тираноборца замещает ребенок, а традиционная борьба за

любимую женщину, за свою любовь превращается в нравственную борьбу героя с самим собой, в которой он терпит поражение, став исполнителем чужой воли: выступает против матери, женщины, давшей ему жизнь.

При этом Яшар Кемаль предельно обнажает эволюцию социального сознания главной героини повести – анатолийской крестьянки Эсме, в образе которой воплощается национальный характер. Изобразить национальный характер, раскрыть национальный дух – вот к чему стремится Яшар Кемаль, вот в чем заключена отличительная особенность фольклоризированного творчества писателя.

Литература

- Arif Keskiner.* Binbir Renk Binbir Çiçek. Yaşar Kemal’li Anılar. – İst., 2013.
Kemal Bilbaşar. Cemo. – İst., 1967.
Kemal Bibbaşar. Memo. – İst., 1970.
Kemal Tahir. Devlet Ana. – İst., 1968.
Yaşar Kemal. İnce Memet. – İst., 1955.
Yaşar Kemal. Ağrı Dağı Efsanesi. – İst., 1970
Yaşar Kemal. Yılanı Öldürseler. – İst., 1976.

Uturgauri S.N.; On Biography of Jashar Kemal

Summary. Yashar Kemal is the biggest Turkish novelist of our time, well-known not only in his own country, but also far beyond its borders. The article presents previously unknown facts of his biography, facts which played a key role in the formation of the author’s artistic thinking, of which folklore became an essential feature.

Key words: Yasar Kemal, refugees, Turkmen, peasants of Anatolia, folk art, specifics of artistic thinking, folk-based stories and novels, contemporary Turkish writers

**КРЫМ В РЯДУ КУЛЬТУРНЫХ ПРИОРИТЕТОВ
К. ДЖАМАНАКЪЛЫ***(К 110-летию поэта, педагога, учёного Керима Решидова-Джаманакълы)**Ф.А. Сеферова, г. Симферополь*

Резюме. В статье рассматривается творческая деятельность Керима Решидова-Джаманакълы – крымскотатарского поэта, литературоведа и фольклориста, педагога, автора книг «Азатлыкъ йырлары» (1927), «Ана йыры» (1940), «Достларыма» (1973) и многочисленных статей. Анализ поэтики К. Джаманакълы обнаруживает философскую глубину его стихотворений, выявляет в них старинные культурные символы, книжные традиции.

Ключевые слова: поэтика, образ, лирика, авторские эмоции, фольклорные традиции

Крымскотатарское литературное наследие располагает большим количеством ещё не изученных рукописей, дневниковых записей, мемуаров, автобиографической и документальной прозы. Исследование их нередко преподносит учёным сюрпризы, когда обнаруживаются не только новые строки или стихи известных уже поэтов, но целые сборники, принадлежащие перу незаслуженно забытых мастеров слова. Одним из таких событий явилась публикация в 1973 г. сборника стихотворений «Достларыма» ('Моим друзьям'). Его автор – поэт, публицист, учёный и педагог Керим Решидов-Джаманакълы (21 января 1905 – 1 августа 1965). Сегодня личность и творческая деятельность К. Джаманакълы раскрываются в воспоминаниях современников масштабно и глубоко, хотя их авторы и не ставят перед собой такой задачи.

Характер К. Джаманакълы, сфера его творческих поисков, постигаемые в процессе чтения его стихотворений, литературно-критических статей, становятся яснее и понятнее; он сам делается по-человечески ближе нам, читателям. Мы входим в чуть таинственный и доселе в чём-то закрытый для нас мир многих его переживаний, душевных состояний и писательских привязанностей. Не пустое любопытство рождает интерес нашего современника к житейским сторонам большого художника, неутомимого исследователя: нас влечёт всё, что могло стать живым импульсом и «материалом» его стихов, воздухом его поэзии, отзвуком запечатлённых в поэтических строках его печалей и радостей.

Имя Керима Решидова стало известно любителям поэзии в середине 20-х годов XX в. Первые его стихи были опубликованы в журналах «Илери», «Бильги», «Янъы Чолпан», газетах «Яш къувет», «Енъи дюнъя» под псевдонимом «Джаманакълы» (Производное от названия села Джаманакъ Евпаторийского уезда, где в 1905 г. родился будущий поэт). Уже первый сборник стихотворений поэта под названием «Азатлыкъ йырлары» ('Песни свободы', 1927) привлёк внимание читателей душевной тонкостью, затаённой взволнованностью, вдумчивыми мечтательным взглядом на мир. По свидетельству современника и друга поэта Эшрефа Шемьи-заде: «В конце 1923

года среди учащихся Тотайкойского педагогического техникума можно было выделить талантливую молодёжь, произведения которых сразу же привлекли внимание читателей. Это были Зиядин Джавтобели и Керим Джаманаклы. Их первые поэтические произведения были посвящены памятным датам» [Джаманаклы 1973: 3]. Например, стихотворение «Яшлыккъя» посвящено Дню рождения комсомола, «Къадынлыккъя» – Международному женскому дню, «Эмек маршы» – празднику Первой мая.

Известно, что в начале XX столетия жизнь крымскотатарского общества характеризуется значительными изменениями. Это полностью находит своё отражение в творчестве К. Джаманаклы. Будучи аспирантом Симферопольского педагогического института, он решал задачи, продиктованные складом его дарования, его самобытным видением мира и человека в мире. О творческих успехах свидетельствуют литературно-критические статьи о поэте и драматурге Умере Ипчи, дестане «Тогъайбей», а также диссертация «Общественно-политическая и литературная деятельность крымскотатарского народного поэта таргазы», которую молодой г. в Казанском университете 330]. К сожалению, пока не следования введены в науч-

В этот период в поэзии ряются мотивы быстротечности судьбы, истории, притихотворений становятся кренность признаний. Коллиего поэзии осмысливается в времени, мимолётности иронией и одновременно фиением бытия проникнуто утверждение: «Омюримни хатырланъыз, Йырларымнысонъ йырланъыз» ('Вспоминайте мою жизнь, лишь потом пойте мои песни') [Джаманаклы 1973: 2].

тельность крымскотатарского Усеина Шамиля Тохучёный защитил в 1937 [Фазылов, Нагаев 2001: все материалы этого и сный оборот.

К. Джаманаклы повтости времени, изменчироды. Основным тоном исповедальность, исзия жизни и смерти в аспекте неумолимости жизни. Трагической лософским осмысле

В эти годы поэтический мир К. Джаманаклы больше пронизан вселенским динамизмом. Следует отметить, что это очень важное свойство внутреннего состояния лирического героя: «Тав-къая тепренип, дерьялар ташса, Чатырнынъ думанлы тѣпесин ашса, Аятчюн тоз, боран дешетин сачса, Эпсине куреш дер, йигитлик шаны» 'Если дрогнут горы и скалы, и море выйдет из берегов, Если туман над гребнем Чатыра поднимется ввысь и шторм, вскипая водяной пылью, станет опасным для жизни, Честь джигита призовет к борьбе' [Джаманаклы 1973: 11]. В произведениях этих лет вариации образов урагана, ветра многочисленны. Беспокойный ветер то «наводит ужас» (дешет сача), то просто ведёт беседу с морем (денъизнен сѣйлеше), то заставляет волны накатываться на берег (далгъаларны тебрете). Классические образы и символы поэзии свидетельствуют о том, что нежный и любящий поэт таит в глубине души силы ветра и бури. Пейзажное стихотворение «Тувгъан ерим» ('Родина') становится философским размышлением о превратностях судьбы человека 1940-х годов. «..Улу Пушкин ширидай лезет бере гузель Къырым – Меним асыл тувгъаноськен, энъ къадирли суйген ерим... Онынъ Къара денъизининъ акъ оркечли толкъунлары, Кунеш нурын джыйып берген юзюмининъ салкъымлары» 'Прекрасный, словно стих великого Пушкина, Крым – Любимый, дорогой сердцу дом, где я родился и вырос... Это Чёрное море с пенящимися седыми

волнами, это гроздя винограда, впитавшие солнечный свет' [Джаманакълы 2010: 110]. О чём эти строки? О Черном море? О пенящихся морских волнах? О гроздьях винограда? Ключ к расшифровке этого образного «кода» заключен во второй строфе: «Меним асыл тувгъан-оськен, энъ къадирли суйген ерим... ». Речь идёт о родном доме, где он родился и вырос, о любимой Родине, о человеке, вернувшемся на ее землю после долгой разлуки. И тогда становится понятно, почему море (*'пенится, вскипая брызгами'*), почему (*'седые волны, шипя, бьются о крутой берег и тут же возвращаются назад, в родное лоно'*). Этим объясняется диссонансная звукопись: *«гузель Къырым», «суйген ерим», «толкъунлары», «салкъымлары»*. В тексте нагнетаются эмоционально-отрицательные и положительные эпитеты, возникают светлые ассоциации и мрачные образные ряды.

Чёрное море – один из «сквозных» образов в творчестве К. Джаманакълы. Он неоднозначен – как неоднозначно и восприятие поэтом самой жизни. Иногда он олицетворяет грозное величие *«как оркестры толкъунлары»* *'пенящиеся белые волны'*, иногда веселье, поющее как душа поэта *«гонълум киби гурьдели»*, а иногда могущество – *«къудретли»*. Чаще же всего *«урь, эпкин, копюрип, талпынып чевреге ташкъан»* *'свободолюбивое, напористое, бурлящее, безграничное'* море напоминает поэту его народ: *«Гонълум киби гурьдели Севем енъиш шадлыкны, Талмай огге талпынып, Анъдыра о урь халкъны»* *'Море напористое, бурлящее, словно моя душа, Люблю радость его победы, Без устали оно бьётся о берег, и напоминает мне мой свободолюбивый народ'* [Джаманакълы 1973: 20]. Природа в стихотворении настолько очеловечена, настолько вписана в мир авторских эмоций, что читателя не покидает ощущение полно и гармоничного слияния человека и родной стихии.

Для эстетики К. Джаманакълы очень важно, что он не только живописует море как часть крымской природы, но и ощущает в нём источник жизненной силы. Чувства героя, влюбленного в Крым, переданы здесь кистью живописца – красками и оттенками цветовой поэтики, которая одновременно раскрывает и национальный облик Родины-матери и глубину переживаний автора, проявляющихся в (*'седых волнах Чёрного моря'*), в облаках, проплывающих над (*'серебристыми тополями'*), в (*'журчании холодных источников'*), в (*'золотистых от солнечных лучей гроздьях винограда'*). Произведение наполнено философскими размышлениями о судьбе родной земли, заботой о сынах народа. *«Къайсы Къырым эвлядынынъ рухын охшاپ кульдирмеген, Къайсымызгъа омюр къошып, аят дадын бильдирмеген?! Шырылшырыл акъып тургъан салкъын сувлы чокъракълары, Сельбилернинъ ельпиреген акъчиль-ешиль япракълары. Къайсы козьге къарув берип, юреклерни джоштырмагъан, Севгининъ энъ назик, юксек нокътасыны аштырмагъан?! Ашыкъларнынъ ислерине къанат олгъан гузель Къырым – Меним севип омюр эткен энъ къадирли тувгъан ерим!»* [Джаманакълы 2010: 110]. В стихотворении «Тувгъан ерим» мы наблюдаем также актуализацию материальных элементов концепта *дом*. Это в полной мере отвечает мечте, желанию каждого человека, оторванного от родных мест, жить на родине, *дома*. *Дом* осмысливается как понятие счастливого пространства, связанного с юностью и любовью.

Такие значительные стихотворения К. Джаманакълы, как «Озь къардашыма» (*'Моему другу'*), «Зафер маршы» (*'Триумфальный марш'*), «Шень багъчада» (*'В саду радости'*), написаны им на материале крымской действительности. В них отчётливо проявляется не только неповторимая стилистика поэта, но и преемственная связь со многими культурными

традициями. Для поэта становились ориентиром те произведения предшественников, которые тем или иным способом – своей темой, биографией автора или читательскими впечатлениями – были связаны с Кезлевым (Евпаторией), Акъмесджитом (Симферополем), с Крымским полуостровом. Крым для К. Джаманакълы – это всегда «севип омюр эткен энъ къадирили тувгъан ерим!» («самое родное, дорогое его сердцу, место, где он жил и любил»). Это всегда нечто горячее, притягивающее и завораживающее поэта «чытырман тав» («гора, покрытая кустарником»), «ялчынлы къая» («крутая скала»), «кунешнинъ нуры» («луч солнца»), «буллятордай парлакъ йылдызлар» («звёзды, сверкающие словно хрусталь»).

Если в большинстве стихотворений о Крыме явно прочитывается пушкинская традиция, то здесь идеи слияния со своим трудолюбивым народом, желание преодолеть одиночество и проникнуться интересами простых тружеников, создают неповторимый художественный мир, отражающий суровую правду жизни, что отчетливо проявляет приверженность К. Джаманакълы поэтическому наследию своего старшего современника крымскотатарского поэта-романтика Б. Чобан-Заде.

Истеймен эльбет

Эр ишни устюн, эр ишни джесюр,
 Эр кимден дешет, эр кимден отькюр
 Япмагъа бугунь *истеймен эльбет.*
 Къаранлыкъ ёлдан, чытырман тавдан,
 Ялчынлы къая, тикенли къырдан,
 Девдайын кечмек *истеймен эльбет.*
 Кунешнинъ нурын, дюньянынъ юзюн,
 Буллятордай парлакъ йылдызлар изин,
 Темельден бильмек *истеймен эльбет.*
 Топракъ сырын, койлюнинъ йырын,
 Ишчилер кунюн, техника чыгърын,
 Кучьлиден бильмек *истеймен эльбет.*
 Яныкълы кунюм, ачувлы йырым,
 Къальбиме синген, сакълагъан сырым,
 Айтмагъа бугунь *истеймен эльбет.*
 Янгъызылыкъ чеккен, козьяшлар тѣккен,
 Залымгъа мути, бойнуны эгген,
 Янгъыызгъа достлыкъ *истеймен эльбет*
 Сѣзюнден къайтмаз, сырыны айтмаз,
 Акъикъат ёлунынъ изини джойтмаз,
Йигитлер сафы истеймен эльбет... [Джаманакълы 2010: 101].

В стихотворении «Истеймен эльбет чагъры» («Конечно, желаю») наиболее сильно выражено субъективно-эмоциональное начало. Поэт ведѣт рассказ-исповедь о себе и историческом времени. Здесь раскрываются сложные взаимоотношения людей, их внутренний мир, личностные и социальные черты. Обращаясь к осмыслению бытия, автор достигает философских глубин, стремясь к познанию сущности жизни и смерти, добра и зла, места человека в мире. Здесь точность наблюдений и описаний, ритм, звук, строение строки, – всё соответствует предмету изображения, служит созданию яркого поэтического образа изменяющейся жизни, которую «темельден» («до самых первооснов»), «кучьлиден» («глубоко») стремится постигнуть поэт. Он желает слышать «койлюнинъ йырын» («песню степняка»), понимать, чем наполнены будни

трудового люда «ишчилер кунюм». Хотя природа здесь многокрасочна и животворна, однако мотив привнесённого природой успокоения и просветления не звучит, а наоборот, поэт говорит о «яныкълы кунюм» ('горестном дне'), «ачувлы йырым» ('сердитой песне'), «янгъызлыкъ чеккен, козьяшлар тѣккен» ('чувстве одиночества и слезах'), «къальбиме синьген, сакълагъан сырым» ('о тайне, спрятанной глубоко в сердце'). Поэт настойчиво ищет «акъикъат ёлуны» ('путь правды') и на этом пути стремиться сохранить верность своему слову, своему поэтическому ремеслу и клянётся навсегда остаться в ряду джигитов – «йигитлер сафында».

В произведениях последних лет К. Джаманакълы, большой знаток и собиратель родного фольклора, блестяще продемонстрировал умение пользоваться возможностями, заложенными в устном народном творчестве. Здесь примером может служить стихотворение «Шень багъчада». Разноцветье красок родной природы, слияние реального и фантастического, особая музыкальная тональность, обогащают творческие возможности поэта: «Гузель ренкли эргъуванлар, Къатмер ачкъан гуль, тюльпанлар, Кулерюзьнен селям бере, Юреклерге йырлар оре» ('Прекрасная сирень, махровые розы и тюльпаны, смеясь приветствуют меня, поют песни, приятные моему сердцу') [Джаманакълы 1973: 22]. В стихотворении «Омюр къызы» объективная реальность отображается через свойственную фольклору символику, аллегоричность. Поэт воспекает высокую нравственность, красоту любовного чувства. Эти черты в фантастическом произведении воплощены в стройной синеглазой, несравненной Айсылувъ – «сувкъызы» ('русалке'), прибывшей на море с берегов Идиля (Волги):

Омюр къызы

Яваш эскен ель бугунь далгъаларны тепрете,
 Сейир этип буларны, дюльбер бир къыз ял эте.
 Козьлер мавы, бель индже, узун, буйра сачлары.
 Инджиден акъ тиши бар, назик, сызма къашлары.
 Узакъ дегиль, янымда, козь алмайым козюнден,
 Севинч толу юреги сезильмекте юзюнден.
 Кулюмсирей, севдире, ойчан, тюпсюз козьлери.
 Сейлешеджек денъизнен, анълашылса сѣзлери.
 Дерсинъ денъиз буны анълай – кенъ-кенъ джая далгъасын
 Сонъ толасий, санки дей: «Дюльбер тюшсин, ялдасын»,
 Джыйнап топлап гурь сачын, ер кунеши бу дюльбер,
 Тюшти яваш денъизге, бакъты онъа кок ве ер.
 Балыкъ киби ялдай о, сывны эшип къолунен,
 Тюшип мен де ялдадым онынъ кеткен ёлунен.
 Де джоюла, де къалкъа, сувда ойнай сувкъызы,
 Шакъа, оюн бегене, джиддий дегиль о озю.
 Акъ мермердай тенине далгъа келип окътала.
 Ынджынмасын дюльбер, деп океленсе, токътала.
 Дюльберлиги акърансыз, къошакъ тапмакъ кучь онъа.
 Кунеш билетѣпеде: «Чиркинмен», – депутана.
 Эгер Меджнун корьсейди, эль чекерди Лейлядан.
 Татьянадан кем дегиль, Ширинден де абадан.
 Ширин олгъан деврининъ нам къазангъан дюльбери.
 Амма бизим бу дюльбер – дюльберлернинъ дюльбери.
 Кельген Идиль боюндан, ады онынъ Айсылув.
 Кирпигининъ уджундан тама севги ве джылув.

Автор органично вводит в художественную ткань стихотворения фольклорные сравнения «прекрасная из прекраснейших», «солнце земли», «несравненная». Яркая восточная метафоричность с импрессионистскими мягкими полутонами, явно идущая от восточной поэтики афористическая заострённость нравственных сентенций и нормативная определённости тематики сочетается с психологизмом, с интонацией вопроса, намёка и раздумья. Поэтика контрастов: «деньиз» ('море') –Идиль (Волга), «кок ве ер» –'небо и земля', Татьяна и Ширин, и реалистическая точность в описаниях внешности героини, пластики её движений, то нежно играющей с волной, то размашистыми бросками уплывающей от влюблённого в неё юноши, придают стихотворению особую выразительность. Оно пронизано лукавой народной иронией.

Ощущением призрачности времени проникнуто стихотворение «Къалемим дерди» ('неспокойное моё перо'). Поэт, используя различные приёмы европейского и восточного стиха: рифмовку, строфику, звукопись, образную систему, – передаёт динамику изменения и взросления человека. Постепенно набирается темп детства и юности, нетерпения и восторга, зрелости и мудрости – целая гамма чувств всех этапов жизни человека.

Печатью поэтического своеобразия тронуты стихотворения и очерки, посвящённые событиям и героям Великой Отечественной войны. Цикл очерков «Къырымтатар батыры – Аметхан Султан», изданный в 1943 г. в Казани, представляет собой фрагментарное повествование в жестокой панораме войны. Автор короткими точными штрихами показывает, как мужает в условиях войны характер Аметхана Султана – лётчика-испытателя, героя Советского Союза, воина, несущего ответственность за мир на земле. Впоследствии уже в 1960-е гг. Джаманакълы собирал материал об этом легендарном крымскотатарском лётчике, ставшем Дважды Героем Советского Союза. Стихотворение «Партизан къыз», посвящёно подвигу и памяти крымскотатарской девушки-партизанки Саиде Усеиновой. В проникнутом высокой патетикой стихотворении «Зафер маршы» ('Триумфальный марш') поэт рисует картины войны, долгожданной победы и созидательного труда во имя жизни.

Поэт, учёный, педагог Керим Решидов-Джаманакълы сыграл большую роль в становлении и развитии фольклористики в довоенном Крыму. В результате большой собирательской работы крымских фольклористов, сотрудников Крымского НИИ татарского языка и литературы имени А.С.Пушкина, где в тридцатые годы трудился К. Джаманакълы, были выявлены сотни сказителей, народных певцов и музыкантов. Учёный оставил ценные исследования по важнейшим проблемам устного народного творчества. Его перу принадлежат работы по жанровым, тематическим и идейно-художественным особенностям народных сказок, дестанов. К. Джаманакълы на основе собранного богатого материала впервые попытался дать научную классификацию крымскотатарского народного творчества, что явилось ценным вкладом в развитие крымскотатарской фольклористики.

Статьи К.Джаманакълы «Къырымтатар совет фольклоры», «Орта мектеп оджалары ичюн фольклордан косьтергич» учат глубокому пониманию природы устного народного творчества, бережному и творческому отношению к нему. Было записано множество сказок, песен, частушек, загадок, пословиц и поговорок. В работе «Фольклор топлав методикасы» (1934) большое внимание уделяется принципам фольклорной текстологии. Ещё в начале 1930-ых гг. К. Джаманакълы, опираясь на методику тюрколога академика В. Радлова, применил транскрипцию для записи и издания фольклорных произведений, отражающую основные свойства диалектов крымскотатарского языка. В статье «Къырымтатар масаллары» автор анализирует обрамляюще-инициальные и

финальные формулы крымскотатарских сказок, раскрывает роль этих формул в их композиции. Выясняя некоторые мотивировки развития сюжета волшебных сказок, фольклорист обращает внимание на то, что для рассказчика очень важны моменты становления характера героя, что тот в каждом поступке подчеркивает его человечность. Например, особую ценность сказки «Буюк Ламбат масалы» К. Джаманакълы видит в том, что в ней обобщены народные представления, что «глубокая демократическая направленность сказки увеличивает значение этого драгоценного произведения крымскотатарского фольклора. Эта сказка пронизана глубоким гуманистическим пафосом» [Джаманакълы, Усеин 2008: 7]. По данным К. Джаманакълы традиционные присказки – «текерлеме» крымскотатарских сказок имеют и прозаическую, и стихотворную форму. Представление о времени действия предстоящего сказочного повествования даётся устойчивыми формулами «эвель, эвель экенде, эвель заман экенде» («в давние, предавние времена»). Особенностью же крымскотатарских текерлеме является их удивительно значительный объём, иногда они составляют несколько десятков строк. К. Джаманакълы объясняет это стремлением масалджи (сказочника) подготовить наиболее оптимальный переход слушателей к переходу из обычной жизни в мир волшебных вымыслов. В середине сказки масалджи обычно останавливает свой рассказ и делает намёки на угощение или вознаграждение: «Биз бу ерде токътайыкъ, Бирер къаде тартайыкъ. Тамакъларымыз дымлансын. Масалджылар ойлансын. Тамагъымыз дымланды – масалджылар ойланды». («Здесь мы остановимся. Все немного отдохнём, по стаканчику нальём, горлу – увлажненье, сказочникам – вразумленье. Горло наше увлажнилось, сказочники вразумились») [Джаманакълы, Усеин. 2008: 26].

Вторым крупным достижением в фольклорно-текстологическом изучении крымскотатарского песенного творчества можно считать издание К. Джаманакълы в 1936 г. в Симферополе книги «Чынълар ве манелер» и в 1940 г. сборника «Чынъ ве манелер джыйынтыгъы» с развернутыми научными комментариями. Эти книги должны быть теперь переизданы, поскольку сохранились лишь единичные экземпляры. Крымскотатарская фольклористика до сих пор не имеет научных академических изданий, где были бы описаны разные жанры прибрежного, бахчисарайского и степного фольклора, и труды К. Джаманакълы могли бы стать ценным подспорьем для современных исследователей.

К. Решидов-Джаманакълы – талант многогранный. Он член Союза писателей с 1934 г. [Къуртнезир 2000: 92]. В послевоенные годы жил в Татарстане, в Елабуге, работал в педагогическом институте, в течение многих лет до самой смерти в 1965 г. заведовал кафедрой литературы. Учёный активно участвовал в дискуссиях о тенденциях развития литературного процесса. Особое внимание исследователь уделял вопросам мастерства классиков русской и татарской литературы. Анализируя творчество М.Ю. Лермонтова, А.М. Горького, В.В. Маяковского и других художников слова учёный раскрывает как творческую индивидуальность каждого из них, так и общие тенденции развития литературы. Литературно-критические исследования К. Решидова-Джаманакълы об основателе и видном представителе татарской дореволюционной литературы Г. Тукае выделяются своей содержательностью и обстоятельным освещением избранных проблем. Его воспоминания о личных встречах с Г. Ибрагимовым четко обозначают неразрывную связь крымских и казанских писателей, их взаимную заинтересованность в развитии дружественных культур. Об этом впервые написала в своей вступительной статье к сборнику писателя «Әсәрлер» А.Сибгатуллина, познакомив с его творчеством читателей Татарстана. [Джаманакълы 2005: 7].

Анализируя художественную прозу Г. Ибрагимова, К. Решидов-Джаманакълы описал его метод романтического изображения действительности. В монографии, посвящённой творчеству Мусы Джалиля, учёный попытался выявить сокровенную суть поэтического мироздания – образ как воплощение творческой индивидуальности автора. Думается, что умение К. Решидова-Джаманакълы схватывать суть сложнейших переплетений в творчестве мастеров слова разных культур и эпох, афористически искусно раскрывать их, позволило автору в своих исследованиях глубже вскрыть истоки и закономерности литературного процесса в целом.

Известно, что культурная и национальная самоидентификация мастера слова далеко не всегда даёт полную характеристику гравитационных полей, действующих в его художественном мире. Здесь К. Решидов-Джаманакълыне одинок. Т. Шевченко, Ч. Айтматов, В. Быков, Айдын Шемьи-заде – вот далеко не полный ряд поэтов и писателей, чьё творческое наследие соотносится сразу с несколькими культурами. Сегодня как никогда актуальны слова М.М. Бахтина: «Мы обычно стремимся объяснить писателя и его произведения именно из его современности и ближайшего прошлого (обычно в пределах эпохи, как мы её понимаем). Мы боимся отойти во времени далеко от изучаемого явления. Между тем, произведение уходит своими корнями в далёкое прошлое» [Бахтин 1986: 504].

Хорошо известно, что у каждого человека свой путь к творческой зрелости, свои рубежи. И, может быть, чем он тернистей, чем напряжённей искания, тем большей искренностью, глубиной дышат его произведения. Поэтому даже сквозь грустные стихи К. Решидова-Джаманакълы пробивается интонация мудрая и светлая: «Сёзюнден къайтмаз, сырыны айтмаз, Акъикъат ёлунынъ изини джойтмаз, Йигитлер сафыистеймен эльбет ‘Буду верен своему слову, Буду верен самому сокровенному, Буду следовать по пути правды, Желая быть в одном ряду с джигитами’).

Литература

Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочаров и В.Кожин. – М.: Художественная лит-ра, 1986. – С. 501–508.

Джаманакълы 1973 – *Джаманакълы К.* Достларыма / Керим Джаманакълы – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты. – 1973. – 51с.

Джаманакълы 1985 – *Джаманакълы К.* Шиирлер // Йылдыз, №3, 1985. – С. 98–103.

Джаманакълы 2005 – *Джаманакълы К.* Эсэрлер / Вступ. ст. А.Т. Сибгатуллина – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2005. – 80 с.

Джаманакълы 2010 – *Джаманакълы К.* Шиирлер // Йылдыз, №1, 2010. – С. 108–110.

Джаманакълы, Усеин 2008 – Къырымтатар халкъ масаллары. 2-нджи, ишленильген нешир / Тертип эткенлер: К. Джаманакълы, А. Усеин. –

Симферополь : КъДЖИ «Къырым дев окъув-педнешир» нешрияты», 2008. – 384 с.

Къуртнезир 2000 – *Къуртнезир 3*. Къырымтатар эдиплери / Закир Къуртнезир – Акъмесджит: Таврия нешрияты.– 2000. – 223 с.

Фазылов, Нагаев 2001 – *Фазылов Риза, Нагаев Сафтер*. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.

Seferova F.A., The Crimea as a cultural priority of the creative work of K. Reshidov-Jamanaqli (in connection with the 110th anniversary of the poet, pedagogue, and scientist Kerim Reshidov-Jamanaqli)

Summary. The article deals with the creative activity of Kerim Reshidov-Jamanaqli, a Crimean Tatar poet, literary critic, specialist in folklore, teacher, the author of books “Azatliq Yirlari” (1927), “Ana Yiri” (1940), “Dostlarima” (1973) and numerous articles. The analysis of Jamanaqli’s poetics reveals philosophic depth and ancient symbols and literary traditions.

Key words: poetics, image, lyrics, author’s emotions, folklore traditions

О ТЕНГРИЗМЕ¹
(Мифологические элементы в орхонских надписях)

Эдина Далош, г. Будапешт

Резюме. В статье на основе анализа текстов трех больших древнетюркских (рунических) надгробных надписей делается попытка выявить скрывающуюся в них картину мира. В реконструированной системе среди элементов верования Тенгри имеет особое положение. Ставится проблема: означает ли факт связи Тенгри с империей и каганом проявлением новой религии или это связано с тенденциозной стилистикой текстов. «Тенгризм» не кажется верой «аристократической», в то же время он не показывает и родство с той шаманистической картиной мира, в представлении которой мир является трехчастным.

Ключевые слова: рунические памятники, религиозная картина мира, мифология, шаманизм, тенгрианство, государственная религия, древнетюркский пантеон

Для изучения ранней эпохи тюрков, когда догматические религии (буддизм, ислам, христианство) еще не были распространены широко, мы имеем единственную автохтонную группу источников на древнетюркском языке, на основе которых можем делать заключение о состоянии тогдашней религиозной картины мира. Орхонские надписи появились в первой половине VIII в., во времена Второго тюркского каганата (687–745). Это три рунические эпитафии, поставленные в честь Тонюкука, министра каганата (726), Кюль тегина, младшего брата кагана (732), а также и Бильге кагана.

Надписи спорадически содержат элементы, на основе которых вырисовывается определенная картина мира. В то же время их основной целью было стремление закрепить память о строительстве тюркского каганата и о его участниках. Данное мощное направление повлияло и на каждую деталь текстов, в том числе и на мелкие упоминания, связанные с религиозной картиной мира. Этим объясняется то, что до сих пор на основе таких спорадических ссылок в специальной

¹ Статья Э. Далош под названием «Shamanism or Monotheism? Religious Elements in the Orkhon Inscriptions» появилась в 2004 г. на английском языке в венгерском журнале «Shaman» (№ 12/1. – P.63–84.), однако в специальной литературе на русском языке она осталось неизвестной, в то же время понятие тенгризма за последнее десятилетие стало довольно популярным (имеет уже и самостоятельный веб-сайт). Поэтому мы с коллегой Юдит Салонтаи-Дмитриевой подумали, что перевод статьи на русский язык (за что я ей здесь выражаю благодарность), возможно, поможет осветить вопрос о тенгризме, а также и многочисленные проблемы использования этого термина. Как переводчик Юдит работала с оригиналом статьи на венгерском языке. – *Прим. автора и переводчика.*

литературе появились противоречащие друг другу толкования. Согласно одному из мнений, в текстах мы можем увидеть ранний источник определенного рода шаманистической мифологии, а по другому мнению, здесь имеем дело с различающейся от шаманизма монотеистической верой в Небо-Бога. Существует и такая теория, которая пытается реконструировать по текстам местный вариант китайского универсализма. В рамках нашей работы хотелось бы эти подходы сравнить друг с другом и с текстами. Для каждой из этих интерпретаций характерно использование при трактовке рунического текста более широкого контекста через привлечение более отдаленных во времени и пространстве данных. В настоящей работе мы при анализе попытаемся показать, что выдвинутые до сих пор теории в отношении ранней группы источников единственно верные, а возможность использования более поздних данных нельзя принимать даже в качестве недостающих доказательств или уточнений относительно религиозной картины мира орхонских надписей.

До середины 1950-х гг., когда Жан Поль Ру опубликовал свои первые статьи относительно религиозного явления, названного им *тенгризмом* [Roux 1956; 1957], общепринятым являлось мнение, что до распространения мировых религий для тюркских народов был свойственен шаманизм (к примеру, [Thomsen 1924]). Данная теория, прежде всего, поддерживалась русскими и русскоязычными исследователями (например, Басилов, Кляшторный, Стеблева, Урбанаева), но в то же время в западноевропейской специальной литературе, где теория Ру практически стала монополярной (такой, что не стимулировала дальнейших исследований и уточнений), помимо шаманизма предполагается еще стоящий на более высокой ступени общественной организации, т. е. отражающий общественные отношения, – монотеизм (например: [Eliade 1986; Róna-Tas 1987; Pritsak 1988]). Правда, Уно Харва, опередив Ру, уже в 30-е гг. обратил внимание на то, что в надписях древнетюркское слово *tāñri* ‘небо/бог’ имеет особое значение. Но он не проанализировал тексты, в связи с чем его попытку толкования, скорее, можно назвать просто идеей, нежели разработанной теорией. Харва считал, что появляющееся здесь почитание Неба – это заимствование китайского универсализма [Harva 1938:140–153]. Данную интерпретацию принял Г. Дёрфер, используя термин *тенгризм*, и с некоторыми изменениями Эсин [Doerfer 1965: 582–583; Esin 1980: 45–50]. Эту квазитеорию мы не собираемся анализировать, но позже немного ее дополним.

Существующие до сих пор теории мы пытаемся проанализировать на основе текстов, поэтому мы не можем не привести во второй части нашей работы определенные фрагменты надписей и их переводы. Для большей наглядности использованные нами тексты мы пронумеровали, так как при анализе древнетюркских текстов пришлось на них часто ссылаться. Во второй части нашей работы мы приводим и первоначальный древнетюркский фрагмент, а в первой части статьи использован только перевод². В переводах мы воспользовались возможностью различать двойное значение Тенгри (‘бог’ и ‘небо’), но должны были поступиться тем, чтобы при переводе каждого предложения давать понять, что в древнетюркском оригинале было использовано *одно единственное* слово для передачи двух понятий.

² Вторая часть статьи с текстами из рунических памятников здесь не публикуется. Редакция полагает, что интересующиеся легко найдут по сиглам (см. ниже) и переводам соответствующие тюркские тексты, т.к. авторы ссылаются на известные их издания В.Томсеном, С.Е. Маловым и Т. Текином. – *Прим. редакции.*

Толкование текстов

При исследовании текстов Ж.-П. Ру собрал определения при слове Тенгри [1956: 200–209], а И.В. Стеблева в своей статье, посвященной анализу религиозно-мифологической системы древних тюрков, попыталась определить систему функций Тенгри [Стеблева 1972: 215–220]. Оба метода анализа хорошо прослеживаются, однако подход Ру мы будем расширять, а Стеблевой – уточнять.

Характеристика Тенгри

Ж.-П. Ру обнаружил четыре слова, характеризующих Тенгри: *kök* ‘синий’, *üzä* ‘верховный [см.: ДТС], трансцендентный’, *küč* ‘громадный, полный сил’, а также встречающееся только в монгольских источниках *möngke* ‘вечный’. Здесь мы не должны согласиться с Ру, в первую очередь, из-за того, что приведенные им значения слов не соответствуют действительности. Слово *üzä* не означает ни ‘возвышенный’, ни ‘трансцендентный’ (ни в надписях, ни позже), слово «просто» имеет значение ‘наверху’. Древнетюркское *küč* ни на свойство, ни на характеристику Тенгри не указывает, так как оно не означает ни ‘громадный’, ни ‘полный сил’, а значит ‘сила’, и в текстах эта сила – одно из даяний Тенгри (в связи с чем ниже приведены примеры). С другой стороны, данный метод анализа текста не должен ограничиваться только определениями, так как слово Тенгри, к примеру, характеризуется и тем, с какими глаголами оно встречается.

Глаголы, встречающиеся со словом *täñri*

Для большей наглядности мы приводим глагольные корни без показателей времени и личных окончаний, в случае причастий – корень без словообразующих аффиксов, в то же время отрицательные формы – из-за важности семантики – приводим с аффиксами отрицания. При переходных глаголах объект указывается в скобках: (*öd*) *ay-* ‘определять (время)’ (18. §)³; (*bilig*) *ber-* ‘(мудрость) давать’ (24. §); (*basa*) *ber-* ‘(нападать) позволяет’ (26. §); (*el*) *ber-* ‘(государство) давать’ (9. §); (*küč*) *ber-* ‘(силу) давать’ (9, 13. §); (*qan*) *ber-* ‘(хана) давать’ (23. §); *basma* букв. ‘не дави; /в тексте/ если не опустится’ (8. §); *bulğa-* ‘перемешаться /с Землей/’ (11, 17. §); *kötür-* ‘возвыситься’ (3, 9. §); */qağan/ olurt-* ‘(каганом) заставить царствовать’ (9. §); *qilin-* ‘сделаться, становиться’ (1. §); *taplama* ‘не одобряй’ (15, 17. §); (*anča*) *te-* ‘говорить (так /говорить/)’ (3, 23. §); (*bodun bolčun*) *te-* ‘говорить (пусть будет народ, говорить)’ (3. §); (*öl*) *te-* ‘говорить (умри, говорить)’ (23. §); (*türk bodunuğ atı küsi yoq bolmazun*) *te-* ‘говорить (чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, говорить)’ (9. §); (*türk bodun yoq bolmazun*) *te-* ‘говорить (чтобы не был уничтожен тюркский народ, говорить)’; (*töpesindä*) *tut-* букв. ‘держат (наверху); /в тексте:/ ‘покровительствовать, помогать’ (3. §); *yarliqa-* ‘оказывать милость’ (5, 14, 20, 21, 22, 25, 28); *yarat-* ‘создавать (/здесь:/ вводить во власть)’ (2. §).

Слово *täñri* в притяжательной конструкции

Как предмет обладания в выражении *türk täñrisi* ‘бог тюрков’: (3. §) – «Вверху бог тюрков, вода и земля священной земли тюрков, так говорили». «Да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет» – так говорили. «Моего отца Эльтериш хана и мать Элбилге катун бог возвысил, сделав правителем».

³ Здесь и далее древнетюркские примеры передаются в интерпретации переводчиков. – Прим. редакции.

В качестве обладателя в конструкции *täñri yarlıqazu* ‘милость бога’: (10.§) – «После этого по милости бога и потому, что у меня была харизма и везение, чуть было не исчезнувший народ я снова сделал народом»; (27.§) – «По милости бога мы не боялись многочисленных врагов, мы с ними сразились».

Слово täñri в сравнительном обороте

В почетном названии кагана – *täñri teg* ‘подобный богу’: (2.§) – «Богopodobный, возведенный богом во власть Билге каган»; (19.§) – «Богopodobный, возведенный богом во власть я, тюркский Билге каган, в это время правил».

Слово täñri в местно-исходном падеже

В том же месте (2, 19.§), с аффиксом местного падежа: *täñridä bolmuş* ‘возведенный богом /во власть/’, букв. ‘возникший к существованию в Тенгри’.

Определение к слову täñri

Как указано выше, *kök* ‘синий’ определение к *täñri*: (1.§) – „После того, как было сотворено вверху голубое небо, внизу бурая земля, между обоими был сотворен сын человеческий.”

Обстоятельство со словом täñri

üzä ‘вверху’, единственное наречие при *täñri*: (1.§) – ‘После того, как было сотворено вверху голубое небо, внизу бурая земля, между обоими был сотворен сын человеческий’; (3.§) – ‘Вверху бог тюрков, священная вода и земля тюрков, – так говорили. «Да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет» – так говорили. Моего отца Эльтериш хана и мать Элбилге катун бог возвысил, сделав правителем’; (8.§) – ‘Если вверху небо не провалится, внизу земля не обвалится, тюркский народ, твое государство, твой закон кто мог бы уничтожить?’; (15.§) – ‘Вверху бог, священная земля вода, харизма правления моего дяди были недовольны’; (22.§) – Так как наверху бог и внизу земля смилостивились, я свой народ на огромной территории, которую глаза не видели, уши не слышали, в сторону востока до восхода солнца, в сторону запада до захода солнца, на севере до тьмы ночи, я поселил’.

Функции Тенгри

И.В. Стеблева в своей статье, анализируя религиозно-мифологическую систему древних тюрков, по существу, выделяет четыре вида функции Тенгри:

1. созидательную (дарует империю, возвышает хана и катун);
2. покровительственно-заступническую (в бою дарует силу, благоволит);
3. указывающую (указывает, определяет для человека время);
4. карающую (погибни, – сказал) [Стеблева 1972].

Конечно, можно принять и данную схему Стеблевой, однако можно и с другой точки зрения рассмотреть основные функциональные категории, чтобы более наглядно представить функции Тенгри в текстах:

- I. Тенгри как один из полюсов космического порядка;
- II. Тенгри как бог империи;
- III. Тенгри как всеобщий бог.

Здесь мы сразу должны заметить, что слова *империя* и *бог*, по крайней мере, должны стоять в кавычках, так как тюркский каганат только с известными ограничениями можно назвать империей, а привлечение сюда понятия «бог» потребовало бы значительных уточнений. Мы в нашей работе – за неимением лучшего – все же воспользуемся этими понятиями со следующим уточнением: 1. империей мы называем систему власти, которой в надписях соответствует слово *el*;

2. Тенгри называем богом в тех случаях, когда он имеет духовный или трансцендентный характер.

I. Космический порядок

Основой космического порядка в текстах служит оппозиция «наверху – внизу» ~ «небо – земля»: (1.§) – ‘После того, как было сотворено вверху голубое небо, внизу бурая земля, между обоими был сотворен сын человеческий’; (8.§) – ‘Если вверху небо не провалится, внизу земля не обвалится, тюркский народ, твоё государство, твой закон кто бы мог уничтожить?’; (11.§) – ‘Так как небо и земля перемешались, в их желчи возникла зависть, они стали нам врагами’; (17.§) – ‘Так как небо и земля перемешались /токуз огузы/ стали нам врагами’.

II. Тенгри как бог империи

Функцию Тенгри в связи с тюркской империей можно разделить на две подгруппы:

II. 1. Тенгри способствует сохранению и расширению тюркской империи.

II. 2. Тенгри выбирает кагана и возвышает его на трон.

II. 1. Тенгри и империя

а) Тенгри в боях дарует тюркской армии силу: (4.§) – ‘Так как бог дал силу, войско моего отца-кагана было подобно волку, его враги – подобно овцам’; (13.§) – ‘Так как бог дал силу, я (огузкого) врага растерзал и рассеял’; (25.§) – ‘Нас было две тысячи, мы сразились, бог оказал нам милость, и, несмотря на перевес сил, огузское войско мы рассеяли’; (27.§) – ‘По милости бога, мы не боялись многочисленного врага, сразились с ними’.

б) Каган по милости Тенгри может расширять свою империю: (5. §) – ‘По милости бога, он /мой отец, Элтериш каган/ имеющих империю, отнял империю, имеющих кагана, лишил кагана и врага он примирил’; (14.§) – ‘По милости бога, я увеличил свою империю и вместе с этим увеличился и тюркский народ’; (21.§) – ‘По милости бога, я во время своего правления организовал народы, живущих в четырех сторонах мира’; (22.§) – ‘Так как наверху бог и внизу земля смилостились, я свой народ на огромной территории, которую глаза не видели, уши не слышали, в сторону востока до восхода солнца, в сторону запада до захода солнца, на севере до тьмы ночи, я поселил’.

в) Тенгри не препятствует уничтожению тюркского народа, исчезновению его славы и имени: (3.§) – ‘Вверху бог тюрков, священная вода и земля тюрков, так говорили’. ‘Да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет, – так говорили; ‘Моего отца Эльтериш хана и мать Элбилге катун бог возвысил, сделав правителем’; (9.§) – ‘Чтобы имя и слава тюркского народа не пропали, говоря, бог, дарующий империю, возвысивший моего отца в кагана, мою мать в катун, чтобы имя, слава тюркского народа не пропало, говоря так, меня этот бог заставил царствовать’; (10.§) – ‘После этого по милости бога и потому, что у меня была харизма и везение, чуть было не исчезнувший народ я снова сделал народом’; (28.§) – ‘По милости бога, на тюркский народ я не пустил врага в латах, не пустил запряженного коня набежать на него’.

Сюда же относится и текст, названный Стеблевой как «функция наказания» Тенгри: (23.§) – ‘Бог так сказал: /тюркский народ/ я тебе дарил хана, ты, оставив своего хана, подчинился /китайцам/. Из-за того, что подчинился, погибни – сказал’.

Более важным в толковании этого предложения является то, что здесь подчеркивается отношение Тенгри к империи и кагану (а не столько появление нового вида функции – наказание).

II. 2. Тенгри и каган

а) Кагана возвышает в правители Тенгри: (3.§) – ‘Вверху бог тюрков, священная вода и земля тюрков, так говорили’. «Да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет» – так говорили. «Моего отца Эльтериш хана и мать Элбилге катун бог возвысил, сделав правителем»; (9.§) – ‘Чтобы имя и слава тюркского народа не пропало, говоря, бог, дарующий империю, возвысивший моего отца в кагана, мою мать в катун, чтобы имя, слава тюркского народа не пропало, говоря так, меня этот бог заставил царствовать’.

Сюда же относится и эпитет кагана: (2.§) – ‘Богopodobный, возведенный богом во власть Билге каган’; (19.§) – ‘Богopodobный, возведенный богом во власть я, тюркский Билге каган, в это время правил’.

б) Так же, как и империю дарует Тенгри, кагана тоже он дарует: (23.§) – ‘Бог так сказал: /тюркский народ/ я тебе дарил хана, ты, оставив своего хана, подчинился /китайцам/’.

Здесь мы должны рассмотреть текст, значение которого остальные переводчики толкуют иначе. В шестой строке надписи Тонюкука, согласно традиции, Тенгри министру каганата Тонюкуку дал мудрость, благодаря чему министр сделал каганом (более позднего) Элтериша. Что в нашем переводе в корне отличается от прежних переводов – это толкование древнетюркского глагола *qis-*. В некоторых существующих переводах данный глагол толкуется как ‘press’ (Clauson 1972, 666); ‘[я] захотел’ (Malov 1951: 65); ‘I... made’ (Tekin 1968); ‘biztattam (я подбадривал)’ (Kakuk 1985: 31). До того, как предложить другой возможный перевод, давайте посмотрим, как описывает китайская летопись инаугурацию кагана.

Будущего кагана водили по кругу верхом на коне, душили веревкой, и когда он уже был при смерти, у него спрашивали, сколько лет он будет царствовать. Ж.-П. Ру в данном обряде посвящения в правителя пытается обнаружить элементы шаманизма, что, естественно, не исключается, в то же время стоит данный обряд понимать в более широком контексте. Посвящение в каганы в любом случае это вид обряда посвящения, переходный обряд (*rites de passage*), и как таковой содержит символ смерти–возрождения. Возвращаясь сейчас к надписи Тонюкука, можем задать вопрос, кто же мог руководить данным обрядом. Наш ответ: обряд проводил Тонюкук, т.е. Тонюкук был лицом, посвятившим Билге в каганы, и, значит, он был тем, кто *душил* будущего кагана. Поэтому древнетюркский глагол *qis-* (24.§), не что иное, как действие Тонюкука при проведении этого обряда посвящения кагана. Данное толкование мы считаем более подходящим, потому что из текстов надписей становится ясно, что одна из важнейших основ легитимации кагана состоит в том, что каганом его делает Тенгри, Тенгри его возвышает, Тенгри заставляет его править, он по милости Тенгри может расширять и упрочнять свою империю: (24.§) – ‘Затем, т.к. бог даровал мне мудрость, я сам возвел его в хана’.

III. Тенгри, как всеобщий бог

В надписях имеется единственное место, указывающее на Тенгри как всеобщего бога, он властвует над всеми людьми и временем, над жизнью и смертью: (18.§) – ‘Временем распоряжается бог, все сыновья человека созданы смертными’.

Государственная религия или шаманистическая картина мира?

Функциональная система, установленная нами на основе текстов, показывает, что Тенгри более полно и в большей степени связан с государством. Сначала мы должны выяснить, можем ли на основе всего сказанного назвать тенгризм монотеистической государственной религией? Сначала мы должны отметить, что не хотели бы использовать религиозный термин, хотя имеются и широкие определения, дающие простор для его всеобщего употребления. В то же время стоит учитывать, что рассматриваемое и описываемое явление малоизвестно. Что касается монотеизма, то мы должны высказаться более скептически. Под тенгризмом мы понимаем следующее: присутствует «главнейшее существо», на основе чего мы ряд явлений должны считать монотеизмом или монотеистическими. Однако у нас нет никакой причины видеть за текстами надписей какую-нибудь веру в единого бога.

Если же поставить вопрос, является ли по свидетельствам текстов Тенгри единственной сакральной духовной силой, то тогда наш ответ, конечно, нет. Прежде чем осветить подробно данный вопрос, стоит привлечь сюда и другое предположение Ру: выступает ли Тенгри создателем *ex nihilo* (создатель из ничего). Данный вопрос, на самом деле был обусловлен не текстами, а культурным и религиозным фоном, привлеченным французским исследователем. В текстах же не обнаруживается ничего такого, что хотя бы робко указывало на какой-нибудь вид монотеизма, именно на бога-создателя или, добавим от себя, и на практику шамана.

Двоякость семантики слова Тенгри – физическая ('небо') и духовная ('бог') – заставила многих исследователей рассматривать эти значения отдельно друг от друга и принимать их за омонимы. Эту точку зрения как будто подтверждает и тот факт, согласно которому в большей части современных тюркских языков соответствия древнетюркскому *tāñri* имеют значение 'бог'⁴, тогда как слово, означающее «небо» в них существует в качестве соответствия древнетюркскому *kök* 'синий'. Нам также известно, что данное разделение семантики происходило только в тех языках, носители которых приняли ислам или стали христианами. В этих случаях, естественно, возможно такое изменение семантики: *tāñri* 'небо, бог', *kök* 'синий' > *tāñri* 'бог', *kök* *tāñri* 'небо', *kök* 'синий' > *tāñri* 'бог', *kök* 'небо; синий'.

В возникших позже орхонских енисейских надписях имеются уже определенные намеки на то, что слово *tāñri*, означающее 'бог', различали от *kök tāñri* ('синий тенгри = небо'). Данный процесс в рассматриваемом нами периоде (и в языке) еще не начался, что доказывают тексты надписей. Текст, содержащий оппозицию *üzä tāñri* (небо/бог наверху) и *asra yer* (земля внизу) фиксирует не только отвлеченную космическую основу, а также актуальное сакральное действие: (22.§) – 'Так как наверху бог и внизу земля смиростились, я свой народ на огромной территории, которую глаза не видели, уши не слышали, в сторону востока до восхода солнца, в сторону запада до захода солнца, на севере до тьмы ночи, я поселил'.

⁴ Современные соответствия древнетюркского *tāñri* и их значения собрал Г. Дёрфер [Doerfer 1965: 578–579].

Данный текст ясно указывает, что Тенгри был не единственным, кто может быть милостивым. Исходя из этого, мы составили список, показывающий, какие характеристики и функции встречаются в текстах и с какими элементами верования они связаны (Табл. № 1). Естественно, по нашему списку нельзя судить о представлениях того времени и о том, какой элемент верования с какими функциями и характеристикой составляет пару. К примеру, в надписях Умай не оказывает милость, но это вовсе не означает, что по тогдашним представлениям она была для этого непригодной. Таким образом, мы выясним, какие способы действия и характеристики связаны только с Тенгри.

Таблица № 1

	<i>tāñri</i>	<i>umay</i>	<i>yer</i>	<i>ïduq yer sub</i>
(<i>öd</i>) <i>ay-</i> распоряжаться временем	+	-	-	-
<i>ber-</i> <i>küç</i> дать – мудрость	+	-	-	-
<i>el</i> – государство	+	-	-	-
<i>küç</i> – силу	+	-	-	-
<i>qan</i> – кагана	+	-	-	-
<i>basa ber-</i> позволить наступать	+	+	-	+
<i>bas-</i> / <i>tälin-</i> давить /разверзаться	+	-	+	-
<i>bulğa-</i> перемешиваться	+	-	+	-
<i>qağan olurt-</i> заставить править в качестве кагана	+	-	-	-
<i>qilin-</i> становится	+	-	+	-
<i>taplama</i> не одобряй	+	-	-	+
<i>te-</i> говорить (что-либо)	+	-	-	+
<i>yarat-</i> устраивать (готовит)	+	-	-	-
<i>yarliqa-</i> смилостивиться	+	-	+	-
<i>töpäsindä tut-</i> помогать (держат вверху)	+	-	-	-
<i>kötür-</i> возвышать (в правителья)	+	-	-	-
<i>türk</i> (определение) тюркский	+	-	-	+
<i>-täg</i> сравнительная частица, подобный как	+	+	-	-
цвета– <i>kök</i> / <i>yağiz</i> (синий /бурый)	+	-	+	-
наречие– <i>üzä</i> / <i>asra</i> наверху/внизу	+	-	+	-

Приведем еще две итоговые таблицы, показывающие сколько раз (Табл. № 2) и вместе с какими другими элементами (Табл. № 3) встречаются на надписях рассмотренные нами элементы верований.

Таблицы явно указывают на два факта. Тенгри – не единственная сакрально-духовная сила, в то же время (судя по текстам) его выдающаяся роль неоспорима.

Таблица № 2

	<i>tāñri</i>	<i>umay</i>	<i>yer</i>	<i>ïduq yer sub</i>
Köl tegin	17	1	4	1
Bilge khan	21	-	4	2
Tonyuquq	7	1	-	1

Таблица № 3

	<i>tāñri</i>	<i>Umay</i>	<i>yer</i>	<i>ïduq yer sub</i>
<i>tāñri</i>	+	+	+	+
<i>Umay</i>	+	0	-	+
<i>yer</i>	+	-	0	-
<i>ïduq yer sub</i>	+	+	-	0

(“0” означает, что данный элемент самостоятельно не встречается)

Ж.-П. Ру поставил также вопрос, могла ли быть «пара» у Тенгри. В соответствии с его концепцией, его ответ был отрицательным. Однако если вопрос поставить более точно и попытаться найти не «жену» для Тенгри, то можно прийти к очень важным выводам. Выше мы уже видели, что, с определенной точки зрения, «парой» в космической оппозиции для Тенгри является Земля. Мы, значит, можем сформулировать свой вопрос следующим образом: какие оппозиционные пары можно установить на основе текстов?

Тенгри и Земля

Во-первых, мы должны заметить, что слово *yer* ‘земля, место’ очень часто фигурирует в надписях, однако нас интересуют только случаи, когда его семантика связана с верованием. Заслуживает внимание и то, что одно и то же слово фигурирует в текстах и в сакральном, и в бытовом значении. Слово *yer* встречается и самостоятельно (как элемент мифологии), и в то же время мы должны его рассмотреть в составе двух словосочетаний. Одно из них древнетюркское *yer sub*, которое в специальной литературе до сих пор ошибочно фигурировало среди элементов верования. Причиной является более поздние данные о значении *yer sub* «земля - вода», которое связывали с одним из духов-покровителей, как показывают современные данные этнографии. Сложение это в орхонских надписях является обозначением политически или географически связанной территории⁵; вариант же словосочетания с определением *ïduq yer sub* ‘священная земля - вода’ в текстах имеет не бытовое, а чисто духовное значение. Его можно перевести как «родина» с оговоркой, что это значение никак не территориальное, а исключительно отвлеченное духовное. Скорее всего здесь имеется оппозиция «сакральное : бытовое» (*ïduq yer sub* : *yer sub*). На основе наших исследований можно указать на космическую оппозицию «небо : земля» и на противопоставление «сакральное : бытовое».

⁵ В надписях данное словосочетание встречается трижды – (6; 7; 16.§).

Тенгри и Умай

На основе выражений *tāñri tæg qağan* ‘подобный Тенгри каган’ и *umay tæg qatun* ‘подобная Умай катун’ подразумевалась пара Тенгри и Умай. Ж.-П. Ру отвергает это предположение исходя из значения Умай ‘плацента’. К этому Ру еще добавил, что Тенгри не имел пола. Предположение Ру относительно значения Умай основано на более поздних данных. Возможное значение Умай «плацента» во время возникновения надписей мы не считаем вероятным из-за того, что не нашлось более подходящее определение для самой главной жены кагана: «княгиня подобная плаценте»⁶. Здесь можно констатировать на основе противопоставления *tāñri tæg qağan* : *umay tæg qatun*, что Тенгри и Умай составляют новую оппозиционную пару. Исходя из семантики Умай, которая в текстах только духовная, основой оппозиции является пол.

Оппозиционные пары

Подытоживая данную часть нашей работы, мы можем констатировать три вида оппозиционных пар: космический (верх – низ), бытовой (материальный – сакрально-духовный) и половой (мужчина – женщина).

Оппозиционные пары	Характер оппозиции	Дополнительная характеристика оппозиции
<i>tāñri</i> : <i>yer</i>	космический	вверху – внизу синий – бурый
<i>yer sub</i> : <i>ïduq</i> <i>yer sub</i>	бытовой / сакральным	Ø – ‘священный’
<i>tāñri</i> : <i>umay</i>	половой	каган – катун мужчина – женщина

Необходимо подчеркнуть, что они не перемешиваются, в случае космической оппозиции нет материально-духовного контраста и нет полового противостояния, также и в случае полового противостояния малозначительна оппозиция бытовой – сакральный. Это происходит по двум причинам: первое, Тенгри можно противопоставить и Земле, и Умай, – мы не можем считать эти два элемента тождественными, то есть не можем признать Умай Богиней Земли древнетюркской картины мира (как это уже сделали некоторые, например [Lot Falck 1956]). С другой стороны, еще раз нам удалось подтвердить, что двоякое значение Тенгри, кажущееся для современного исследователя делимым (т.е. физического характера «синее небо» и сакрально-духовного характера «бог»), всё-таки неразделимы. В выдвинутых нами трех оппозиционных парах Тенгри не фигурирует при разделении на «материальное» и «сакральное».

Дихотомия Небо/Земля, которую мы назвали космической оппозицией, в специальной литературе, когда в текстах выделяют шаманистическую мифологию, становится трихотомией. Для обоснования обычно приводят тот же текст, который мы использовали в качестве доказательства в пользу дихотомической

⁶ Ру в одной из более поздних публикаций немного облагородил свою точку зрения; он значение Умай определяет так: «une grand déesse placentaire qui favorisait la fécondité des femmes et des femelles et protégeait les nouveaux-nés» [Roux 1988: 517].

картины мира: (1.§) – ‘После того, как было сотворено вверху голубое небо, внизу бурая земля, между обоими был сотворен сын человеческий’.

По мнению тех, кто реконструирует шаманистическую картину мира, в данном тексте налицо трихотомическое представление мира, однако мы тщетно его искали. При предположении, что Тенгри одновременно является и физическим небом и богом, к тому же еще и воплощением «верхнего мира», и допущении, что между упомянутыми здесь «двумя» мирами средний мир шаманистической картины мира – это место жительства человека, даже и тогда остается непреодолимая трудность. Если в надписях «третье место» это земля, которую нельзя называть нижним, темным миром, т.к. она сакральна, как выше мы уже видели, она вместе с Тенгри оказывает милость. Трихотомии особенно противоречит то, что, когда в приведенном выше тексте фигурирует выражение «между двумя», в оппозиции «наверху небо – внизу земля» (где земля является местом обитания человека) слово *yer* обозначает «место», а *yer sub* (земля вода) – название обитаемой человеком территории. Следующий вопрос о том, имел ли такую трихотомическую картину мира шаманизм того времени, которую исследователи пытаются здесь найти⁷. То, что на основе текстов надписей невозможно реконструировать трихотомическую картину мира, необязательно означает, что за надписями не могла стоять какая-нибудь шаманистическая картина мира.

Можно допустить существование и нижнего, темного мира, не отраженного в текстах надписей. Мы не настаиваем на этом, так как в текстах имеются намеки определенно отрицательного содержания (конец света; гибель как кара), которые связаны с теми же элементами (Тенгри, Земля), что и положительные – оказание милости, порядок и помощь.

Дальше мы должны кратко остановиться на мнении Харвы, в соответствии с которым картина мира надписей есть собственно проявление китайского универсализма⁸, что мы выше охарактеризовали скорее как идею, чем теорию. Хотя мы и малокомпетентны в вопросах универсализма, все-таки у нас имеются два небольших замечания. Наблюдения Харвы основываются на двух вещах. Первое он характеризует как „Drei Potenze Lehre”, означающие в универсализме основополагающие и определяющие элементы мира, – Небо, Земля, человек, которые проявляются в надписях. У Харвы в качестве доказательства представлен тот же самый текст, что был приведен и в пользу шаманистической картины мира (1.§). Однако в тюркском тексте мы не видим выступление человека определяющим судьбу мира третьим полюсом, а как раз наоборот. Положение человека «между двух миров» это, скорее всего, беззащитность, чем диктат остальным двум мирам. Ведь может случиться, что Небо и Земля переместятся (11.§), когда в условном наклонении говорится о том, что Небо может проломиться, а Земля – провалиться (8.§). Эти события не связаны с деятельностью человека. Когда тюрки, оставив своего кагана, подчиняются китайцам, за этим никакая космическая катастрофа не следует, а лишь Тенгри оставляет их одних.

Другой факт, на чем основывается наблюдение Харвы, это небесная легитимация кагана. Но этот общеизвестный факт не может иметь доказательной силы. Следует иметь в виду, что тюркский каган пытался распространить свою леги-

⁷ Урбанаева предполагает, что в случае тюрко-монгольских народов в один из ранних периодов мы должны считаться двухдольной картиной мира (1997). Однако статьи Урбанаевой во многих местах лишены критериев научности, в связи с чем на эту ее точку зрения можем указать только в ссылках.

⁸ К его названию и толкованию ср.: [De Groot 1892–1910].

тимность и среди китайцев, которая, возможно, имела и обратное воздействие, а именно, на его легитимистский автопортрет. Тем не менее, текст надписей адресовался тюркскому народу (*türk bodun*), и он, значит, должен был быть понятным для читателя, чтобы тот мог его растолковать на основе своей культуры.

Завершая работу, мы снова задаемся вопросом, можно ли на основе анализа текстов надписей реконструировать государственную религию, или это древний источник для шаманской картины мира. Т.Д. Скрынникова в своей книге «Харизма и власть в эпоху Чингис-хана» обрисовывает также и промежуточную возможность, несмотря на то, что в большей части своего сочинения она древнетюркские надписи сопоставляет с шаманистическими текстами [Скрынникова 1997]. В конце своей книги она высказывает предположение, что могло существовать централизованное поклонение Небу, хорошо отражающее структуру власти, а также живущая на периферии прослойка общества, картина мира которой организовалась вокруг шаманской практики. Такой подход заслуживает внимания и может служить хорошей основой для дальнейшего исследования с целью более точно описать это «централизованное» поклонение Небу.

Подытоживая результаты нашей работы, мы можем констатировать следующее: в рассмотренных нами текстах трех древнетюркских надгробных надписей мы пытались выявить скрывающуюся в них картину мира. Определенные трудности при работе над текстами представляли содержание, функция и цели надписей, иначе говоря, фрагменты текстов, относящиеся к верованию, встречаются только спорадически. Из этого вытекает вопрос: означает ли факт связи Тенгри с империей и каганом проявлением новой религии или это связано с тенденциозной стилистикой текстов. Хотя при исследовании текстов мы пытались не приводить более поздние данные, но все же отметим следующее. В современных тюркских языках соответствия древнетюркскому *tāñri* чаще встречаются со значением «бог», что, однако, не является доказательством того, что в восьмом веке Тенгри являлся «богом» политически и общественно изолированного, узкого слоя населения.

В реконструированной нами системе среди элементов верования Тенгри имеет особое положение, в то же время в текстах можно выявить и много других элементов религии, встречающихся до сегодняшнего дня у некоторых тюркоязычных народов (*Umay, yer sub*). «Тенгризм» нам не кажется верой «аристократической», в то же время он не показывает и родство с той шаманистической картиной мира, в представлении которой мир выступает трехчастным.

Примечание.

Расшифровка сиглов приведенных в статье древнетюркских примеров. После номера параграфа стоит сокращение надписи (КТ = Кюл тегин; БК = Билге каган; Т = Тонюкук); за этим следует указание стороны: в = восточная сторона; ю = южная сторона, с = северная, затем идет порядковый номер строки; так, например, КТв 9, БКв 16 означают соответственно, что данный текст находится в 19 строке восточной стороны надписи памятника Кюл тегину и в 16 строке восточной стороны надписи Билге кагана.

1. § КТв 1, БКв 2	11. § БКв 29–30	21. § БКс 9
2. § БКв 2	12. § КТв 31	22. § БКс 10–11
3. § КТв 10, БКв 10	13. § БКв 32–33	23. § Т2–3
4. § КТв 12, БК ВQв 11	14. § БКв 33	24. § Т 6
5. § КТв 15, БКв 13	15. § БКв 35	25. § Т 16
6. § КТв 19, БКв 16	16. § БКв 35	26. § Т 38
7. § КТв 20, БКв 17	17. § КТс 4	27. § Т 40–41
8. § КТв 22, БКв	18. § КТс 10	28. § Т53–54
9. § КТв 25–26, БКв 20–21	19. § КТю 1, БКс 2	
10. § КТв 29, БКв 23	20. § КТю 9, БКс 7	

Литература

- Басилов, В. Н. (1982). Этуген. Умай. Эр-су // Мифы народов мира. Том 2. М.
 Кляшторный, С. Г. (1982). Мифы турецких народов // *Мифы народов мира*.
 Т II. М..
- Скрынникова, Т. Д. (1997). Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.
- Стеблева, И.В. (1972). К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // *Тюркологический Сборник*. 1971. 213–226.
- Урбанаева, И.С. (1997). Эзотерические смыслы учения о тенгери и боо мур-гел // *Современность и духовно-философское наследие Центральной Азии*. – Улан-Уде. – С. 4–47.
- Berta, Á. (1995). Neue Lesungs- und Deutungsvorschläge für die Inschrift Tonuquq // *Acta Orientalia. Tom XLVIII*. 313–320.
- Clauson, s.G. (1972). *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. London.
- Doerfer, G. (1965). *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Band II*. Wiesbaden.
- Eliade, M. (1986). *Histoire des croyances et des idées religieuses III*. Paris.
- Esin, E. (1980). *A History of Pre-Islamic and Early-Islamic Turkish Culture*. Istanbul.
- Gabain, A.v. (1950). *Altürkische Grammatic*. Leipzig.
- De Groot, J.J.M. (1892–1910). *The Religious System of China. I-IV*.
- Harva, U. (1938). Die Religiöse Vorstellungen der Altaischen Völker // *FF Communications. Vol. 7. No. 125*.
- Kakuk Zs. (1985). Kül tegin felirata // *Örök köbe vésvé. A régi török népek irodalmának kistükre*. Szerk. Kakuk Zsuzsa. Budapest. 34–43.
- Liu Mau Tsai. (1958). *Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. I. Buch. Texte. Wiesbaden.
- Lot-Falck, E. (1956). A Propos d'Ätügän Deesse mongole de la terre // *Revue de l'Histoire des religions. CXLIX*. No. 1-2. 155–196.
- Pritsak, O. (1988). /Reflection to study of J.P. Roux (La religion des peuples de la steppe). In: Popoli delle steppe: unni, avari, ungari. 23-29 aprile. Tomo secondo // *Settimane di studio del centro Italiano de studi sull'ato mediovo. XXXV*. 513--538.
- Róna-Tas A. (1987). Materialien zur alten Religion der Türken // *Studies in Oriental Religion. Synkretismus in den Religionen Zentralasiens. Ergebnisse eines Kolloquiums vom 24.5. bis 26.5. 1983. in St. Augustin bei Bonn*. 33-45.
- Roux, J.P. (1956). Tängri. Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques // *Revue de l'Histoire des religions. CXLIX*. No. 1-2. 49–82.
- Roux, J.P. (1957). Tängri. Essai sur le ciel=dieu des peuples altaïques // *Revue de l'Histoire des religions. CL*. No. 1-2. 197–230.
- Roux, J.P. (1962). La religion des Turck de l'Orkhon des VIIe et VIIIe siecles // *Revue de l'Histoire des religions. CLIX*. No. 1-2. 1–24.
- Roux, J.P. (1984). *La religion des Turcks et des Mongols*. Paris.
- Roux, J.P. (1985). Turkic Religions // *Encyclopedia of Religion*. Ed. Eliade, M. Vol XV. 87-94.

-
- Roux, J.P. (1988). La religion des peuples de la steppe // Popoli delle steppe: unni, avari, ungari. 23-29 aprile. Tomo secondo. *Settimane di studio del centro Italiano de studi sull'ato mediovo. XXXV*. 513–538.
- Rybatsky, V. (1997). Die TONUQUQ Inschrift // *Studia uralo-altaica*. 40.
- Tekin, T. (1968). *A Grammar of Orkhon Turkic*. Bloomington.
- Tekin, T. (1988). *Orhon Yazitlari*. Ankara.
- Thomsen, V. (1896). *Inscriptions de l'Orkhon*. Helsingfors.
- Thomsen, V. (1924). Alttürkische Inschriften aus der Mongolei // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd 78*. 121–176.

Dalos, Edina. On Tengrism (mythological elements in Orkhon inscriptions)

Summary. The article aims at revealing Old Turkic world view as it is presented in the texts of the three biggest Old Turkic Runic inscriptions. In the reconstructed by us system of religious views and beliefs, a special place is occupied by Tengri. The question is whether the connection of Tengri with the first Turkic empires and their rulers, the *khagan's*, is an evidence of an emergence of a new state religion, or this connection can be explained by the stylistics of those texts. Tengrism does not seem to be a religion for "aristocrats", however, there is no evidence of its direct affiliation to the shamanistic views which present the world as consisting of three parts.

Key words: Runic written monuments, religious world view, mythology, shamanism, Tengrism, state religion, Old Turkic pantheon.

ОСОБЕННОСТИ ТРОПОВ В КАРАКАЛПАКСКОМ
ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «ЭР ЗИУАР»*А.К. Жаримбетов, г. Нукус*

Резюме. В настоящей статье рассматриваются вопросы использования изобразительных средств – эпитетов, сравнений, гипербол, в создании художественных образов в каракалпакском героическом эпосе. Для анализа выбран дастан "Эр Зиуар".

Ключевые слова: героический эпос, богатырский конь, изобразительные средства, эпитет, сравнение, гипербола, образ, этимология.

В героическом эпосе для создания художественных образов широко используются изобразительные средства, наиболее распространенными среди которых являются тропы. Посредством тропов выражается народная симпатия к герою, его коню, невесте и антипатия к врагам и другим отрицательным персонажам.

Каракалпакский народ имеет богатое эпическое наследие, насчитывающее более 50 дастанов. Многие ученые не раз обращались к эпическим образцам, исследуя их с разных сторон. Среди всех произведений своим идейно-эстетическим совершенством и богатством изобразительных средств выделяется эпос «Эр Зиуар» («*Er Ziy'ar*» – «Богатырь Зиуар»), ставший одним из наиболее любимых дастанов каракалпакского народа, о чем свидетельствует его неоднократное издание – в 1958, 1981, 2011 гг. Долгое время это произведение занимало видное место в репертуаре выдающегося каракалпакского сказителя (*жырау*) Курбанбая Тажибаева (1876–1958). Однако данный дастан исследован слабо: имеются лишь несколько небольших статей, освещающих в общих чертах его сюжетное, жанровое и идейно-тематическое своеобразие [1]. Нами поставлена задача проанализировать художественно-образительные средства, используемые в произведении, для этого выбраны наиболее часто встречающиеся тропы, такие как эпитеты, сравнения, гиперболы.

В эпосе «Эр Зиуар» события происходят в Хорезме, который в XIII–XIV вв. входил в Золотую Орду, затем находился в составе Ногайской Орды. По мнению ученых, этот эпос возник в период Ногайской Орды, в XV–XVI вв. [2]. В то время предки нынешних каракалпаков имели этническое название *ногайлы* 'ногайцы'. Главный герой эпоса Эр Зиуар по происхождению ногаец, он ведет борьбу за независимость своей страны против калмыков (джунгаров).

В каракалпакском богатырском эпосе складывается традиция, по которой сказитель к собственным именам основных отрицательных персонажей начинает прибавлять слово *калмак* 'калмык', которое выражает не только этноним, но и выступает как постоянный эпитет. Например, он произносит «*калмак Суртайша*» в «Сорока девушках», «*калмак Абакан*» в «Эр Зиуаре», «*калмак Тайшахан*» в «Алпамысе» и т.д.. В результате этноним *калмак* в каракалпакских эпических

поэмах превратился в постоянный эпитет, выражающий чувства неприязни к отрицательным персонажам и к врагам-завоевателям, в целом

Наряду со словом *калмак* в каракалпакском богатырском эпосе употребляются в качестве его синонимов слова *гаур* или *капир* 'гяур'. По своему происхождению они представляют собой религиозные термины, обозначающие «иноверец», «немусульманин» [3]. Сказители придали им художественную выразительность, и постепенно эти нейтральные слова превратились в постоянные эпитеты, имеющие значение «враг», «неприятель».

Эр Зиуар – главный герой одноименного эпоса, богатырь, защитник народа от иноземных захватчиков-калмаков. Жирау, образно описывая богатырские качества Эр Зиуара, применяет целую цепь сравнений, что видно из следующего примера:

<i>Оттай жайнап көзлери,</i>	Глаза горят как огонь,
<i>Күндөй кулип жүзлери,</i>	Лица сияют как солнце,
<i>Көзи шахмақ тасындай,</i>	Глаза сверкают, как искры от кремня,
<i>Қамысқа тийген жалындай,</i>	Возгорается как пламя,
<i>Сөйлеген сөзи алтындай.</i>	Слова его как золото,
<i>Жолбарыстай қарыұлы,</i>	Силён как тигр,
<i>Арысландай айбатлы,</i>	Страшен как лев,
<i>Рустемдей гайратлы ...</i>	Богатыр как Рустам [4: 56] ¹ .

В этом примере наглядно проявляется стремление сказителя выделить богатырские качества Эр Зиуара, уподобив их различным обычным явлениям природы (солнцу, огню, искрам, пламени), редким драгоценным металлам (золоту), сильным животным (тигру, льву), известным фольклорным героям (Рустаму). Сравнения выполняют здесь изобразительные функции, они усиливают художественное впечатление, вызывают особое представление о герое. С помощью сравнений певец выражает народное представление о мире, дает народную оценку богатырю-защитнику. Портретное описание Эр Зиуара с обильным использованием сравнений и гипербол даётся в эпосе неоднократно.

Образ эпического героя не мыслим без его коня, верного спутника, лучшего друга. В каракалпакском эпосе богатырский конь персонифицирован, наделен необыкновенной силой и красотой, острым умом, иногда он может говорить человеческим языком (конь Байшубар в «Алпамысе», конь Торытай в «Коблане» и др.). Любовь к коню, персонифицирование его в богатырском эпосе имеют свои мифологические и исторические корни. Известно, что «в районах Средней Азии коневодством начали заниматься еще в эпоху бронзового века. Оно было важнейшей отраслью хозяйства, снабжающей население верховой лошастью, мясом, молоком и кожей. Все это способствовало интенсивному развитию коневодства у тюркских народов» [5]. У древних тюркских племен кони играли большую роль в хозяйственном укладе их жизни, поэтому образ коня приобрел сакральное значение. Тюрки приравнивали лошадей к людям, считая их кровными братьями. Когда умирал вождь племени, то вместе с ним хоронили и его лошадей. По верованиям древних тюрков, лошади на том свете будут служить своему хозяину [6]. Подобные историко-мифологические представления древних тюркских племен способствовали созданию специфического художественного образа коня.

¹ Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

В каракалпакском эпосе богатырский конь описывается с особой симпатией, с использованием различных сравнений, эпитетов, метафор, гипербол. Конь представлен не как простое средство передвижения, рабочая сила, а как выносливый, быстроногий, красивый скакун, умный, верный, боевой товарищ и даже любимый родственник.

В дастане «Эр Зиуар» богатырский конь *Көк Тулпар* также персонифицирован, наделен отдельными человеческими качествами, выступает в роли верного друга положительного героя. При описании его жирау использует гиперболы, подчеркивает его благородное происхождение.

*Астындагы Көк Тулпар,
Оннан сайын гүледи,
Қос қанатын қомлады,
Табаны жерге тиймеди,
Буұданнан туўған жәниўар*

Под ним Кёк Тулпар,
Резвился ещё сильнее,
Расправил крылья,
Копыта его не коснулись земли,
Рождённый от будана [4:76].

Кёк Тулпар – сизый, буквально серо-голубой крылатый конь. Слово *көк* здесь обозначает масть коня (в древнетюркском языке также – ‘здоровый’, ‘толстый’, ‘дородный’, ‘жирный’, ‘упитанный’, ‘сильный’, ‘большой’ [7]). Жирау описывает Кёк Тулпара крылатым, рождённым от благородного будана², выносливым, быстроногим скакуном. В данном примере слово *көк* выполняет функцию постоянного эпитета, который придает Тулпару – крылатому коню более поэтическую окраску.

Кёк Тулпар помогает своему хозяину и другу Эр Зиуару во многих трудных ситуациях. Во время сражений с калмаками он показывает себя как умный боевой товарищ: он освобождает своего хозяина из плена старухи-колдуньи (Ку Мастан). Во всех фрагментах при описании Кёк Тулпара используется большое количество гипербол и сравнений. В дастане образу всех коней придается особое внимание. Собственные имена имеют кони как ногайских, так и калмыцких богатырей, и все они породистые. Эпитетами являются и имена коней.

*Астындагы Ақтамгер,
Көкке атып ойнады*

Под ним конь Ақтамгер
Резвился, рвался к небу [4: 9].

Ақтамгер – это боевой конь калмыцкого визиря Абакана. В дастане это звучит как яркий эпитет, означает «резвый жеребец».

Конь ногайлинского богатыря Аккозы также наделен постоянным эпитетом *Кара сур ат*. По Э.В. Севортяну слово *кара* в тюркских языках имеет много значений; А. Бекбергенов насчитывает их в каракалпакском языке около тридцати [8]. Применительно к масти лошади *кара* означает ‘тёмный’; *сур* – ‘серый’ [7, VII: 360–361]. Таким образом, *Кара сур ат* означает «тёмно-серый конь», сочетание слов *кара* и *сур* стало постоянным эпитетом. Но за ним может стоять и другое содержание: *кара* в каракалпакском языке имеет и переносное значение, передающее что-либо отрицательное, а *сур* в этом плане – ‘грозный, злой’.

Коня ногайлинца Хасен хана, правителя Хорезма, называют *Лашын ат*. *Лашин* – это ‘ловчая птица из породы ястребов’ [7, VII: 7]. Прибавляемое к *ат*

² Будан – помесь арабской и местной пород.

‘конь’ определение *лашин* подчеркивает особые качества коня Хасен хана – силу, резвость, тем самым выделяя его из остальных и придавая ему художественную выразительность. Таким образом, эпитет *лашин* становится одним из активных изобразительных средств дастана.

Несмотря на то, что все описываемые кони являются спутниками второстепенных персонажей, они наделены яркими, выразительными эпитетами, сравнениями, гиперболами. Это говорит о той особой роли, которую играли кони в жизни тюркских народов, в том числе каракалпаков, у которых ярко прослеживается наличие культа коня на протяжении всей истории существования их этноса.

В каракалпакском героическом эпосе помимо положительных героев выведен целый ряд отрицательных образов, которые имеют также важное значение в развитии сюжета. Особенно они активны при обострении конфликтов. Велика их роль также в раскрытии положительного образа богатыря. Один из отрицательных персонажей – хитрый, коварный человек, который может быть как мужчиной, так и женщиной, всячески мешающий доброму делу героя. В дастане «Эр Зиуар» таким злом является *ку* (*кув*) *мастан* – ‘старуха-колдунья’. Слово *мастан* заимствовано из персидско-таджикского языка и означает ‘хитрая, коварная женщина’ (старуха) [9]. Слово *кув* в древнетюркском языке означает ‘жёлтый’, ‘рыжий цвет’ [7, V: 94, 95, 97]. В эпической традиции оно активно употребляется в отрицательном значении: *сары мастан* – ‘рыжая мастан’, ‘коварная женщина’ или ‘старуха’; *сары шаян* – ‘жёлтый скорпион’ (о коварной женщине); *сары қатын* – ‘рыжая женщина’, ‘коварная женщина’ и т.п. Таким образом, в эпосе слова *куу* (*кув*) и *мастан*, употребляемые в значении ‘коварная старуха’, приобретают художественную окраску, становятся постоянным эпитетом и вызывают чувство отвращения к этой коварной женщине. Подобное активное употребление эпитетов, сравнений, гипербол можно наблюдать и в других каракалпакских героических поэмах, таких как «Сорок девушек», «Алпамыс», «Коблан», «Едиге» и др.

Анализ ряда троп дастана «Эр Зиуар» дает представление о художественно-образительных средствах языка каракалпакского богатырского эпоса. Особенности их заключаются в следующем:

- в каракалпакском богатырском эпосе, и в том числе в эпосе «Эр Зиуар», наиболее активно используются такие изобразительные средства, как эпитеты, сравнения и гиперболы;
- эпитеты, сравнения, гиперболы призваны вызывать особые художественные и эстетические чувства у слушающего, касающиеся главных и второстепенных героев и их коней.
- с помощью троп выражается народная симпатия к герою, его коню, невесте, проявляется антипатия к врагам и отрицательным персонажам;
- основным поводом широкого применения эпитетов, сравнений и гипербол при изображении коней является симпатия к герою и его коню;
- исторические корни применения эпитетов, сравнений и гипербол восходят к древним мифологическим представлениям.

Литература

1. Мақсетов Қ. «Ер Зийўар» дэстаны туўралы // Эмиўдэрья, № 5, 1959; *Он же*. Каракалпакский героический эпос. – Ташкент: Фан!, 1976; *Он же*. «Ер Зийўар» дэстаны хаққында. (Дэстанға алғы сөз). // Ер Зийўар дэстаны. – Нөкис: Каракалпакстан, 1981; Сағитов И. «Ер Зийўар» дэстаны хаққында // Эмиўдэрья, № 6, 1962.
2. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – М.: Наука, 1974. – С.411, 507; Мәмбетов К. Эйемги каракалпак әдебияты. – Нөкис, 1976. – С. 92–93.
3. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1987. – С. 146; Ислом. Справочник. – Тошкент, 1989. – С. 176; Краткая советская энциклопедия. – М., 1985. – С. 354.
4. Каракалпак фольклоры. 27-том. «Ер Зийўар». – Нөкис, 2011.
5. Базарова Д.Х., Шарипова К.А. Развитие лексики тюркских языков Средней Азии и Казахстана. – Ташкент: ФАН, 1990. – С.7.
6. Насимхон Раҳмон. Турк хоқонлиги. – Тошкент, 1993. – С.61, 120.
7. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974. – Т.V, с.95.
8. Бекбергенов А. «Қара» сөзиниң мәнислери хаққында // ӨзССРИАҚҚФ хабаршысы, № 4, 1969. – С.54–55.
9. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – Тошкент, 1983. – С. 451.

Zharimbetov, A.K. Features of tropes in the Karakalpak heroic epic "ER Ziuar"

Summary: This article discusses the use of poetic means of epithets, similes, hyperboles in creating images in the Karakalpak heroic epic. For the analysis there is selected the epos "Er Ziuar".

Keywords: heroic epic, powerful horse, expressive means, epithet, comparison, hyperbole, image, etymology.

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха. Преподаватель кафедры истории каракалпакской литературы и фольклора.
Аббаз Курбанбаевич

ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ ГУЗЕВ
(К 75-летию ученого)

Профессор Виктор Григорьевич Гузев родился 3 ноября 1939 г. в Воронеже, в семье служащих. В 1957 г., после окончания средней школы, он поступил на Восточный факультет Ленинградского университета, который закончил с отличием в 1962 г. В годы учебы на Кафедре тюркской филологии Восточного факультета особое влияние на В.Г. Гузева оказали лингвистические взгляды его учителей: академика А.Н. Кононова, заведовавшего кафедрой в то время, и профессора С.Н. Иванова. За время учебы будущий ученый дважды проходил стажировку в Софийском университете (в 1959 и 1960 гг.). Во время пребывания в Болгарии В.Г.

Гузев проявил большой интерес к изучению диалектов турецкого населения страны, и вскоре определились основные направления его будущих научных изысканий на многие годы: фонология, морфология и синтаксис тюркских языков. После окончания Восточного факультета в 1962 г. В.Г. Гузев некоторое время преподавал на курсах немецкого языка, а затем, с 1965 г., работал научным сотрудником в ЛО Института востоковедения АН СССР. Преподавание в Ленинградском (Санкт-Петербургском) государственном университете В.Г. Гузев начал в 1973 г.

Значительная часть работ В.Г. Гузева первых лет научно-педагогической деятельности посвящена фонологической интерпретации древних арабграфичных тюркских памятников. 22 декабря 1966 г. ученый защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фонетика староанатолийско-тюркского языка (по материалам ленинградского списка «Сказания о Мелике Данышменде)». В своей диссертационной работе и ранних статьях В.Г. Гузев сумел, преодолевая скептицизм предшествовавших исследований, обосновать возможность арабграфичных текстов служить источником теоретических изысканий по фонетике тюркских языков, отраженных в этих текстах; и предложил убедительную фонологическую интерпретацию изученных им звуковых закономерностей староанатолийско-тюркского языка.

С 1976 г. В.Г. Гузев работал в должности доцента Кафедры тюркской филологии, 22 марта 1978 г. ему было присвоено учёное звание доцента. В 1979 г. в серии «Языки народов Азии и Африки» им опубликована монография «Староосманский язык», ставшая своего рода итогом изучения староанатолийско-тюркского языка по текстам XIV–XVI в. Большинство научных трудов ученого с конца 1970-х гг. по настоящее время посвящены теории тюркской грамматики (в особенности вопросам морфологии). Итоги многолетних исследований по этой тематике подведены В.Г. Гузевым в двух

монографиях: «Очерки по теории тюркского словоизменения. Имя. (На материале староанатолийско-тюркского языка)» (Л., 1987) и «Очерки по теории тюркского словоизменения. Глагол. (На материале староанатолийско-тюркского языка)» (Л., 1990). Фактически обе монографии явились публикацией докторской диссертации В.Г. на тему «Система тюркских словоизменительных категорий в функционально-семантическом аспекте (на материале староанатолийско-тюркского языка)», защищенной 20 ноября 1986 г. В июле 1988 г. В.Г. Гузев был избран профессором и заведующим Кафедрой тюркской филологии, которой руководил свыше 25 лет, до июня 2014 г. 22 февраля 1990 г. В.Г. Гузеву было присвоено учёное звание профессора.

Уникальным вкладом В.Г. Гузева в теорию тюркской грамматики является разработка целостной системы нетрадиционных представлений, преодолевающей укоренившиеся в тюркской грамматике индоевропеистические предрассудки и предполагающей уточнение ряда ключевых лингвистических понятий. Все основные труды В.Г. Гузева по теории тюркской грамматики отличает приверженность функциональному подходу к явлениям языка. Исходя из ключевых положений теории И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра и их последователей о разграничении в лингвистической науке понятий «язык» и «речь», ученый разработал собственную концепцию «вторичной репрезентации» («вторичного гипостазирования») предметов, свойств и отношений внешнего мира посредством словообразовательных и словоизменительных грамматических категорий. Эта концепция была воспринята многими учениками и коллегами В.Г. Гузева и получила широкую известность в тюркологии. Фактически учёный создал собственную научную школу функциональной грамматики тюркских языков; в числе его учеников следует особо отметить профессора Мухаммаджана Маматова, доцентов СПбГУ Н.Н. Телицина, М.Э. Дубровину, А.С. Аврутину и Л.М. Ульмезову, доцента Мраморноморского университета в Стамбуле Озлем Дениз-Йылмаз, защитивших диссертации под его руководством. Разработка концепции продолжается и в настоящее время, ее результаты публикуются в виде статей на русском, немецком и турецком языках.

В 1990-е гг. В.Г. Гузев совместно с С.Г. Кляшторным опубликовал цикл статей о древнетюркском (VII–VIII вв.) руническом письме, в которых осмысливается его словесное слогово-алфавитное устройство и предпринимается попытка обосновать его автохтонное происхождение. В.Г. Гузев является также автором ряда статей по истории отечественной тюркологии, в частности, о таких его представителях, как С.Е. Малов, Н.А. Баскаков, С.Н. Иванов, В.Г. Кондратьев; он принял активное участие в составлении «Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов (дооктябрьский период)» вышедшего под редакцией акад. А.Н. Кононова двумя изданиями (в 1974 и 1989 гг.). Всего В.Г. Гузев опубликовал свыше 140 научных и учебно-методических работ.

В течение своей многолетней преподавательской деятельности В.Г. Гузев подготовил и читал студентам Восточного и Филологического факультетов учебные курсы: «Грамматика современного турецкого литературного языка», «Теоретическая грамматика турецкого языка», «Основы функциональной грамматики тюркских языков», «Сравнительная грамматика тюркских языков», «Староосманский язык», «Турецкая лингвистическая терминология» (курс впервые в истории кафедры читался на турецком языке), «Древнетюркская руническая письменность в свете фонологии и общей теории письма», «Языки

мира (тюркские языки)» и др. Некоторые из этих курсов читаются им и в настоящее время. В.Г. Гузев является автором ряда учебных пособий, среди них следует особо отметить книгу «Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики» (СПб., 2004), написанную на турецком языке совместно с Озлем Дениз-Йылмаз, а также учебное пособие по курсу «Функциональный синтаксис современного турецкого языка» (СПб., 2013), написанное совместно с доц. А.С. Аврутиной.

В.Г. Гузев свободно владеет турецким, немецким и болгарским языками, а также использует в своей работе английский, французский, узбекский и др. языки. Языковые дарования В.Г., в частности, способствуют тому, что ему как ученому и педагогу удается сочетать традиционные для кафедры теоретические изыскания в сфере тюркской грамматики с активным внедрением практических знаний турецкого языка.

В течение своей более чем 40-летней научно-педагогической деятельности В.Г. Гузев читал курсы лекций в Ташкентском, Самаркандском и Туркестанском (г. Туркестан, Республика Казахстан) университетах; участвовал во многих научных конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Гамбурге, Лейпциге, Чимкенте, Стамбуле, Анкаре, Чесме (Турция); неоднократно выступал в Турции на «Международном конгрессе по турецкому языку». Под его руководством защищено пять кандидатских диссертаций. В настоящее время профессор В.Г. Гузев активно продолжает вести учебные занятия, руководит на кафедре научными исследованиями аспирантов и соискателей, завершает работу над фундаментальным научным трудом «Теоретическая грамматика турецкого языка», охватывающим явления турецкой фонологии, морфологии и синтаксиса.

Виктор Григорьевич Гузев с 2000 г. является почетным членом Турецкого лингвистического общества. 20 октября 2008 г. ему присвоено звание кавалера государственного ордена Турецкой Республики «Лиякат» за заслуги перед тюркологической наукой и за воспитание научных кадров. Орден был вручен в Анкаре лично президентом Турецкой Республики.

В отношениях с коллегами и учениками Виктора Григорьевича всегда отличали и отличают такие качества, как доброжелательность, открытость, личная скромность, благотворно сочетающиеся с твёрдостью и принципиальностью. За годы руководства кафедрой тюркской филологии В.Г. Гузеву, благодаря его несомненному организаторскому таланту, удалось создать прочный, здоровый и работоспособный коллектив, успешно выполняющий научные, учебные и воспитательные задачи.

В связи с 75-летним юбилеем ученого друга и коллеги Виктора Григорьевича пожелают ему крепкого здоровья, активного творческого долголетия и успехов на благо отечественной и мировой тюркологии.

Друзья и коллеги

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ РАССАДИН
(К 75-летию ученого)

В ноябре 2014 г. исполнилось 75 лет директору Научного центра монголоведных и алтаистических исследований, доктору филологических наук, профессору Калмыцкого государственного университета, члену Российского комитета тюркологов Валентину Ивановичу Рассадину.

В.И. Рассадин родился 12 ноября 1939 г. в г. Пскове. В 1962 г. окончил Ленинградский государственный университет по специальности монгольская филология (квалификация востоковед-филолог). В 1962–1963 гг. он работал переводчиком с монгольского языка в г. Дархане МНР. В 1963–1966 гг. учился в аспирантуре Новосибирского госуниверситета по специальности «тюркские языки», занимаясь изучением тофаларского языка. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Лексика современного тофаларского языка», в 1983 г. – докторскую диссертацию на тему «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков». В 1991 г. ему присвоено ученое звание профессор по специальности «языки народов СССР».

В.И. Рассадин удостоен почетных званий: «Заслуженный деятель науки Бурятской АССР» (1980), «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1990), «Передовик науки Монголии» (2005), «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия» (2009), «Почетный профессор Монгольского университета «Гурван эрдэни» (2010), «Заслуженный профессор Бурятского государственного университета» (2012). Рассадин В.И. неоднократно награждался Почетными грамотами Президиума АН СССР, Президиума Сибирского отделения РАН, Верховного Совета Бурятской АССР, Верховного Совета Якутской АССР, Народного Хурала и Правительства Республики Бурятия, он удостоен первой Бурятской республиканской общественной премии «Признание» в области науки и награжден дипломом и золотой медалью «Алдар соло», в 2009 г. награжден орденом «Гражданская доблесть» Республики Саха (Якутия), в 2001 г. награжден Орденом «Дружба».

В 1988 г. он избран иностранным членом-корр. Международного финно-угорского научного общества (Финляндия), в 2007 г. – академиком РАЕН по секции «Российская энциклопедия». В 2008 г. избирается членом Российского комитета тюркологов, является ветераном Сибирского отделения Академии наук России.

С 1966 г. по 2006 г. В.И. Рассадин работал в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра СО РАН, пройдя путь от младшего научного сотрудника до главного научного сотрудника. С 1992 г. по

2006 г. работал по совместительству профессором, заведующим кафедрой филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета.

В 2006 г. Рассадин В.И. был приглашен в Калмыцкий государственный университет и ему было предложено организовать и возглавить Научный центр монголоведных и алтаистических исследований, одновременно являясь профессором кафедры калмыцкого языка и монголистики.

В.И. Рассадин один из крупнейших в мире специалистов в области сравнительно-исторического монгольского и тюркско-монгольского языкознания, известный исследователь малочисленных тюркских языков и их диалектов Саяно-Алтайского региона России и Монголии. Не менее известны его записи и исследования ныне исчезающих тюркских тофаларского и сойотского языков. Для этих языков им впервые создана письменность, написаны и изданы школьные учебники и подготовлены учителя начальных классов для тофаларских и сойотских школ. В 2009 г. В.И. Рассадин занялся изучением языка турок-месхетинцев, проживающих на территории Республики Калмыкия, результатом этих изысканий явились публикации нескольких научных статей.

В.И. Рассадин получил международное признание и как специалист по диалектам и говорам бурятского языка, истории монгольских языков и их исторических связей с тюркскими языками.

Свои исследования В.И. Рассадин проводит в трех основных направлениях: 1) монголоведном; 2) тюркологическом; 3) алтаистическом. Основной особенностью исследовательской деятельности В.И. Рассадина является то, что при изучении живых монгольских и тюркских языков и их диалектов он опирается главным образом на собственный полевой материал, собранный им во время экспедиционных поездок в места расселения носителей этих языков и диалектов, причем как на территории России, так и Монголии и Китая. В своих трудах ученый разрабатывает крупные научные проблемы монгольского и тюркского языкознания, такие, например, как историческая фонетика бурятского языка, сравнительно-историческая грамматика бурятского языка, этимологический словарь бурятского языка, присаянские и нижнеудинский бурятские говоры, тюрко-монгольские исторические языковые связи, влияние тюркских языков на развитие монгольских и влияние монгольских языков на тюркские и др. Свои исследования он строит на широком сравнительном материале из современных, средневековых и древних монгольских и тюркских языков, каковым неплохо сам владеет.

Разработки В.И. Рассадина в области алтаистики, касающиеся как проблем установления родства монгольских языков с тюркскими, так и выдвижения нового семантического метода исследования этой гипотезы, представленные им в своих научных статьях, докладах и монографиях, получили полную поддержку и одобрение алтаистов.

В.И. Рассадин является создателем научной школы «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». Он является руководителем и исполнителем ряда научных проектов РГНФ как российских, так и международных, Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2012–2013 гг.).

В.И. Рассадину принадлежит также перевод с немецкого языка на русский классического труда акад. О.Н. Бётлингга «О языке якутов» (СПб., 1851), который был опубликован в 1989 г. в издательстве «Наука».

В.И. Рассадин активно участвует в подготовке высококвалифицированных кадров монголоведов и тюркологов. Под его научным руководством подготов-

лено 47 кандидатов наук и 6 докторов наук в области монголоведения и тюркологии (среди соискателей 6 граждан из Монголии и 2 – из Турции). Он являлся членом 2 докторских и кандидатских диссертационных советов при Бурятском научном центре СО РАН, Бурятском госуниверситете, Якутском научном центре СО РАН. В настоящее время он член докторского диссертационного совета при Калмыцком госуниверситете.

Он член редакционного совета научного журнала «Российская тюркология» (Москва-Казань), рецензируемого журнала «Гуманитарный вектор» (г. Чита), «Вестник Калмыцкого госуниверситета» (г. Элиста) и зарубежных журналов: «Altaica» (Монголия) и электронного тюркологического журнала (Турция).

В.И. Рассадин является автором 345 научных трудов, среди которых 35 научных монографий, 4 словаря, 7 школьных учебников, 3 вузовских учебных пособия по монгольскому языку и алтаистике.

В.И. Рассадин активно участвует в работе различных международных, все-российских, региональных и других научных конференций. В рамках академической мобильности неоднократно выезжал с лекциями в Монгольский госуниверситет, Университет Внутренней Монголии (г. Хухэ-Хото, Китай), Институт языка и литературы АН Монголии (г. Улан-Батор), Карлов университет (г. Прага), Варшавский университет и др. Им открыта аспирантура «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» и принят ряд аспирантов по данной специализации и магистратура «Сравнительное языкознание» по направлению «Филология».

Помимо активной научно-педагогической деятельности проф. В.И. Рассадин в Республике Бурятия занимался большой общественной работой: избирался народным депутатом районного совета в г. Улан-Удэ, народным заседателем районного, а затем и Верховного суда Республики Бурятия, с 1996 по 2006 г. состоял членом Совета старейшин при Президенте Республики Бурятия. Участвовал в разработке и обсуждении «Закона о языках народов Республики Бурятия», который был принят на заседании Верховного Совета Республики Бурятия в 1993 г.

Его имя заняло свое место на страницах энциклопедий: «Ведущие языковеды мира» и «Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание» (Москва) и «Ведущие языковеды мира» на английском языке (Лондон).

Салаев Б.К., Трофимова С.М.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БУРЫКИН
(К 60-летию ученого)

1 ноября 2014 года исполнилось 60 лет со дня рождения известного российского востоковеда, многогранного ученого – тунгусо-маньчжуроведа и алтаиста доктора филологических наук, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института лингвистических исследований РАН Алексея Алексеевича Бурькина.

Российский комитет тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН от своего имени и от имени московских коллег-тюркологов и алтаистов сердечно приветствовал юбиляра следующим посланием.

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

Будучи воспитанником Петербургского университета, Вы имели возможность испытать на себе благотворное научное и личностное влияние выдающихся профессоров филфака ЛГУ Н.А.Мещерского, В.Ф.Ивановой, Ю.С.Маслова, Л.Р.Зиндера, Л.В.Бондарко, Л.А.Вербицкой, Л.Г.Герценберга, В.В.Колесова, А.С.Герда, школе которых Вы остаетесь верны и по сей день. Разнообразная университетская лингвистическая подготовка, а также высокий уровень доуниверситетского образования позволили Вам, русисту по специальности, окунуться в иную область языкознания – языки коренных малочисленных народов Севера. Именно здесь, начиная с азов тунгусоведения, которые Вы постигали под руководством В.И.Цинциус, И.С.Вдовина, Г.А.Меновщикова, О.П.Суника и других ученых-североведов старшего поколения в Отделе алтайских языков ИЛИ РАН, Вы выросли до российского ведущего специалиста по северным языкам. Однако кроме языков Вас интересует и фольклор северных народов, в области которого вы стали одним из немногих североведов, кто сочетает занятия языком с профессиональным изучением и изданием фольклора.

О глубине и широте Ваших научных интересов свидетельствуют Ваши две докторские диссертации – по языкознанию «Язык малочисленного народа в его письменной форме: На материале эвенского языка», и по истории – «Иноязычная ономастика русских документов XVII-XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник». Весь объем того, что Вы сделали для тунгусо-маньчжуроведения, для тюрколо-

гии, алтаистики и русистики наглядно представлен в Ваших сотнях и сотнях ярких публикаций, которые всегда вызывают неослабевающий интерес лингвистов, историков и культурологов разных направлений.

Знарок целого ряда северных языков, полевик-диалектолог, автор работ по теории флективных и агглютинативных языков, известный ономаст, собиратель и издатель фольклора северных народов, эрудированный алтаист, специалист по истории культур народов Севера, опытный методист по языкам КМНС – таким знают сегодня А.А. Бурыкина ученые России и зарубежья.

Дорогой Алексей Алексеевич! Мы желаем Вам больших творческих успехов во всех областях приложения Ваших знаний и умений, желаем Вам крепкого здоровья и благополучия.

НАСИМА ФАТИХОВНА СУФЬЯНОВА*(К 65-летию со дня рождения)*

Языковеды, филологи знают Насиму Фатиховну Суфьянову как филолога-тюрколога, внесшего весомый вклад в изучение, развитие, совершенствование башкирского языка, как опытного лексикографа, которая проработала более 40 лет в Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

Н.Ф. Суфьянова родилась в 1949 г. в деревне Юлдыбаево. Приехав в Уфу в 1973 г., Насима Фатиховна поступает на заочное отделение факультета башкирского языка и литературы Башкирского госуниверситета и начинает работать лаборанткой в Институте истории, языка и литературы. После окончания университета в 1986–1990 гг. учится в аспирантуре. В 1998 г. выходит в свет ее монография «Проблема многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка» (Уфа). В данной работе анализируется развитие лексических значений слова и их взаимосвязи, устанавливаются их типы, рассматриваются основные вопросы лексикографической разработки многозначных слов.

Насиме Фатиховне посчастливилось работать вместе с известными учеными-лексикографами И. М. Агишевым, Г. Д. Зайнуллиной, Э. Ф. Ишбердиным, З. К. Ишмухаметовым, Т. Х. Кусимовой, С. Ф. Миржановой, З. Г. Уразбаевой, З. Г. Ураксиным, У. М. Яруллиной и др.

Она активно участвует в составлении больших академических словарей: «Башкирско-русский словарь» (М., 1996), «Толковый словарь современного башкирского языка» (Уфа, 2004), «Русско-башкирский словарь» в двух томах (Уфа, 2005), «Академический словарь башкирского языка» (Уфа, 2011).

Принятие в 1999 г. Закона Республики Башкортостан «О языках народов РБ» и получение башкирским языком статуса государственного языка поставили перед учеными-языковедами ответственные задачи. На повестку дня встала задача составления словарей, создания учебно-методических пособий для изучения башкирского языка и обучения башкирскому языку как государственному.

Н.Ф. Суфьянова, являясь членом Терминологической службы Комиссии по реализации Закона «О языках народов РБ», внесла большой личный вклад в его реализацию: выступала по радио и телевидению, участвовала в семинарах, читала лекции.

В последнее время с расширением и развитием общественной функции башкирского языка возникла необходимость в составлении терминологических словарей. Появление таких работ Н.Ф., как «Русско-башкирский словарь педагогических и психологических терминов» (Уфа, 2002), «Толковый словарь башкирского языка» (для начальных классов, соавторы Ураксин З.Г., Сиразитдинов З.А.). (Уфа, 2005), «Словарь-справочник для работников

торговли и общественного питания» (Уфа, 2005), «Башкирско-русский, русско-башкирский словарь по лесному делу» (Уфа, 2007, соавторы Ураксин З.Г., Уразбаева З.Г.), «Русско-башкирский, башкирско-русский словарь для работников культуры» (Уфа, 2009) и др., стало заметным явлением в общественной и культурной жизни Республики.

Насима Фатиховна была высококвалифицированным ученым-лексикографом, отлично знающим башкирский литературный язык, его диалекты, чувствующим звучность родного языка, внимательным к слову, его значениям, смысловым оттенкам. В первом «Русско-башкирском словаре педагогических и психологических терминов» собраны термины на русском языке, даны перевод на башкирский язык и объяснительная статья, а при отсутствии аналогичного слова в башкирском языке приводится соответствующее словосочетание. Поэтому данный словарь стал настоящей «настойной книгой» для педагогических работников, педагогических учебных заведений, полезным и нужным для всех работающих в областях психологии, философии, социологии.

В составленном Суфьяновой «Словаре-справочнике для работников торговли и общественного питания» обращает на себя внимание его построение: автор слова делит на тематические группы.

Заслуживает внимания и «Русско-башкирский толковый словарь медицинских терминов» (Уфа, 2007). Это первый академического характера словарь медицинских терминов, составлен совместно с учеными-медиками М. Т. Азнабаевым и В. З. Гумаровым. В нем собрано 30 000 терминов. К главным словам приводится эквивалент на башкирском языке, функционирующий в языке в настоящее время. Например, на страницах башкирских газет и журналов можно встретить слово «*холера*» и выражение «*холера сире таралды*» «распространилась болезнь холера». Авторы словаря приводят башкирское название холеры – *ваба*, *ваба сире*. Также в словаре нашло место башкирское слово *тагун* «чума». Таким образом авторы словаря, в т.ч. и Насима Фатиховна вернули в обращение множество башкирских слов, по тем или иным причинам забытых и обреченных на исчезновение из языка башкирского народа.

С получением башкирским языком статуса государственного актуальным стал и такой немаловажный элемент общественной жизни республики, как грамотное написание названий улиц, бульваров, переулков и их правильный перевод на башкирский язык. Н.Ф. Суфьянова принимала участие в создании «Русско-башкирского словаря названий улиц городов Республики Башкортостан» (Уфа, 2008, соавторы Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А.), где предложено единообразие и грамотное написание, правильный перевод названий улиц.

Сегодня сотрудники отдела языкознания Института истории, языка и литературы под руководством д.ф.н., проф. Ф.Г. Хисамидиновой заняты важной и ответственной работой – составлением «Академического словаря башкирского языка». Еще на самой трудной – начальной – стадии организации работы над словарем Насима Фатиховна вложила много своего труда, участвуя в создании принципов построения будущего материала, накопления лексических статей и определения их структуры. Все это она делала с присущим ей научным чутьем, опираясь на свой богатый опыт и

знания. И молодых специалистов она всегда учила бережному и внимательному отношению к слову, любви к своему родному языку.

К сожалению, Насима Фатиховна ушла от нас, так и не увидев плоды своего труда и труда своих коллег: первый том «Академического словаря башкирского языка» вышел в 2011 году.

Суфьянова Н.Ф. руководила отделом языкознания, успевала выступать на научно-практических конференциях, рецензировать работы коллег, писать многочисленные статьи. Большинство опубликованных в Институте сборников, словарей вышли при участии Насимы Фатиховны, а многие из них редактированы ею. За весомый вклад в башкирское языкознание она удостоена звания «Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан».

Насима Фатиховна Суфьянова хранила в душе огромную любовь к своему родному башкирскому языку, восхищалась его звучностью и красотой. Мягкая, скромная, сердечная, неутомимая труженица — такой она остается в наших сердцах.

А. М. Ишегулова

НЕКРОЛОГ**СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КЛЯШТОРНЫЙ**
4.2.1928–21.9.2014

Мировое и российское научное сообщество понесло тяжелую утрату: 21 сентября 2014 г. на 87-ом году жизни после тяжелой болезни скончался известный востоковед-историк, старейший сотрудник Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН), заведующий Сектором Центральной Азии и заведующий отделом Центральной и Южной Азии (до 2013 г.) почетный профессор ряда зарубежных университетов Сергей Григорьевич Кляшторный.

Российская академическая наука потеряла яркого ученого, внесшего неопределимый вклад в развитие научных знаний по истории Центральной Азии, кочевых государств древности и раннего средневековья, в собирание и изучение на просторах Сибири и Монголии древнетюркских текстов.

Сергей Григорьевич всю свою жизнь оставался верен избранной области деятельности – древнетюркская текстология, история и культура тюркских народов. В этом он сохранял и приумножал заветы своих главных учителей и наставников по университету – С.Е. Малова, А.Н. Кононова, А.Н. Бернштама. Уже своей кандидатской диссертацией, в которой была дана новаторская и оригинальная историческая интерпретация рунических памятников как источника по истории Средней Азии, он заявил себя пытливым исследователем-историком, по-новому оценившим историческое содержание древнейших тюркских текстов. Не случайно, изданная книгой (1964) эта работа переведена на китайский (1991) и уйгурский (2000) языки. И в дальнейшем каждый открытый ученым новый рунический памятник или уже известный в науке истолковывался Сергеем Григорьевичем прежде всего как источник исторических или культурных сведений о древних тюрках и их соседях.

Научное наследие, которое оставил после себя Сергей Григорьевич, обширно и многогранно (более 300 публикаций), т.к. судьба вела его по различным исследовательским эшелонам, все время давая ему в руки новый материал и ставя перед ним все новые задачи. Со студенческих лет и до самого преклонного возраста он сначала был сотрудником, а затем и возглавлял археографо-эпиграфические отряды экспедиций. И конечно, особенно плодотворными были те 30 лет (с 1960 по 1990 гг.), что он трудился в Киргизии, Сибири и Монголии, в эпиграфику которых он внес самый заметный, после С.Е. Малова и ряда других исследователей, вклад.

Но все же главной темой его творчества от первой большой работы – диссертации «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней

Азии» и до последней крупной монографии «Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей» – было введение данных, содержащихся в древнетюркских памятниках как аутентичных источниках о тюркоязычных народах, в общеисторическую мозаику событий, которая до открытия, прочтения и всесторонней интерпретации орхоно-енисейских текстов складывалась не так интересно, разнопланово и, самое главное, без подробностей о тюркском вкладе в исторический процесс, как после их приобщения. И здесь, в славной интернациональной когорте ученых, открываемой В. Томсеном и В.В. Радловым, имя Сергея Григорьевича Кляшторного давно и прочно заняло свое достойное место.

Нельзя также не вспомнить его активнейшее участие в проводимых в нашей стране и за рубежом научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, на которых апробировались новейшие открытия ученого, всегда встречаемые с огромным интересом коллегами, или в которых он выступал как незаменимый квалифицированный эксперт или соорганизатор. Практически его детищем были регулярные Тюркологические конференции в Ленинграде, из материалов именно которых выросло ныне авторитетное в востоковедной науке издание – «Тюркологический сборник», редколлегия которого до последних дней возглавлял Сергей Григорьевич.

Весом вклад Сергея Григорьевича также в создание национальных историй народов бывшего Советского Союза и нынешней России. Как автор разделов, редактор академических трудов по истории тюркоязычных республик он стремился к созданию адекватной древней истории этносов, к недопущению ненаучных или предвзятых взглядов на их этногенез.

Сергей Григорьевич Кляшторный родился 4 февраля 1928 г. в г. Гомеле Белорусской ССР. В 1945–1950 гг. учился на Восточном факультете Ленинградского государственного университета на кафедрах тюркской филологии и истории Ближнего и Среднего Востока.

Свою трудовую и научную деятельность С.Г. Кляшторный начал в 1950 г. сотрудником Всесоюзного Института Геологии (ВСЕГЕИ) в должности сначала библиографа (до 1953 г.), а потом – начальника справочно-библиографического отдела.

В 1957 г. С.Г. Кляшторный был принят в Сектор тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВАН СССР) на должность младшего научного сотрудника. Через три года он был назначен заведующим библиотекой ЛО ИВАН СССР.

Под руководством известных востоковедов А.Н. Бернштама и С.Е. Малова С.Г. Кляшторный работал над кандидатской диссертацией «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии», которую защитил в 1962 г. Уже через год после защиты, в возрасте 35 лет, он был назначен заведующим Сектором тюркологии и монголистики ЛО ИВАН СССР. На этой должности он проработал 50 лет, до 2013 г. За это время в результате реорганизаций в Институте Сектор получил название Сектора Центральной Азии, который вместе с Сектором Южной Азии образовал Отдел Центральной и Южной Азии. Сергей Григорьевич возглавил также и Отдел. С 2013 г. С.Г. Кляшторный был переведен на должность ведущего сотрудника Сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. В 2014 г. вышел на пенсию, но продолжал работать над проблемами рунической письменности и оставался востребованным сотрудниками Отдела, Института и мировым научным сообществом.

С.Г. Кляшторный был активным экспедиционным исследователем. Первой его экспедицией была Памиро-Ферганская и Памиро-Алтайская экспедиция Исследовательского института материальной культуры АН СССР (1947–1953 гг.). Начальник экспедиции А.Н. Бернштам стал позднее руководителем его кандидатской дис-

сертации. Под началом М.И. Артамонова, возглавлявшего Волго-Донскую археологическую экспедицию того же института, молодой ученый работал в 1949 г. Будучи сотрудником ЛЮ Института востоковедения АН СССР, С.Г. Кляшторный руководил в 1954–1959 гг. археологическим отрядом Среднеазиатской геологической экспедиции Министерства геологии и охраны недр. В течение пяти лет (1960–1965 гг.) он являлся заместителем начальника Кетмень-Тюбинской экспедиции Ин-та истории, археологии и этнографии АН Киргизской ССР. Следующие четыре сезона (1968–1973 гг.) он возглавлял эпиграфический отряд Саяно-Тувинской экспедиции Ин-та археологии АН СССР.

Сергей Григорьевич посвятил экспедиционной работе в Монголии двадцать один год. Он проработал в Монголии начальником эпиграфического отряда Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР 19 сезонов, объездив страну – с востока на запад и с юга на север. После Монголии С.Г. Кляшторный был приглашен в Казахстан и Киргизию в качестве участника археологических экспедиций (1991–1997 гг.). Затем ему было предложено возглавить Киргизский отряд этносоциологической экспедиции Висконсинского университета, в которой он проработал пять лет (1998–2002 гг.). С.Г. Кляшторный работал рядом с такими видными археологами, как А.Н. Бернштам, М.И. Артамонов, М.П. Грязнов, А.Д. Грач, В.В. Волков.

С.Г. Кляшторный вел большую педагогическую работу. На протяжении нескольких десятилетий он читал на кафедре тюркской филологии и кафедре Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ различные базовые и спецкурсы по тюркологии, рунической письменности, истории Центральной Азии. Он был руководителем нескольких десятков курсовых и дипломных работ. Под его руководством защищали кандидатские работы тюркологи из Киргизии, Казахстана, Узбекистана.

За свою долгую жизнь Сергей Григорьевич обучил и воспитал целое поколение монгольских и российских исследователей. Многие его ученики из среднеазиатских республик СССР стали видными учеными в ныне независимых государствах.

Вклад С.Г. Кляшторного в развитие исторической науки и в российскую тюркологию по достоинству оценен научной общественностью: он является почетным членом и профессором целого ряда зарубежных научных сообществ и университетов, награжден их почетными медалями и грамотами.

В 1992 г. С.Г. Кляшторный получил звание почетного профессора Университета Астаны (Казахстан). В 2005 г. за большие заслуги в изучении тюркской рунической письменности он награжден Золотой медалью Постоянной международной алтаистической конференции (Permanent International Altaistic Conference – PIAC). Он в течение многих лет сотрудничал с монгольскими коллегами из Института истории Монгольской АН и был удостоен звания «Почетный доктор» Института.

Он обладал удивительным трудолюбием, благородством, порядочностью, скромностью и доброжелательностью. Неизменно пользовался уважением и любовью коллег и друзей.

Кончина Сергея Григорьевича Кляшторного – это невосполнимая утрата для российской науки, но его классические труды останутся с нами и будут служить источником знаний о жизни древних и средневековых тюркских этносов и примером интерпретации древних текстов в историческом аспекте.

*И.В.Кульганек,
И.В.Кормушин,
Д.М.Насилов,
И.А. Невская*

**ВЫШЕЛ В СВЕТ 17 СБОРНИК
«СУЛЕЙМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Х.Ч. Алишина, г. Тюмень

Стало хорошей традицией ежегодно проводить научно-практические конференции “Сулеймановские чтения”, приуроченные ко дню рождения первого сибирскотатарского поэта и прозаика, общественного деятеля Б.В. Сулейманова. Конференцию на базе Тюменского государственного университета организует и проводит НКА сибирских татар и татар Тюменской области, конгресс татар Тюменской области при финансовой поддержке комитета по делам национальностей правительства Тюменской области.

Вышла в свет очередная книга материалов конференции «Сулеймановские чтения»¹. В ней представлены научные статьи и материалы 126 авторов. Открывается сборник приветственной речью депутата Госдумы РФ Э.А. Валеева и правительственной телеграммой, поступившей в адрес оргкомитета из Госсовета Республики Татарстан.

В сборнике «Сулеймановские чтения» представлены различные географические регионы: Китайская Народная Республика, Республика Казахстан, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Республика Карачаево-Черкесия, Республика Чувашия, ХМАО, ЯНАО, Крым, Москва, Новосибирск, др.

Статьи, опубликованные в сборнике, сгруппированы в разделах: «Литература. Проза Булата Сулейманова», «Литературоведение», «Языкознание», «История», «Педагогика». Надо сказать, интерес к творчеству Булата Сулейманова не угасает, а напротив, возрастает. С 1998 г., когда впервые прошла конференция, посвященная 60-летию поэта, вырос большой и трудоспособный коллектив ученых, исследователей научных проблем языка, культуры, истории, фольклора, литературы сибирских татар. Многие студенты, соискатели, аспиранты, участвовавшие в «Сулеймановских чтениях», выросли, защитили диссертации, стали кандидатами наук. Особенно важно, что имя Булата Сулейманова объединяет филологов, этнологов, историков, исследователей языка сибирских татар, татарского литературного языка, башкирского, казахского, узбекского, чувашского, хакасского, кумыкского, якутского, русского, аварского, абазинского и других языков.

Изюминкой прошедшей конференции стало широкое освещение ее в СМИ, а также активное участие школьников. Для детей были организованы конкурсы на лучшего чтеца, на лучшую иллюстрацию к произведениям Булата Сулейманова, на лучшую стенгазету. Победители конкурсов получили именные подарки и сертификаты участника от выдающихся личностей нашей области. Первые ис

¹ «Сулеймановские чтения (семнадцатые)»: Всерос. науч.-практ. конф. «Культурное и этническое многообразие тюркского мира» (Тюмень, 30–31 мая 2014): Труды и материалы / под общ. ред. Х.Ч. Алишиной /. – Тюмень: Печатник, 2014. – 325 с.

следовательские работы учащихся также нашли отражение в новом сборнике.

Отметим еще одну интересную деталь: в первом разделе сборника опубликованы переводы прозы Булата Сулейманова на русский, чувашский, крымско-татарский, башкирский, карачаево-балкарский языки, специально выполненные по заказу оргкомитета. Работа по переводу на зарубежные и российские языки будет продолжена.

Авторские экземпляры сборника бесплатно получают все участники конференции, чьи труды в нем опубликованы. Книга также подарена библиотекам школ с этнокультурным компонентом Тюменской области, крупнейшим библиотекам страны.

**Протокол
 пленарного заседания Годичного собрания Российского комитета тюркологов
 при Отделении историко-филологических наук РАН
 совместно с редколлегией журнала «Российская тюркология»,
 совмещенного с научной конференцией**

Москва, 31 января-1 февраля 2014г.

Присутствовали: *Кормушин И.В.* – председатель РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Насилов Д.М.* – заместитель председателя РКТ, Институт стран Азии и Африки при МГУ, д.ф.н., проф.; *Дыбо А.В.* – заместитель председателя РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН; *Экба З.Н.* – ученый секретарь РКТ, Институт языкознания РАН, к.ф.н.; *Алексеев А.Н.* – член РКТ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; д.ф.н.; *Боргоякова Т.Н.* – в.н.с. ФИРО; *Бурнакова К.Н.* – д.ф.н., проф., МГПУ; *Гаджихметов Н.Х.* – член РКТ, Дагестанский госуниверситет, д.ф.н., проф.; *Дамбуева П.П.* – д.ф.н., Институт языкознания РАН; *Данилова Н.И.* – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН, д.ф.н.; *Добродомов И.Г.* – член РКТ, Московский гос.пед.университет, д.ф.н.; *Есипова А.В.* – Кузбасская гос.пед.академия, д.ф.н.; *Кузнецов А.В.* – Чувашский государственный институт гуманитарных наук, к.ф.н.; *Кызласов И.Л.* – член РКТ, Институт археологии РАН, д.и.н.; *Латфуллина Л.Г.* – МПГУ, к.ф.н.; *Мудрак О.А.* – член РКТ, Российский государственный гуманитарный университет, д.ф.н., проф.; *Миннуллин К.М.* – член РКТ, ИЯЛИ АН РТ, д.ф.н., член-корр. АН РТ; *Мирхаев Р.Ф.* – ИЯЛИ им. Ибрагимована АН РТ, к.ф.н.; *Мусаев К.М.* – член РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф., академик НАН Казахстана; *Напольнова Е.М.* – Университет Озйегин, Турция, к.ф.н.; *Невская И.А.* – член РКТ, Институт филологии СО РАН, д.ф.н., проф.; *Нуриева Ф.Ш.* – член РКТ, Казанский федеральный университет, д.ф.н., проф.; *Оганова Е.А.* – ИСАА МГУ, к.ф.н., доцент; *Озонова А.А.* – Институт филологии СО РАН, к.ф.н.; *Рыкин П.О.* – член РКТ, Институт лингвистических исследований РАН, к.ф.н.; *Салимов Ф.И.* – Казанский федеральный университет; *Селютин И.Я.* – член РКТ, Институт филологии СО РАН, д.ф.н.; *Семенова И.* – Институт языкознания РАН, аспирантка; *Слепцов П.А.* – член РКТ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, д.ф.н.; *Телицын Н.Н.* – Санкт-Петербургский госуниверситет, д.ф.н.; *Тугужекова В.Н.* – член РКТ, Хакасский НИИ языка, литературы и истории, д.и.н.; *Функ Д.А.* – член РКТ, МГУ, д.и.н., проф.; *Хайруллин Р.З.* – Центр филологического образования ИСМО РАО; *Хакимов Б.Э.* – Казанский федеральный университет, к.ф.н.; *Хисамитдинова Ф.Г.* – член РКТ, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра УО РАН, д.ф.н., проф.; *Хисамов О.Р.* – ИЯЛИ им. Ибрагимована АН РТ, к.ф.н.; *Чеченов А.А.* – член РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Шенцова И.В.* – член РКТ, Кузбасская гос.пед.академия, д.ф.н.; *Яковлев В.М.* – ОВ РАН.

31 января. Пленарное заседание

Заседание открыл председатель РКТ *И.В.Кормушин*. Он представил присутствующих на заседании участников годичного собрания, которые почтили память ушедших из жизни за прошедший год ученых – членов Российского комитета тюркологов Г.Ф.Благову и Ю.В.Щеку.

Была принята следующая повестка дня:

I. Организационные вопросы (11-14 час.)

1. И.В. Кормушин. О деятельности комитета в 2013 г.
2. Д.М.Насилов. О работе журнала "Российская тюркология".
3. Информация о текущей работе тюркологических центров: А.В.Кузнецов, В.Н.Тугужекова, К.М. Минуллин, Ф.Г. Хисамитдинова, Н.Х.Гаджихаметов.

14-15ч. Перерыв

II. Об организации цикла работ «Корпуса диалектных текстов тюркских языков» (15-18 ч.)

4. И.В.Кормушин. О проблемах выявления диалектных черт в языках древне- и среднетюркских письменных памятников.
5. Мудрак О.А. О программе сбора диалектных данных для тюркских языков.
6. Сунчугашев Р.Д. (по скайпу) Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние, проблемы, перспективы.

1 февраля 2014г., суббота
Начало в 11 часов

II. Об организации цикла работ «Корпус диалектных текстов тюркских языков» (продолжение)

7. Ознова А.А. Проблемы полевого сбора и описания диалектов алтайского языка.
8. Данилова Н.И. О состоянии якутского национального корпуса.
9. Есипова А.В. Кондомские тексты в электронном корпусе шорского языка.
10. Функ Д.А. Об электронном корпусе шорских фольклорных текстов.
11. А.В.Дыбо. О целях и задачах создания корпусов диалектных текстов (состояние работ).
12. Селютина И.Я. «Создание электронной базы данных по фонетике языков народов Сибири и сопредельных регионов с использованием новейших технологий»
13. Салимов Ф.И. «Атлас татарских народных говоров и информационные технологии»
14. Хакимов Б.Э. «О корпусе текстов на мишарском диалекте татарского языка»
15. Кузнецов А.В. «Диалектологические исследования в Чувашской республике и Корпус диалектных текстов чувашского языка»
16. Продолжение дискуссии. Выработка рекомендаций. Формирование организационных структур.

Слушали 1. О деятельности комитета в 2013 г. - докладчик председатель РКТ, д.ф.н. И.В.Кормушин.

В своем выступлении докладчик остановился на трех основных вопросах деятельности комитета:

1. О научных мероприятиях, проведенных в 2013 г.
2. О деятельности журнала «Российская тюркология».
3. О работе Фонда тюркологических исследований.

В феврале 2013 г. проведен очередной пленум РКТ, в рамках которого прошла научная конференция по созданию электронных корпусов тюркских языков, а также сессия

по усовершенствованию алфавитов тюркских языков. Никаких практических последствий это не имело, так как любое изменение графики всегда влечет за собой огромное количество материальных затрат. Следующим большим мероприятием, проведенным Российским комитетом тюркологов совместно с Турецким Лингвистическим обществом стала конференция, посвященная 120-летию дешифровки тюркской письменности под названием «Тюркская руника: язык, история, культура». Первая часть прошла в июле в г.Кызыле, вторая – в сентябре в Стамбуле. В августе 2013 г. члены бюро РКТ, в т.ч. Д.Д. Васильев, участвовали во встрече и подписали договор о совместной деятельности с Тюркской Академией Казахстана.

Другим важнейшим направлением деятельности Российского комитета тюркологов является издание журнала «Российская тюркология». За отчетный период издано два номера за счет спонсорских средств. Первый номер издан при поддержке якутского Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, за что выражаем огромную благодарность. Надеемся, что и другие наши крупные организации могли бы взять на себя часть расходов по изданию журнала, так как доходность журнала очень низкая – у нас мало подписчиков, а расходы по изданию с каждым годом увеличиваются. В этом году встает вопрос об издании четырех номеров в год в связи с необходимостью включить журнал в число ВАКовских, но он, естественно, упирается в финансирование издания.

Новое направление нашей деятельности – это Фонд тюркологических исследований. Было принято решение о том, чтобы он функционировал как фонд целевого капитала. Так действует большинство некоммерческих фондов во всем мире. Такого рода фонд может начинать действовать со стартовой суммы 3 млн. руб., но для того, чтобы он реально функционировал, необходимы сумма не менее 8 млн. руб. Мы рассчитываем на помощь крупных тюркоязычных республик с тем, чтобы создать целевой капитал и запустить действие механизма. Такой фонд мог бы не только финансировать издание журнала, но и поддерживать деятельность наших ученых, спонсировать поездки на научные конференции в пределах России, подобно тому, как в Турции действует Турецкое Лингвистическое общество. Это актуальная и очень необходимая мера при ухудшающемся положении гуманитарных наук в стране.

Вопросы и обсуждение. В прениях по докладу приняли участие: *А.В.Дыбо, В.Н.Тугужекова, Д.А.Функ.*

Слушали 2. О работе журнала «Российская тюркология» - докладчик заместитель председателя РКТ, главный редактор РТ, *д.ф.н. Д.М.Насилов*

Докладчик сообщил о том, что члены редколлегии журнала по-прежнему делают все возможное для того, чтобы журнал стал ВАКовским. Это могло бы сделать журнал более привлекательным и увеличить число его авторов и подписчиков. В целях экономии средств есть такой вариант, как издание журнала в меньшем формате. На данный момент наибольшим спросом журнал пользуется в странах СНГ, откуда активно присылают статьи не только лингвистического, но и литературоведческого и культуроведческого характера. В Узбекистане «Российская тюркология» официально включена в список ВАК. Журнал испытывает недостаточную информированность по вопросам проведения научных конференций, защит, публикаций и т.п. Он призывает всех коллег делиться подобной информацией с тем, чтобы она была доступна широкому кругу читателей.

Выражаю благодарность И.Г.Добродомову и Н.Н.Телицыну, которые принимают активное участие в рецензировании наших статей. С каждым годом улучшается типографское качество. Основной проблема, как и раньше, остается макетирование.

Вопросы и обсуждение. В прениях по докладу приняли участие: *А.В.Дыбо, К.М.Мусаев, В.Н.Тугужекова, И.А.Невская.*

Слушали 3. Доклады и выступления членов РКТ – руководителей региональных тюркологических центров о текущей работе.

3.1. Доклад *А.В.Кузнецова* «Современное состояние лингвистических исследований в Чувашской республике».

3.2. Доклад *В.Н.Тугужековой* «Хакасский язык: проблемы сохранения и развития».

3.3. Доклад *К.М.Минуллина* «О деятельности Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук республики Татарстан»

3.4. Доклад *Ф.Г.Хисамитдиновой*. «О работе Института истории, языка и литературы Уфимского Научного Центра РАН в 2013 году»

3.5. Доклад *Н.Х.Гаджихамедова* «О состоянии изучения и развития тюркских языков Дагестана на современном этапе»

14-15ч. Перерыв

II. Об организации цикла работ «Корпуса диалектных текстов тюркских языков»
(15-18 ч.)

Слушали 4. Доклад *И.В.Кормушина* «О проблемах выявления диалектных черт в языках древне- и среднетюркских письменных памятников».

Вопросы и обсуждение. В прениях по докладу приняли участие: *А.В.Дыбо*.

Слушали 5. Доклад *О.А. Мудрака* «О программе сбора диалектных данных для тюркских языков».

Вопросы и обсуждение. В прениях по докладу приняли участие: *Хисамов О.Р., Данилова Н.И., Бурнакова К.Н.*

Слушали 6 (по скайпу). Доклад *Р.Д. Сунчугашева* «Кызыльский диалект хакасского языка:

современное состояние, проблемы, перспективы.

Вопросы и обсуждение. В прениях по докладу приняли участие:

И.Г.Добродомов, И.В.Кормушин, А.В.Дыбо, Т.Н.Боргоякова, К.Н.Бурнакова.

1 февраля 2014г., суббота

Начало в 11 часов

II. Об организации цикла работ «Корпуса диалектных текстов тюркских языков»
(продолжение)

Слушали 7. Доклад *Озоновой А.А.* «Проблемы полевого сбора и описания диалектов алтайского языка».

Вопросы и обсуждение. В прениях по докладу приняли участие: *А.В.Дыбо, И.В.Кормушин, И.Л.Кызласов, Д.А.Функ.*

Слушали 8. Доклад *Н.И. Даниловой* «О состоянии якутского национального корпуса».

Вопросы и обсуждение. В прениях по докладу приняли участие: *А.В.Дыбо, Д.А.Функ.*

Слушали 9. Доклад *А.В. Есиповой* «Кондомские тексты в электронном корпусе шорского языка».

Слушали 10. Доклад *Д.А. Функа* «Об электронном корпусе шорских фольклорных текстов».

Слушали 11. Доклад *А.В. Дыбо* «О целях и задачах создания корпусов диалектных текстов (состояние работ)».

Слушали 12. Доклад *И.Я. Селютиной* «Создание электронной базы данных по фонетике языков народов Сибири и сопредельных регионов с использованием новейших технологий»

Слушали 13. Доклад *Ф.И. Салимова* «Атлас татарских народных говоров и информационные технологии»

Вопросы и обсуждение. В прениях по докладу приняли участие: *А.В.Дыбо, И.В.Кормушин, Б.Э.Хакимов, К.Н.Бурнакова.*

Слушали 14. Доклад *Б.Э. Хакимова* «О корпусе текстов на мишарском диалекте татарского языка»

Слушали 15. Доклад *А.В. Кузнецова* «Диалектологические исследования в Чувашской республике и Корпус диалектных текстов чувашского языка»

Слушали 16. Продолжение дискуссии. Выработка рекомендаций.

В заключение была принята Резолюция пленума РКТ.

Полные версии докладов будут опубликованы в ближайших выпусках журнала «Российская тюркология».

Протокол составлен и подготовлен к печати

Ученым секретарем РКТ к.ф.н. *Экба З.Н.*

НАШИ АВТОРЫ

Алишина Ханиса Чавдатовна, докт. филол. наук, проф., директор центра тюркологии ТюмГУ Х.Ч; e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

Бурыкин Алексей Алексеевич, докт. филол. наук, докт. истор. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург); e-mail: albury@mail.ru

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка Дагестанского госуниверситета; e-mail: garun48@mail.ru

Далаш Эдина, докт. филол. наук, Будапештский ун-т.

Дмитриева Юдит, канд. филол. наук, доцент, Югорский гос. университет (г. Ханты-Мансийск); e-mail.: ugrasu@ugrasu.ru

Дубровина Маргарита Эмильевна, канд. филол. наук., доц, кафедра тюркской филологии Восточного ф-та, СПбГУ; e-mail: lafalee@mail.ru

Есипова Алина Васильевна, докт. филол. наук, доцент, Кузбасская педагогическая академия (г. Новокузнецк); e-mail: kuzsra@yandex.ru

Жаримбетов Аббаз Курбанбаевич, препод. кафедры истории каракалпакской литературы и фольклора, Каракалпакский государственный университет имени Бердаха.

Ишегулова Алсыу Минифариевна, младший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН; e-mail: alsu-1104@mail.ru

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., ИЯз РАН, председатель Российского комитета тюркологов при ОФИН РАН; e-mail: igorkormushin@yandex.ru

Кульганек Ирина Владимировна, докт. филол. наук, зав. сектором Центральной Азии Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург); e-mail: kulgan@inbox.ru

Маточкин Евгений Палладиевич, докт. искусствовед., чл.-корр. Российской Академии художеств, проф. Международной славянской академии, искусствовед, художник, музыкант, исследователь жизни и творчества Н. К. Рериха, исследователь древнего искусства сибирских народов.

Невская Ирина Анатольевна, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр. Института филологии СО РАН (г. Новосибирск); e-mail: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Сеферова Фера Асановна, канд. филол. наук, доц. кафедры крымскотатарской и турецкой литературы, Крымский инженерно-педагогический университет. Симферополь. Крым.

Трофимова Светлана Менкеновна, докт. филол. наук., проф., Калмыцкий государственный университет; e-mail: trofimovasm@mail.ru

Утургаури Светлана Николаевна, докт. филол. наук, проф., гл. научн. сотр. ИВ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Кормушин И.В.</i> (Москва). К проблеме выявления диалектных черт в языках древне- и среднетюркских письменных памятников	3
<i>Дубровина М.Э.</i> (С.-Петербург). О понятиях «внешняя» и «внутренняя» форма языка (на материале языка дтрг как представителя языков агглютинативного типа)	6
<i>Бурыкин А.А.</i> (С.-Петербург). О происхождении показателей отрицательных форм глагола в тюркских языках (к истории образования и эволюции аналитических конструкций)	14
<i>Гусейнов Г.-Р.А.-К.</i> (Махачкала). Сравнительный анализ болгаризмов языков венгерского, северо-восточного Кавказа и Дагестана в историко-этимологическом и ареальном контексте	20
<i>Есипова А.В.</i> (Новокузнецк). Способы словообразования в младописьменном языке аборигенов Сибири – шорском	27
<i>Маточкин Е.П., Невская И.А.</i> (Новосибирск). Вопросы месторасположения и хронологии рунических надписей Алтая	34

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

<i>Утургаури С.Н.</i> (Москва). К биографии Яшара Кемаля	45
<i>Сеферова Ф.А.</i> (Симферополь). Крым в ряду культурных приоритетов К. Джаманакълы	50
<i>Далош Эдина</i> (Будапешт). О тенгризме (мифологические элементы в орхонских надписях)	59
<i>Жаримбетов А.К.</i> (Нукус). Обенности тропов в каракалпакском героическом эпосе «Эр Зиуар»	73

PERSONALIA

Виктор Григорьевич Гузев	78
Валентин Иванович Рассадин	81
Алексей Алексеевич Бурыкин	84
Насима Фатиховна Суфьянова	86

НЕКРОЛОГ

Сергей Григорьевич Кляшторный	89
-------------------------------------	----

ХРОНИКА

Алишина Х.Ч. Вышел в свет 17 сборник «Сулеймановские чтения» .	92
--	----

Протокол пленарного заседания Годичного собрания Российского комитета тюркологов	94
--	----

Наши авторы	99
--------------------------	----

СОДЕРЖАНИЕ	100
-------------------------	-----

Как подписаться на ж-л «Российская тюркология»	103
--	-----

CONTENTS**Structure and history of Language**

<i>Kormushin Igor</i> , Problems to distinguish dialectal features in the language of Old and Middle Turkic written monuments	3
---	---

<i>Dubrovina M.E.</i> , The concepts of "external" and "internal" form of the language (based on the language of the Old Turkic runic inscriptions)	6
---	---

<i>Burykin A.A.</i> , On the origin of verbal negation in Turkic languages: On formation and development of analytical constructions	14
--	----

<i>Gusejnov G.-R. A.-K.</i> , A comparative analysis of Bulgarisms in Hungarian and in the languages of Northeastern Caucasus and Dagestan in historical, etymological and areal context	20
--	----

<i>Esipova A.V.</i> , Ways of word formation in a young literary language of Siberia's indigenous people – the Shors	27
--	----

<i>Matochkin E.P., Nevskaya I.A.</i> , Location and chronology of Old Turkic runic inscriptions in the Altai Mountains	34
--	----

Literary critics, folklore studies, cultural science

<i>Uturgauri S.N.</i> , On Biography of Jashar Kemal	45
--	----

<i>Seferova F.A.</i> , The Crimea as a cultural priority of the creative work of K. Reshidov-Jamanaqli	50
--	----

<i>Dalos Edina</i> , On tengrism (mythological elements in Orkhon inscriptions)	59
---	----

<i>Zharimbetov A.K.</i> , Features of tropes in the Karakalpak heroic	
---	--

<i>Zharimbetov A.K.</i> , Features of tropes in the Karakalpak heroic epic "Er Zivar"	73
---	----

Personalia

Viktor Guzev	78
Valentin Rassadin	81
Aleksej Burykin	84
Nasima Suf'janova	86

Obituaries

Sergej Klyashtornyj	89
---------------------------	----

Scientific life

<i>Alishina X.</i> The new edition of "Sulejmanov's reading"	92
Report of year meeting of RKT	94

Our authors	99
--------------------------	----

Contents	100
How to subscribe	103

Издатель: ИП **И.В. Кормушин**,
от имени Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:
Выпускающий редактор *Ф.С.Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф.Хакимзянова*
Технический редактор *А.М.Галимова*
Компьютерная верстка *Г.Ф.Свиридовой*
Дизайн обложки *Ф.Н.Латыповой*
Оригинал-макет изготовлен группой F & Di-dezign

С готового оригинал-макета подписано в печать 22.12.2014.
Формат 70x108¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 9,0. Печать на RISO.
Тип. зак. № 34.

Отпечатано в типографии издательства ЗАО «Фон»
Москва, Сиреневый бульвар, д. 4

Извещение

Форма № ПД-4

ИП **Кормушин Игорь Валентинович**
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»

(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с **30101810700000000831, БИК 044583831****КПП 775043001**

Оплата журнала:

«Российская тюркология»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма : _____ р

*Кассир***Плательщик** (подпись) _____**Квитанция**ИП **Кормушин Игорь Валентинович**
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»

(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с **30101810700000000831, БИК 044583831****КПП 775043001**

Оплата журнала:

«Российская тюркология»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма _____ р

*Кассир***Оплата через отделения банка**

1. Заполните квитанцию об оплате (в год – 2 номера; один номер 600 руб. / 50 €), перечислите деньги на наш расчетный счет через Банк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Банка можно скопировать из настоящего извещения или вырезать из последних страниц журнала.

2. Информацию об оплате, почтовый адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnalrosturkologiya@mail.ru.

3. Номера 2014 г. будут высланы одновременно, в сентябре–ноябре 2014 г., в дальнейшем, в 2015г. и далее, 2 номера два раза в год будут высылаться на указанный адрес заказной бандеролью.

Извещение об оплате подписки (направляется в редакцию)**Информация о плательщике:**_____
(Ф.И.О., точный адрес плательщика с индексом)_____
(ИНН налогоплательщика)

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Российская тюркология»

2015/ № 1

№ 2